К.А. Малафеев

Луи Барту

политик и дипломат

К.А. Малафеев Луи Барту – политик и дипломат

БИБЛИОТЕКА
„ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.
ДИПЛОМАТИЯ“

К. А. Малафеев

Луи Барту

политик и дипломат

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1988

ББК 63.3(4Фр)
М18

М $\frac{0503010000—056}{003(01)—88}$ 58—88

ISBN 5-7133-0135-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Луи Барту тесно связано с историей французской Третьей республики, ее внешней политики и дипломатии, международных отношений периода первого этапа общего кризиса капитализма. Влиятельный парламентарий, талантливый публицист-литератор, удостоенный избрания в состав Французской академии, известный европейский библиофил, человек высокой культуры, Луи Барту 14 раз был министром в составе французских республиканских правительств последнего десятилетия XIX — первой трети XX века, в том числе находился на посту премьер-министра и дважды — на посту министра иностранных дел. Он прошел долгий и сложный политический путь. Придерживаясь правых убеждений, всегда верный своему классу — буржуазии, он вместе с тем был в числе немногочисленных тогда буржуазных политиков, которые в годы, предшествовавшие второй мировой войне, не позволили ослепить себя ненавистью к социалистическому Советскому государству, сумев реалистически оценить фашистскую угрозу как национальным интересам Франции, так и международному миру.

Через несколько дней после гибели Луи Барту, павшего от пуль фашистских террористов, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов в беседе с московским корреспондентом французского агентства Гавас Рене Жилем сказал: «Барту... умом государственного деятеля большого масштаба понял слабость устоев, на которых зиждется европейский мир, и размеры опасности, грозящей этому миру. Он понял ничтожность и ненадежность лозунга «Спасайся, кто может» и важность и незаменимость коллективных усилий всех государств, стремящихся к миру. Он понял значение участия в этих коллективных усилиях мощного Советского государства, а поняв это, решил действовать и действовал энергично»[1]. Луи Барту сыграл активную роль в развернувшейся в середине 30-х годов борьбе за создание системы европейской

коллективной безопасности на базе равноправного и действенного франко-советского сотрудничества.

«Теперь мы знаем больше и лучше, — отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — чем знали в ту пору, кто и как помогал фашистской правящей клике вооружаться, разворачивать потенциал агрессии, готовиться к военным авантюрам... Время никогда не снимет с них ответственности за постигшую катастрофу, которую можно было предотвратить, если бы тогдашним западным руководителям не застилала глаза неприязнь к социализму»[2]. Тем важнее высветить роль тех политиков капиталистического Запада, которые могли реалистически оценить роль и значение Советского государства, поддержать его усилия по обузданию и предотвращению фашистской агрессии. Среди них Луи Барту принадлежит видное место. Это делать особенно важно теперь, когда на руководителей всех государств ложится равная ответственность за судьбу мира. «Мы хорошо понимаем, — отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, — что далеко не все в наших силах, что многое будет зависеть от Запада, от умения его лидеров не терять трезвого рассудка на важных исторических перепутьях»[3].

В предлагаемой книге впервые в советской исторической литературе делается попытка исследования политической биографии Луи Барту. За рубежом, в том числе во Франции, существует всего несколько подобных книг и эссе. Среди них — книга французского буржуазного публициста Октава Обера (Париж, 1935 г.), работа немецкого журналиста антифашистского направления Вильгельма Херцога (Цюрих, 1938 г.), эссе Женевьевы Табуи, включенное в ее книги о дипломатической борьбе 1919—1939 годов (Нью-Йорк, 1942 г.; Париж, 1958 г.), а также исследование видного французского историка-международника Ж.-Б. Дюрозеля «Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г.», прочитанное как доклад на советско-французской конференции историков в Москве в 1961 году, оценки и выводы которого были повторены им в содержательной, хотя и во многом спорной, монографии «Декаданс 1932—1939 гг.» (Париж, 1979 г.).

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, автор предлагаемой книги использовал круг разнообразных источников: советские и зарубежные публикации дипломатических документов, русскую, советскую и французскую периодическую печать, французские парламентские отче-

ты, мемуарную литературу. Политическая биография Луи Барту излагается с учетом достижений советской исторической науки в изучении истории французской Третьей республики, международных отношений первой трети XX века, русско-французских и советско-французских отношений. В книге использованы труды академиков А. Л. Нарочницкого, Е. В. Тарле, В. М. Хвостова, исследования В. И. Антюхиной-Московченко, З. С. Белоусовой, Ю. В. Борисова, А. З. Манфреда, Н. Н. Молчанова, Ю. И. Рубинского, В. Я. Сиполса, В. П. Смирнова и ряда других историков.

Излагая биографию Луи Барту, автор не описывает подробно сами события конца XIX — первой трети XX века, а показывает их через восприятие Барту, раскрывая ту роль, какую они сыграли в формировании и эволюции его политических убеждений и действий.

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность профессору, доктору исторических наук Ю. В. Борисову за внимательное прочтение рукописи и уточнение некоторых положений.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Формирование личности Луи Барту как политика проходило в десятилетия, последовавшие за Парижской коммуной 1871 года, в обстановке острой социальной борьбы и установления буржуазно-республиканского режима во Франции. В. И. Ленин писал: «Демократия Франции, с рабочим классом во главе.., создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года... По мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных... элементов — французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»[1]. Луи Барту через всю жизнь пронес в своем сознании след этого «перевоспитания».

Жан-Луи Барту родился 25 августа 1862 года в маленьком городке Олорон-Сент-Мари, на юго-западе Франции. Семья его отца, мелкого торговца скобяными товарами, была типичной провинциальной мелкобуржуазной семьей, имевшей, однако, определенные политические традиции. Дед Барту по отцу был школьным учителем, убежденным и активным республиканцем, противником монархического и бонапартистского режимов. Сам Барту писал, что «склонность к политической деятельности развивается, как правило, не под влиянием семейных традиций, а как результат личного призвания»[2]. Однако семейные традиции все же сыграли в его жизни немалую роль. С детских лет он впитывал республиканские и антиклерикальные взгляды и принципы. Его кумиром был Виктор Гюго. Ребенком он знал гневные строфы его «Возмездия», беспощадно разоблачавшие и клеймившие цезарианский произвол «Наполеона Маленького» — императора Наполеона III, узурпировавшего в декабре 1851 года верховную государственную власть. Неприязнь к бонапартистскому деспотизму сохранилась у Барту на всю жизнь. Обличительные

стихотворные памфлеты Шарля Леконт де Лиля, направленные против Второй империи, вызывали его восхищение и в старости. Он называл их великолепными[3].

События франко-прусской войны 1870—1871 годов, позорный крах деспотии Наполеона III, его капитуляция в Седане перед монархической и милитаристской Пруссией, провозглашение 18 января 1871 года в Зеркальном зале Версальского дворца Германской империи оставили в сознании Барту, тогда 9-летнего мальчика, глубокий след. Он принадлежал к тому поколению французов, на плечи которого лег тяжелый «моральный гнет» последствий этого поражения, торжества прусского милитаризма, его постоянного давления на униженную, ограбленную и ослабленную Францию, потерявшую Эльзас и Лотарингию и вынужденную уплатить пруссакам 5-миллиардную контрибуцию. Ромен Роллан писал: «Позже трудно будет понять то состояние морального угнетения, в котором прошла наша юность — юность поколения, родившегося в период с 1866 по 1872 год... Смерть неотступно сторожит все наше поколение, а облик ее слишком ясен: это война. С 1875 года страна живет ожиданием войны. С 1880 года война предрешена, она стала неизбежной. Заранее обреченные на гибель, мы, как солдаты, стоим лагерем и, где бы мы ни были, не снимаем с себя ранцев, в любую минуту ожидая приказа о выступлении»[4]. Барту, будучи четырьмя годами старше Ромена Роллана, ощущал этот «моральный гнет» еще явственнее. Но это не сломало, а закалило характер Барту, укрепило его жизнелюбие на всю жизнь.

Осенью 1875 года 13-летний Луи Барту поступил в лицей провинциального городка По. Это было время утверждения третьего в истории Франции буржуазно-республиканского режима, режима Третьей республики, в первом же акте которого один из его лидеров Леон Гамбетта заявил: «Луи Наполеон Бонапарт и его династия навсегда лишаются французского престола»[5]. 30 января 1875 года Национальное собрание утвердило республиканскую конституцию, основанную на провозглашенном просветителями XVIII века Монтескьё и Вольтером принципе «разделение властей» — законодательной, воплощенной в двухпалатном парламенте (палате депутатов и сенате), и исполнительной, олицетворенной советом министров и президентом республики. Принятием конституции не закончилась развернувшаяся в стране борьба между республиканцами и монархистами, опиравшимися на поддержку

католической церкви, Ватикана. Среди депутатов Национального собрания было много монархистов и клерикалов. Даже сама республиканская конституция была принята большинством всего в один голос — 353 депутатами против 352. «Республика без республиканцев!» — острили ее враги. И все же новый, республиканский режим прокладывал себе дорогу, становился определенным историческим итогом длительной борьбы французской демократии и рабочего класса против феодально-клерикальной реакции.

Барту-лицеист жил в атмосфере острой борьбы республиканцев и монархистов, которая развертывалась не только в Париже, но и в провинции. В мае 1877 года палата депутатов приняла решение о подавлении антиреспубликанской агитации клерикалов. «Клерикализм — вот враг!»[6] — провозгласил Л. Гамбетта. Вокруг этого лозунга-программы сплотились сторонники республики, одержавшие политическую победу. В 1879 году парламент перебрался из Версаля, где он пребывал со времени коммуны, в Париж. Республика охотно подчеркивала свою преемственность Великой французской революции XVIII века. День взятия Бастилии, 14 июля 1789 года, был объявлен ежегодным национальным праздником, а «Марсельеза» — боевая песня марсельских ополченцев 1792 года, сложенная Руже де Лилем, — стала государственным гимном страны. В 1882 году празднование 80-летия Виктора Гюго — великого писателя-демократа, непримиримого борца против бонапартистской тирании — превратилось в грандиозную республиканскую и национальную манифестацию. Все эти события наполняли политическую атмосферу, в которой рос юный Барту.

Нельзя сказать, что программа обучения в лицее, особенно провинциальном, строилась на новых республиканских идеях. Она основывалась на штудировании латыни, изучении римской классики. К Вергилию Барту с лицейских лет проникся особенным уважением, знал наизусть по-латыни многие места из его «Энеиды», знаменитой поэмы о странствиях легендарного Энея, родоначальника «великого» Рима. В образе Энея Барту привлекала его способность к самоотречению во имя высокой цели. Барту ценил в Вергилии житейский аскетизм и моральную стойкость, независимость политического мышления, убежденность в подчинении частного, единичного «общему благу»[7].

После окончания лицея перед Луи Барту встал вопрос о выборе профессии, и он решил его без колебаний. Отка-

завшись от наследования «дела» отца — скобяной торговли, — он поступил на юридический факультет университета. На первый взгляд, это было традиционным решением: для буржуа диплом адвоката или юриста-правоведа открывал путь к сколачиванию состояния, давал возможность заняться прибыльным делом. Но Барту стремился к другому: для него юридическое образование было первой ступенькой на пути профессионального политика, который он для себя избрал. Позднее он напишет, что таково было его жизненное призвание[8].

На студенческой скамье Барту тщательно изучает не только юридические науки, но и всеобщую, особенно французскую, историю, много внимания уделяя истории Великой французской революции и последовавшего за ней бурного, наполненного политическими событиями периода. Он внимательно читает посвященные революции, Директории, Консульству и Первой империи книги Ф. Минье, А. Тьера, Ф. Гизо, А. Ламартина, Ж. Мишле, А. Токвиля, И. Тэна, А. Олара. Однако среди деятелей революции его симпатии привлекают не Робеспьер, Сен-Жюст или Марат. Его привлекают те политики, которые, подобно Мирабо, пытались выступать от имени всего «третьего сословия». Как Тэн и Токвиль, Барту подчеркивал благодетельную силу традиций, отвергал революционно-демократический путь решения социальных проблем. Он видел в складывавшемся во Франции буржуазно-республиканском режиме «чистую демократию», выходящую за рамки классовости. Политические взгляды он не менял на протяжении всей жизни.

В студенческие годы Барту, как и многие его сверстники, увлекается модной тогда позитивистской философией, изучает труды Огюста Конта и вышедшую в Париже в 1865 году книгу Клода Бернара «Введение в экспериментальную медицину». В позитивизме, объявившем эксперимент базой не только физиологии и естествознания, но и социологии и политики, Барту привлекали такие его черты, как отрицание метафизики, возвеличение науки и научных, опытных знаний, отказ от признания сверхъестественных факторов, взгляд на человека как на продукт окружающей его среды. Барту стал адептом позитивизма, хотя и не принял его целиком. В частности, он не разделял враждебного отношения Конта и его единомышленников к Великой французской революции.

В 1884 году, завершив юридическое образование, Барту становится адвокатом в административном центре депар-

тамента Атлантические Пиренеи — городке По. Через четыре года адвокатской практики, обретя определенную поддержку и влияние среди своих клиентов, Барту выдвигает свою кандидатуру на выборах в городской муниципальный совет и добивается успеха. Пост муниципального советника становится первой ступенькой в его политическом восхождении. Как адвокат Барту высоко ценил силу меткого, выразительного, емкого, эмоционально окрашенного слова. Он изучает труды знаменитых ораторов древности, особенно Цицерона, увлекается книгами корифеев французского Возрождения — Рабле и Монтеня, моралистов XVII века, «блестящего» века французской литературы, — Ларошфуко, Лабрюйера, Паскаля. Интерес к словесному искусству влечет Барту к литературе, что не противоречило его стремлению к политической деятельности. «Политическая трибуна, — скажет он позднее, — это алтарь слова. Надо благоговейно чтить трибуну, чтобы возвыситься до нее»[9].

На парламентских выборах, назначенных на 27 января 1889 года, Барту выставил свою кандидатуру, претендуя на депутатский мандат от избирательного округа Олорон-Сент-Мари — своей родины. Внутри- и внешнеполитическое положение страны было сложным. Десятилетнее правление умеренных буржуазных республиканцев, республиканцев-«оппортунистов» (приспособленцев, как их называли), соратников и наследников «великого» Гамбетты, скончавшегося в 1882 году, их активная защита интересов крупного капитала подорвали авторитет государственных институтов республики. «Никогда палата депутатов, — писал тогда с нескрываемым сарказмом М. Е. Салтыков-Щедрин, — не видела в стенах своих таких сытых и мирных сынов отечества», которые требовали от республики только одного — обеспечить им «сытость, покой и возможность собирать сокровища»[10].

Колониальные войны в Тунисе и Северном Вьетнаме, стоившие французскому народу и его армии немалых жертв, в частности, открыли путь к собиранию подобных сокровищ, которые стали оседать в сейфах парижских банкиров. Разразившийся в 1887 году скандал с 79-летним президентом Ж. Греви, уличенным в «торговле» государственными должностями и знаками отличия, в их числе высшей наградой — орденом Почетного легиона, — наглядно показал разложение рядов умеренных республиканцев, резко подорвал их престиж. Используя ослабление позиций Франции из-за внутриполитических событий

и затяжных колониальных войн в Индокитае, которые были начаты при кабинете Ж. Ферри, кайзеровская Германия усилила натиск на нее. В начале 1887 года германский канцлер Бисмарк, спровоцировав пограничный инцидент, пытался начать новый антифранцузский военный поход. И только благожелательная для Франции позиция России, отказавшейся поддерживать его акцию, остановила лидера германо-прусских милитаристов.

В ходе избирательной борьбы слабевшие позиции республиканцев-«оппортунистов» слева атаковали радикалы во главе с быстро выдвигавшимся на политической арене Ж. Клемансо, которого прозвали «Тигром» и «Низвергателем министров», справа — бонапартисты, лидером которых стал бывший военный министр генерал Ж. Буланже. Воспитанник аристократического Сен-Сирского военного училища, один из палачей Парижской коммуны, Буланже рядом показных мер (сократил срок военной службы с пяти до трех лет, ввел обязательную всеобщую воинскую повинность, что отменяло привилегии богачей, не проходивших армейскую службу) завоевал популярность среди части крестьянских и мелкобуржуазных городских кругов, опираясь на которые он рассчитывал захватить власть, ликвидировать республиканский режим, вернуть страну к диктатуре бонапартистского типа. В этой обстановке молодой Луи Барту должен был определить свою политическую позицию. Демагогическое красноречие Клемансо не привлекало его. Бонапартизм Буланже был принципиально враждебен ему как убежденному республиканцу. Он начинает активную борьбу с буланжистами и в ходе этой борьбы примыкает к политической группировке буржуазных республиканцев, провозгласивших себя прогрессистами, их называли республиканцами «нового стиля». Здесь он во время выборов впервые одерживает победу и получает депутатский мандат, который сохраняет в течение последующих 33 лет, до июля 1922 года, когда был избран в верхнюю палату республиканского парламента — сенат.

Луи Барту не затерялся в ординарной массе депутатов-прогрессистов, лидером которых стал Шарль Дюпюи, отличавшийся среди своих коллег лишь необычайной дородностью, за что получил в парламентских кругах прозвище «Гиппопотам». Сразу заметивший Барту-депутата русский дипломат в Париже князь Урусов охарактеризовал его как «весьма способного и честолюбивого» парламентария-республиканца, умеющего сохранять свою поли-

тическую независимость и парламентскую самостоятельность [11]. Подобная независимая позиция встречала настороженность, а порой и враждебность его коллег-депутатов. В парламентских кулуарах говорили, что, когда одного возможного кандидата на пост главы кабинета спросили: «Если бы вы были премьером, то хотели бы иметь Барту на своей стороне или против себя?» — тот ответил: «Ах, да ведь это, по существу, одно и то же!» Барту не смущало подобное злословие. Он, верный своему «жизненному призванию» — избранному пути профессионального политика, стремился скорее пройти то испытание, которое он назовет позднее «великим испытанием», — властью, работой на министерском посту [12].

Л. Гамбетта, политик и оратор, остается для него образцом истинного республиканца. «Гамбетта считал, — свидетельствовал один из его современников Жозеф Рейнак, — что республика не может уподобиться маленькой молельне, доступной для немногих, она должна стать громадным зданием, открытым для всех французов, признающих ее учреждения» [13]. Эта идеалистическая вера в возможности буржуазной демократии, в ее «надклассовый» характер вдохновляет Барту. «Быть сыном бедного рабочего, бороться, страдать, побеждать и достигнуть постов, которые в течение стольких лет занимаю я в учреждениях республики и в правительствах, — вот что такое демократия!» [14] — скажет Барту в старости, в конце своего политического пути, почти дословно повторив слова Гамбетты. Он всегда помнил политическое кредо Гамбетты. «Политика, — утверждал тот, — налагает на нас необходимость делать много уступок... Осторожность и благоразумие — вот что нам необходимо больше всего. Но в особенности нужно уметь распознавать то, от чего нам следует воздержаться. Вся политика только в этом и состоит» [15]. Но Барту не был сторонником политического «воздержания», не повторял догматически кредо Гамбетты, а развивал и сохранял его основную политическую «мудрость». «Власть является великим испытанием, — напишет Барту позднее, подводя итог своих размышлений и практической деятельности. — Находясь у власти, видишь трудности и их последствия совсем иначе, чем посторонний наблюдатель. Критиковать легче, чем действовать. Существует слишком мало общих правил, на которые можно было бы опираться для того, чтобы хорошо управлять. Поэтому следует идти за своим временем и обстоятельствами» [16]. Внешне эта политическая заповедь Барту почти не

отличалась от кредо Гамбетты, но по существу во многом была иной: Гамбетта призывал только к политической осторожности, к пассивному приспособлению к ситуации, Барту говорил о другом — о необходимости учитывать изменяющиеся обстоятельства и строить политику в зависимости от них.

Барту не случайно называл себя республиканцем-прогрессистом. Он считал, что новая политическая группировка, пришедшая на смену республиканцам-«оппортунистам», должна возродить и укрепить «чистоту» республиканских государственных институтов, защитить республиканскую конституцию от атак бонапартистской и клерикальной реакции, укрепить внешнеполитические позиции Франции в противовес Германии. Молодой Барту оказывается в числе тех, в целом дальновидных, парламентариев и политиков, которые после «военной тревоги» 1887 года, когда позиция России остановила занесенный над Францией кулак германского «железного канцлера» Бисмарка, осознали жизненную необходимость для страны франко-русского союза. «В настоящее время нашей единственной опорой является надежда на русскую поддержку, которая так пугает Бисмарка»[17], — писал в марте 1889 года один из авторитетных республиканских дипломатов П. Камбон. Барту, впоследствии сблизившийся с братьями-дипломатами Полем и Жюлем Камбонами, а затем и их племянницей — историком и журналисткой Женевьевой Табуи, — занимал такую же позицию. Недаром уже тогда русское посольство в Париже обратило внимание на парламентскую деятельность молодого Барту[18].

30 мая 1894 года он впервые занял пост в министерстве, став министром общественных работ в правительстве, сформированном Ш. Дюпюи.

Министерский дебют Барту состоялся в период, когда происходило дальнейшее развитие французского капитализма, вступившего в империалистическую стадию. В. И. Ленин назвал французский империализм, при котором огромная роль отводилась банкам и вывозу капитала, «ростовщическим»[19]. Владельцы банков, как существовавших с начала XIX века (банка Ротшильда, Французского Парижско-Нидерландского), так и вновь созданных в 70-е годы XIX века (Индокитайского банка и Лионского кредита), сосредоточили в своих сейфах до 70% всех вкладов. И хотя эти средства только частично использовались в национальной промышленности, а значительная их часть вывозилась за границу, Франция, оставаясь в основном мелко-

буржуазной, крестьянской страной, шла по пути развития капиталистической индустрии.

Осенью юбилейного для республиканской Франции 1889 года, когда отмечалось 100-летие со дня взятия восставшим народом королевского оплота — тюрьмы Бастилии, в Париже была проведена Всемирная промышленная выставка, для которой французский инженер Густав Эйфель спроектировал и построил грандиозное высотное сооружение — 300-метровую башню, сделанную целиком из металла. Это была впечатляющая демонстрация успехов французской металлургической промышленности, строительной техники, научно-технической мысли. Эйфелева башня символизировала превращение Парижа и прилегающих к нему районов в ведущий промышленный центр страны, центр концентрации индустриального производства и рабочего класса.

Вместе с ростом рабочего класса росли и крепли его организации. В 1880 году была создана Французская рабочая партия, принявшая социалистическую программу, введение к которой было написано К. Марксом. В стране происходило обострение классовой борьбы. Если в 1890 году рабочие провели свыше 300 стачек, то в 1893 году — 634[20]. 1 мая 1891 года в ряде городов рабочие-демонстранты требовали введения 8-часового рабочего дня. В городе Фурми полиция стреляла в первомайскую демонстрацию. В 1892 году бастовавшие горняки Кармо вступили в схватку с направленными против них солдатами. «Даже самые близорукие люди видят теперь, — говорил тогда с парламентской трибуны Ж. Клемансо, — что трудовой народ проявляет волнение, что возникло что-то новое, появилась грозная сила, с которой политические деятели обязаны отныне считаться»[21].

В палате депутатов эта новая «грозная сила» после проведенных в 1893 году очередных парламентских выборов была представлена 30 социалистами, в том числе их лидерами Ж. Гедом, Э. Вайяном, в прошлом участником Парижской коммуны, и Ж. Жоресом, быстро выдвинувшимся на передний край борьбы. Горячий борец и убежденный демократ, обладавший исключительным ораторским талантом, бесстрашный противник реакции и милитаризма, искренне стремившийся служить трудящимся массам, Жорес сохранял веру в возможность перестройки мира, социальных отношений силой убеждения, обличительного слова. И парламентская трибуна стала главным орудием его борьбы. Ромен Роллан в своих воспомина-

ниях нарисовал колоритный портрет Ж. Жореса тех лет: «Большой, сильный, с внешностью и манерами простолюдина, бородатый и краснощекий, с крупными, мясистыми чертами лица, небрежно одетый, излучая радость жизни и борьбы, он поднимался тяжелыми быстрыми шагами по ступенькам трибуны... Голос у него был громкий, очень высокий, почти пронзительный, утомляющий... Он, не уставая, произносил на самых высоких нотах всю речь, даже если она длилась полтора-два часа!»[22].

В гневных, проникнутых сарказмом парламентских речах Жорес не щадил своих буржуазных оппонентов. Будучи всего тремя годами старше Барту, он смотрел на него как на молодого, начинающего политика. «Можно было ожидать, — говорил Жорес с парламентской трибуны, — что все эти новые и молодые люди, все эти Барту и Бюрдо будут вести новую, смелую политику и попытаются, если можно так выразиться, оправдать перед демократией свое внезапное появление на вершинах политической жизни смелостью своей мысли и решительностью своих действий!» Нет, категорически уверял Жорес, Барту не оправдал этих ожиданий, он своего рода «политический пустоцвет». Барту не отвечал на парламентское остроумие Жореса, но его вражда к оратору социалистов возрастала.

В 1894 году разразился финансовый скандал с Южной компанией железных дорог, ведущие акционеры которой в течение десяти лет расхищали предоставлявшиеся им руководителями компании значительные денежные средства. Это был уже не первый подобного рода инцидент, вызванный финансовыми аферами буржуазных дельцов и банкиров. В обстановке накала страстей вокруг разоблачений скандальной деятельности компании произошло первое открытое и острое столкновение Барту с Жоресом. Как министр общественных работ Барту предложил палате депутатов одобрить разработанное правительством Дюпюи новое соглашение с компанией взамен прежнего. То была, в сущности, попытка спасти лицо правительства и компании. Жорес энергично выступил против предложения Барту. Лидер социалистов с парламентской трибуны горячо уверял депутатов, что министр общественных работ стремится «покрыть» проворовавшихся заправил компании, поощряет их финансовые злоупотребления. В пылу атаки на правительство Дюпюи Жорес намекал на то, что сам Барту якобы замешан в получении взяток от этой компании[23]. Парламентский «суд чести» отверг обвинения

и единодушно подтвердил честность Луи Барту[24]. Но отношения между ним и Жоресом стали накаляться.

В сентябре 1894 года французская контрразведка нашла в здании германского посольства в Париже разорванное на мелкие клочки письмо, адресованное германскому военному атташе полковнику фон Шварцкоппену. Это было начало «дела Дрейфуса», которое было использовано французским генеральным штабом и армейским генералитетом для укрепления своего положения и влияния в республиканском государственном аппарате и стране. Одновременно оно усилило старые опасения в отношении тайных происков кайзеровских милитаристов, стремившихся всеми способами подорвать оборонные возможности республиканской Франции.

24 декабря военный министр генерал Мерсье внес в палату депутатов подготовленный кабинетом Дюпюи законопроект о введении смертной казни за государственную измену. Жорес энергично выступил с протестом, объясняя действия правительства «страхом» перед социалистами. Премьер-министр взялся сам защищать законопроект, вступив в полемику с Жоресом. Лидер социалистов доказывал, что законопроект направлен против возможных волнений рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, грубо попирает их гражданские права. Перед красноречием Жореса лишенный ораторского таланта Дюпюи оказался безоружным, и Барту попытался ему помочь: «Господин Жорес, вы отлично знаете, что лжете!» — крикнул он с места. «Нет! — громко заявил в ответ Жорес. — Лжем не мы, социалисты, а те, кто пытается спасти свою ставшую шаткой власть, только прикрываясь патриотизмом!»[25].

Заявление Жореса, направленное против правого крыла и «центра» палаты депутатов, вызвало их бурную реакцию и привело к парламентскому скандалу. Он был удален из зала палаты и временно лишен права участвовать в парламентских дебатах. Виновником происшедшего инцидента он счел Барту. В тот же день секунданты Жореса Р. Вивиани и Г. Руане передали Барту вызов на дуэль. Тот без колебаний немедленно принял вызов.

Поединок на пистолетах Барту и Жореса состоялся в рождественский день, 25 декабря. Секундантами Барту были его друзья Лаветюжон и Лафон. Оба дуэлянта промахнулись. «А ведь каждому из них, — пишет советский историк Н. Н. Молчанов, — было суждено умереть именно от пули, только с Барту это случилось ровно на двад-

цать лет позже смерти его противника»[26]. Жорес не любил вспоминать об этой дуэли. Он понимал, что пистолетные выстрелы, которыми обменялись противники, не могли разрешить в основе своей классовый спор между ними.

«Дело Дрейфуса» продолжало обостряться. Оно раскололо страну на два лагеря: на защитников невинно осужденного капитана А. Дрейфуса — дрейфусаров и противников — антидрейфусаров. Таким образом, оно невольно обнажило глубину противоречий, раздиравших страну. В. И. Ленин отметил, что во Франции того времени «достаточно оказалось такого «неожиданного» и такого «мелкого» повода, как одна из тысяч и тысяч бесчестных проделок реакционной военщины (дело Дрейфуса), чтобы вплотную подвести народ к гражданской войне!»[27].

В этой напряженной политической атмосфере Л. Барту 29 апреля 1896 года в качестве вице-премьера и министра внутренних дел вошел в состав правительства, которое возглавил правый республиканец Жюль Мелин. «Маленький.., седой как лунь, невзрачный на вид человек, известный своей косностью, коварством и преданный интересам капиталистов, на службе у которых он и состоял»[28] — такой портрет Мелина нарисовал Р. Роллан. В дни формирования кабинета русский посол в Париже Моренгейм сообщил в Петербург: «Трудно что-либо сказать о шансах на длительность существования нового кабинета, но вполне определенно то, что он представляет собой последнюю преграду, которая может еще предохранить страну от революции»[29]. Сотрудничество с Ж. Мелином стало далеко не лучшей страницей политической биографии Барту; оно долго вызывало к нему неприязнь со стороны левых и центристских парламентских группировок.

В кабинете Мелина Барту играл ведущую роль. Французский историк А. Зеваэс отметил, что, хотя кресло премьер-министра занимал Мелин, «истинным главой правительства был молодой и стремительный Луи Барту»[30].

Вскоре Барту столкнулся с новой ситуацией, сложившейся в результате «дела Дрейфуса». Осенью 1897 года руководство контрразведки — Второго бюро — во главе с подполковником Жоржем Пикаром обнаружило наконец виновника этого «дела» — германского шпиона Эстергази. Об этом сразу стало известно Мелину и Барту. Им было также известно, что генеральный штаб, армейское командование, сильные в стране католические круги категорически выступают против оправдания Дрейфуса. Ж. Мелин, связанный с этими реакционными кругами, покорно пошел

у них на поводу. Барту поддержал позицию Мелина, полагая, что безусловная реабилитация Дрейфуса будет на руку прогерманским силам, к тому же подорвет престиж французского военного руководства. В выступлениях дрейфусаров он видел угрозу стабильности республиканского режима в стране, ее обороноспособности.

В начале января 1898 года доказательства невиновности Дрейфуса стали достоянием гласности. Парижская радикальная газета «Орор» опубликовала под заголовком «Я обвиняю!» знаменитое открытое письмо Эмиля Золя президенту, которое произвело громадное впечатление в стране и за рубежом. Кабинет Мелина — Барту дважды обсуждал ситуацию, вызванную обвинениями Золя в адрес генштаба, всего военно-политического руководства республики. Военный министр генерал Бийо, поддержанный Мелином и Барту, энергично настаивал на расправе над Золя, подчеркивая, что его выступление в газете является «оскорблением армии»[31]. В конце концов было решено предать суду редактора «Орор» радикала Перро и Золя.

Открывшийся 7 февраля в парижском Дворце правосудия процесс проходил в обстановке разгула шовинистических страстей. Прокурор, защищая позицию правительства, организовавшего процесс, уверял, что правительство, настаивая на сохранении в силе приговора, вынесенного Дрейфусу, заботится прежде всего «об уважении закона и достоинстве правосудия»[32]. Суд приговорил редактора «Орор» к четырем месяцам тюрьмы и штрафу в 3 тыс. франков, а Золя — к максимальному из предусмотренных наказаний за диффамацию — к годичному тюремному заключению и такому же штрафу. Клемансо, активный дрейфусар, способствовавший публикации заявления писателя на страницах газеты, по свидетельству Р. Роллана, сказал, что если бы Золя не был осужден, то «ни один из тех, кто его поддерживал, не вышел бы живым из Дворца правосудия»[33]. Спасаясь от тюремного заключения, Эмиль Золя выехал в Лондон.

Судебная расправа над популярным французским романистом подорвала парламентские позиции правительства. 15 июня 1898 года кабинет Мелина — Барту вынужден был уйти в отставку. В министерской деятельности Барту наступила длительная пауза.

1894 год, год министерского дебюта Барту, год его памятной дуэли с Жоресом, стал одновременно рубежом в его личной жизни. 32-летний Луи Барту женился на дочери богатого негоцианта. То не был, однако, брак по расчету,

столь типичный для французской буржуазной среды. Луи Барту избрал подругу жизни, во многом духовно близкую ему: она интересовалась политической жизнью страны, проблемами французской литературы, театра, музыки, живописи. После свадебного путешествия на родину, в Атлантические Пиренеи, супруги поселились на втором этаже дома на парижской авеню Марсо и стали вести довольно простую, скромную жизнь средних, бережливых, умевших себя ограничивать буржуа. По свидетельству близко знавшего его публициста О. Обера, Барту был счастливым мужем, главой благополучной немногочисленной семьи. В 1895 году у них родился сын Макс.

Предметом, на который Луи Барту позволял себе значительные расходы, были книги. Тщательно собиравшаяся им библиотека вскоре принесла ему в Европе славу известного библиофила. К концу XIX века библиофильство во Франции, да и во всей Европе, уже имело свою историю, опыт, традиции. Барту приобретал, тратя порой громадные деньги, те уже ставшие обязательными для богатых коллекций книги, которые были занесены в каталоги и высоко ценились антикварами-любителями и профессионалами-искусствоведами. На полках застекленных шкафов, сделанных по специальному заказу Барту из дорогого дерева, выстраивались ряды раритетов XVI—XVIII веков. Он также приобретал книги писателей XIX века, своих старших современников. В его библиотеке хранились отпечатанный на специальной голландской бумаге экземпляр «Цветов зла» Шарля Бодлера издания 1857 года с автографом поэта, книги А. де Ламартина, А. де Мюссе, В. Гюго, Т. Готье, А. Рембо, П. Верлена, Г. Флобера, Ж. Санд, А. де Ренье, Ж.-М. Эрдиа, Г. де Мопассана, А. Франса, П. Лоти. Многие из них, такие как Анатоль Франс и Пьер Лоти, дарили Барту свои произведения с теплыми авторскими посвящениями, что делало его коллекцию уникальной. Барту приобретал не только книги, но и рукописи, и даже целые документальные собрания, превратив свою библиотеку в подлинное архивное хранилище.

Библиофильская деятельность стала неразрывной частью жизни Луи Барту. Он редко прибегал к услугам комиссионеров, сам разыскивал интересовавшие его книги, рукописи. Хождение по букинистическим магазинам и лавочкам Парижа стало для него до старости почти ежедневным делом. Советский публицист Н. Корнев, встречавшийся с Барту на склоне его лет, вспоминал в книге «Принцы и приказчики Марианны» (М., 1935 г.): «Его часто

можно было встретить на одной из великолепных набережных Сены, где бесконечным рядом расположились знаменитые парижские букинисты. Элегантный старик часами рылся в кучах книжек и брошюр. Он охотно беседовал с букинистами и их клиентами-завсегдатаями, и кто не знал, что видит перед собой Луи Барту, мог из его мимоходом брошенных замечаний вывести заключение, что перед ним литератор или же фланирующий рантье, собирающий редкие книжки так, как другие собирают древние монеты или почтовые марки».

Октав Обер характеризовал Барту как «человека действия». И его библиофильство не было пассивным накоплением книжных и архивных сокровищ. То была одна из опор его деятельности как публициста, литератора, парламентария, министра.

С начала семейной жизни Барту определяет для себя четкий рабочий распорядок дня. Он встает рано, в 5 часов утра, принимает холодную ванну, делает гимнастику и направляется в свой просторный кабинет-библиотеку, где садится за рабочий стол. Ровно в 7 часов 30 минут ему подают завтрак, в 8 часов является парикмахер. Далее начинается трудовой день: министерская работа, парламентские заседания, деловые визиты, в том числе обязательное посещение букинистов. Этого распорядка дня Барту строго придерживается всю жизнь. В свободное от министерской деятельности время Барту работает как литератор. Он даже любит говорить, что является больше литератором, чем политиком. Это, конечно, не так, но литературные интересы Барту были действительно широки. Он глубоко изучает эпоху от времен Великой французской революции XVIII века до своих дней. В сфере его интересов были не только такие фигуры, как Мирабо или Наполеон I, но и Ламартин, Гюго, Бодлер; не только история или литература, но и музыка; его увлекала не только музыкальная классика — Бах, Моцарт, Бетховен, но и романтическое творчество Шумана, Шуберта, Берлиоза, импрессионизм Форе и Дебюсси.

Высокая культура, широкий кругозор, обширные, многосторонние знания, главным образом по истории, литературе, искусству, способствовали росту авторитета и влияния Барту как парламентария и политика. По словам Эдуарда Эррио, Барту «умел быть любезным даже во время полемики и был блестящим образцом изысканной учтивости своей нации»[34]. Народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов, лично знавший Барту, говорил: «Его

публичные выступления отличались прямотой, серьезностью и убедительностью. Он не прибегал к дипломатическим фразам в ущерб смыслу и ясности своих выступлений... Благодаря его уму, остроумию и всестороннему образованию беседы с ним доставляли всегда истинно эстетическое наслаждение»[35].

На парламентских выборах 1902 года ранее разрозненные политические группировки радикалов, оформившиеся в Республиканскую партию радикалов и радикал-социалистов, добились успеха. Прогрессисты потерпели поражение. Барту удалось сохранить свой депутатский мандат. В новом составе палаты, где господствующее положение занял «Левый картель», Барту вместе с другими прогрессистами вошел в правореспубликанское объединение партийного типа — Демократический союз. Консерватизм программных основ этой группировки выражался в традиционно четких буржуазных классовых идеях: крупная и средняя буржуазия, завоевавшая власть в революционных бурях XVIII—XIX веков, самой историей предназначена для управления Францией, ее представителям суждено охранять республиканскую конституцию, культуру, цивилизацию; власть Франции над завоеванными и уже освоенными колониями незыблема, ее колониальная политика — благодеяние для коренного, туземного населения Алжира, Туниса, Экваториальной Африки, Индокитая; Французская Республика управляется твердо, но «просвещенными средствами», не так, как кайзеровская милитаристская Германия или царская полуфеодальная Россия; с ней, кайзеровской Германией, еще предстоит свести старые 30-летние счеты за франко-прусскую войну 1870—1871 годов, поэтому на Российскую империю все же следует смотреть как на потенциального союзника в предстоящей борьбе, тем более что с 1891—1893 годов существует франко-русский союзный договор. Основной внешнеполитической опорой они считали «просвещенную» Англию с ее громадными ресурсами первой в мире колониальной империи. На левобуржуазные партии и группировки, в их числе радикалов, а тем более социалистов, деятели Демократического союза смотрели как на «плохих республиканцев», чья политическая позиция подрывает «единство французской нации». Демократический союз был готов присвоить себе монопольное право на звание «французского патриота»[36]. Эта политическая группировка отныне стала опорой в дальнейшей парламентской и министерской деятельности Луи Барту[37].

В БУРЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Барту вернулся к министерской деятельности в марте 1906 года. В кабинете радикала Фердинанда Саррьена он получил сразу два министерских портфеля: министра общественных работ и министра почт и телеграфа. Как министр общественных работ он сразу был вовлечен в водоворот обострявшейся в стране социальной борьбы, испытавшей на себе воздействие русской революции 1905—1907 годов. Барту столкнулся с этим в первый же месяц министерской работы. 10 марта 1906 года на угольных шахтах в местечке Курьер, в департаменте Па-де-Кале, произошла катастрофа, получившая громадный резонанс в стране. В результате взрыва рудничного газа погибли 1,2 тыс. рабочих-горняков, а общее число пострадавших достигало 4 тыс.[1] «Тысяча двести шахтеров, почти все мужское население Курьера, отцы семейств и юноши остались под землей в воспламенившейся шахте»[2], — возмущенно писал Жан Жорес, обвиняя шахтовладельцев и правительство в преступном пренебрежении безопасностью тяжелого труда горняков. Эта катастрофа вызвала пролетарскую забастовку протеста против невыносимых условий труда, в которой приняло участие свыше 80 тыс. тружеников северных промышленных департаментов Па-де-Кале и Нор. Палата депутатов спешно вотировала кабинету Саррьена по его просьбе кредит в 500 тыс. франков для оказания помощи семьям погибших и жертв катастрофы[3]. Однако парламентская благотворительность не остановила начавшуюся борьбу. Саррьен и Барту санкционировали отправку 25 тыс. солдат французской армии и полицейских соединений на подавление забастовки. Борьба в северных департаментах продолжалась 52 дня. Войска с трудом сломили энергичное сопротивление рабочих, проведя массовые аресты шахтеров и их жен. Однако не успели стихнуть эти бурные события, как борьба вспыхнула и в Париже, где 1 мая 1906 года прошла 200-тысячная пролетарская демонстрация под лозунгом

введения 8-часового рабочего дня. Кабинет Саррьена — Барту ответил новыми репрессиями. Были арестованы 600 активных участников демонстрации. В напряженной обстановке обострявшейся классовой борьбы правящие круги все же вынуждены были идти на уступки, считаясь с политической ситуацией.

13 июля 1906 года правительство Саррьена — Барту приняло решение о введении обязательного еженедельного воскресного отдыха рабочих. Утвержденное парламентом, это, конечно, ограниченное социальное мероприятие доставило много хлопот правительству, особенно Барту как министру общественных работ. Предприниматели не желали мириться с предоставлением рабочим отдыха, грубо нарушали принятый закон, что вело к усилению забастовочной борьбы. В сентябре бастовали трудящиеся Гренобля, вскоре началась стачка докеров Нанта, затем Марселя, Гавра, Дюнкерка.

Одновременно правительство оказалось перед лицом еще одного испытания. 12 июля Высший кассационный суд оправдал Дрейфуса. На следующий день палата депутатов завершила реабилитацию «героя» уже ушедшего в прошлое громкого «дела»: 432 мандатами против 32 при 87 воздержавшихся был принят законопроект о восстановлении Дрейфуса в рядах офицерского корпуса французской армии в чине майора. Подобный финал «дела Дрейфуса», достигнутый при одобрении кабинета Саррьена — Барту, не удовлетворил социалистов. Их группа внесла на рассмотрение палаты депутатов предложение об уголовном преследовании тех, кто, по ее мнению, сфабриковал это «дело», в их числе — бывшего военного министра генерала Мерсье. Стремясь воспрепятствовать принятию этого предложения, консервативные силы атаковали кабинет Саррьена — Барту, обвиняя его в том, что он допустил «оскорбление армии». В палате депутатов происходили бурные схватки. Правительству удалось добиться отклонения палатой депутатов предложения социалистов. Но оно вынуждено было санкционировать торжественное перенесение праха Эмиля Золя, умершего 29 октября 1902 года в своей парижской квартире от несчастного случая — угара, с обычного кладбища в Пантеон, в место захоронения великих людей Франции.

В октябре 1906 года Ж. Клемансо сменил престарелого и больного Саррьена на посту премьер-министра. Барту в обновленном составе правительства сохранил портфель министра общественных работ, а 24 июля 1909 года вошел

в состав нового кабинета, возглавленного Аристидом Брианом, получив портфели вице-премьера и министра юстиции. Коллегами Барту по кабинету были социалист Р. Вивиани, в прошлом секундант Жореса в поединке с Барту, ставший министром труда, и «независимый социалист» А. Мильеран, занявший пост министра общественных работ. По словам А. Зеваэса, «Барту... старался предать забвению свое ревностное сотрудничество в кабинете Мелина и разыгрывал из себя левого»[4]. Скорее это было не игрой, а стремлением более или менее трезво учесть, конечно, с буржуазных позиций, внутриполитическую ситуацию, характеризовавшуюся подъемом рабочего движения. Будучи министром общественных работ, Барту принял участие в разработке и реализации программы социальных реформ, которую предложил кабинет Клемансо и которая предусматривала законодательное ограничение рабочего дня 10 часами, пенсионное обеспечение трудящихся, национализацию (однако при компенсации владельцам) железных дорог, ликвидацию церковных школ католических конгрегаций и всемерное укрепление республиканского светского образования на базе реализации принятого в 1905 году закона об отделении церкви от государства. Вместе с Брианом Барту как вице-премьер и министр юстиции поставил своей задачей сбить накал классовой борьбы в стране, выдвинув программную идею «ослабления напряженности» («detente»).

«Надо, — говорил Бриан в публичной речи в Перигоре, — чтобы правительство проявило свою власть так, как это должно иметь место при демократии: без насилия, по-отечески, но в то же время действенно, реально. Я не ставлю над воротами республики надпись для тех или иных: „Вход воспрещен"». В этом духе была составлена правительственная декларация, которую в палате депутатов зачитал Бриан, а в сенате — Барту[5].

Луи Барту принял участие в разработке главного внутриполитического мероприятия кабинета — законопроекта об обязательном социальном страховании низкооплачиваемых лиц наемного труда и о введении пенсионного обеспечения рабочих, достигших 65-летнего возраста. 5 апреля 1910 года этот законопроект был одобрен парламентом. Это был позитивный, но, конечно, очень ограниченный шаг. Средства для расширения социального страхования на треть составлялись из взносов самих трудящихся. Да и пенсионный возраст для рабочих, выполнявших тяжелые, в основном ручные, работы, был

высок: пенсионным обеспечением могло воспользоваться только 6—7% тружеников.

Предложенный кабинетом Бриана — Барту «детант» с трудом удержался до осени 1910 года, когда в стране вновь поднялась высокая волна классовой борьбы. 8 октября возник трудовой конфликт в паровозном депо в парижском пригороде Шапелль-и-Плене. Справедливые требования рабочих депо поддержали профсоюзы машинистов и кочегаров. По инициативе председателя профсоюза Теффэна трудящиеся Северной железной дороги объявили забастовку, в которой приняло участие несколько тысяч железнодорожников. Барту вместе с социалистом Вивиани настаивал на энергичных правительственных мерах против рабочих, в частности на увольнении Теффэна и других профсоюзных активистов, ответом на что явилась начавшаяся 11 октября всеобщая забастовка на всех железных дорогах страны. Бриан, Барту и Вивиани приняли решительные меры, опубликовав правительственный декрет о подчинении железнодорожников военной дисциплине и предании нарушителей декрета военно-полевому суду. С помощью декрета удалось сорвать проведение всеобщей забастовки. Во время развернувшихся в палате депутатов бурных дебатов Бриан и Барту подчеркивали, что их твердость помогла восстановить работу железных дорог без кровопролития. В итоге парламентских дебатов 388 депутатскими мандатами против 94 правительству удалось удержать власть. Однако не надолго: 3 ноября кабинет Бриана — Барту вынужден был уйти в отставку. Начался двухлетний период быстро сменявшихся правительств, в которых Барту предпочел не участвовать.

В 1911—1912 годах Барту был целиком поглощен литературной работой. Ее результатом стала солидная монография о Мирабо, опубликованная парижским издательством «Ашетт» в 1913 году в издательской серии «Фигуры прошлого». В Оноре де Мирабо, одном из деятелей буржуазной революции XVIII века, Барту, считавший политическую трибуну прежде всего «алтарем слова», видел служителя этого «алтаря». «Какой портрет он нарисовал великого оратора революции!»[6] — восторгался О. Обер. И все же восторженная книга о Мирабо — это элегия о невозвратном прошлом. Барту не видел в буржуазной Франции начала нового, XX века политиков, равных Мирабо. Он с грустью ощущал оскудение умов представителей того «третьего сословия», блестящим лидером которого был знаменитый граф. Работы Барту по истории Великой

французской революции — после книги о Мирабо он создал содержательное, хотя и схематичное, эссе о Дантоне — получили положительную оценку как литераторов, так и профессиональных историков, в том числе Жоржа Лефевра. Вместе с тем критика отмечала не только широкую эрудицию, солидную документальную базу, но и значительную дозу субъективизма, внесенную Барту в созданные им образы Мирабо и Дантона, которые он, несомненно, идеализировал.

Луи Барту вновь приступил к министерской работе в январе 1913 года, когда над Европой сгущались тучи военной грозы. Империалистические противоречия между великими державами, их борьба за передел мира предельно обострились. В европейских столицах — в Берлине, Вене, Лондоне, Париже, Петербурге — среди правящих группировок на первый план выдвигались, как отметил В. И. Ленин, «военные партии», ратовавшие за максимальное развитие гонки вооружений, апеллировавшие к силе, «не считаясь с дальнейшими последствиями»[7]. В сложном клубке международных отношений Барту видел, как он считал, основное — усиленную подготовку к военной схватке германских милитаристов, непосредственно угрожавших Франции.

В январе 1913 года на пост президента Французской Республики был избран 52-летний Раймон Пуанкаре, один из руководителей Демократического союза. Луи Барту возобновил свой депутатский мандат на очередных парламентских выборах, проходивших 24 апреля — 10 мая 1910 года, по списку республиканцев-прогрессистов, входивших в Демократический союз. С Пуанкаре Барту поддерживал тесные приятельские и политические контакты с 1893 года.

Раймон Пуанкаре на политической сцене Третьей республики выступал как ставленник владельцев тяжелой индустрии, группировавшихся вокруг металлургического концерна Шнейдера, как один из лидеров французской «военной партии». Адвокат по профессии, Пуанкаре начал карьеру со службы в аппарате концерна Шнейдера, чьи предприятия специализировались на военном производстве. В. И. Ленин писал, что у Пуанкаре была «типичная карьера буржуазного дельца, продающего себя по очереди всем партиям в политике и всем богачам «вне» политики»[8]. Однако в сложном политическом облике этого беспринципного дельца, бывшего двумя годами старше Барту, была какая-то определенная грань, способ-

ствовавшая их сближению, которую Дэвид Ллойд Джордж характеризовал следующим образом: «Пуанкаре был лотарингцем; он родился и вырос, имея всегда перед глазами германского орла, простершего крылья над похищенными у Франции провинциями; этот факт породил в нем неукротимую ненависть к Германии и ко всем немцам. Антиклерикализм был его убеждением, антигерманизм — его страстью»[9]. Барту не разделял националистических крайностей Пуанкаре, но его неприязнь и недоверие к милитаристской кайзеровской Германии разделял целиком.

21 января 1913 года Луи Барту в качестве министра юстиции вошел в состав нового кабинета, сформированного Брианом по поручению Р. Пуанкаре. Отметив, что в кабинете Бриана решающие посты заняла «тройка» Жоннар — Этьенн — Бодэн, В. И. Ленин дал им четкую классовую характеристику: «...Вся тройка — самая прожженная и бесстыдная компания финансовых дельцов и аферистов, Этьенн участвовал во всех грязных миллионных скандалах, *начиная с Панамы*. Он — делец по части финансовых операций в колониях... Жоннар участвовал в не менее «чистеньком» добывании концессии на богатейшие железные руды в Уэнца (Африка). Родственнички у него сидят в правлениях крупнейших акционерных компаний. Бодэн — приказчик капиталистов, подрядчиков и владельцев верфей»[10]. Из этой «тройки» близко к Барту стоял только Эжен Этьенн, депутат с 1881 года от Орана, принадлежавший к руководящей группе Демократического союза и тесно связанный с колониальными интересами концерна Шнейдера. Стремление этого концерна к безраздельному хозяйничанью в Марокко определило антигерманскую позицию Этьенна, сблизившую его с Барту[11].

С начала 1913 года внимание правящих кругов Третьей республики сосредоточилось на подготовке страны к военной схватке с Германией. В 1910—1912 годах численность французской армии мирного времени составляла около 555 тыс. человек, что было ниже численности германских войск. К тому же в отличие от Германии французское правительство не могло рассчитывать на возрастание численности призывных контингентов: рождаемость во Франции была невелика. В этих условиях для поддержания заданного военными приготовлениями германских милитаристов обороноспособного уровня у французского кабинета и военного руководства был один выход — продлить срок службы призывников. 4 марта 1913 года Высший

военный совет Французской Республики, заседавший под председательством Пуанкаре, единодушно высказался за отмену введенного радикалами в марте 1905 года 2-годичного срока и замену его 3-годичным, существовавшим ранее на основе закона от 15 июля 1889 года. По расчетам французского генерального штаба, новый закон позволил бы увеличить численность армии на 160 тыс. человек, то есть превзойти численность кайзеровских вооруженных сил. «Результатом этого, — пишет А. Тейлор, — явилась гонка вооружений, целью которой было подготовиться к первым схваткам, гонка, начатая немцами, принявшими в январе 1913 года свой закон об армии»[12]. Барту был одним из инициаторов принятия и проведения в жизнь этого закона.

Внесенный кабинетом Бриана на рассмотрение парламента законопроект об увеличении численности французской армии мирного времени путем продолжения срока службы призывников и одновременного снижения призывного возраста с 21 до 20 лет вызвал в стране политическую борьбу, по остроте немногим уступавшую «делу Дрейфуса». Законопроект, по словам В. И. Ленина, «заведомо непопулярный в массах»[13], сразу встретил упорное сопротивление в палате депутатов. Кабинет Бриана вынужден был уйти в отставку. 20 марта 1913 года Барту по поручению Р. Пуанкаре сформировал новое правительство, впервые за время своей политической деятельности взяв портфель премьер-министра.

В состав правительства, возглавленного Луи Барту, вошли 12 министров и 4 государственных секретаря (министры без портфеля). При формировании состава кабинета Барту четко ставил одну задачу — реализации «законопроекта о трех годах» и тем самым подготовки страны к неизбежному военному столкновению с кайзеровской Германией. Поэтому ключевые министерские посты он передал активным сторонникам этого законопроекта. Военным министром стал Э. Этьенн, военно-морским министром — Пьер Бодэн, министром финансов — Шарль Дюмон, а портфель министра иностранных дел был передан Стефану Пишону, известному парижскому публицисту. В состав кабинета вошли и такие политики, близкие Барту, как консервативный депутат от Кальвадоса Анри Шарон, получивший портфель министра труда, и молодой радикал Анатоль де Монзи, ставший государственным секретарем по морской торговле[14].

Ко времени формирования кабинета Барту в стране произошло довольно четкое размежевание социальных и

политических сил, осью которого стал «законопроект о трех годах». Против законопроекта выступили социалисты, рабочие профсоюзы, объединенные во Всеобщей конфедерации труда, часть радикалов. Против него энергично восстал Жан Жорес. Выходившая в Париже под его редакцией газета «Юманите» ввела на своих страницах ежедневный агитационный раздел под заголовком «Против трехлетней военной службы». Опять, как и в дни «дела Дрейфуса», Барту пришлось вступить в политическую схватку с Жоресом: полемический пыл редактора «Юманите» только усиливал энергичную настойчивость Барту-министра. К тому же Барту имел безоговорочную поддержку президента республики, Демократического союза и других влиятельных правых парламентских группировок, а также значительной части радикалов, в том числе Ж. Клемансо, который энергично поддерживал законопроект. Барту, так же как и Клемансо, всегда помнивший катастрофический для Франции исход франко-прусской войны, рассматривал подготовку к отпору кайзеровским милитаристам как долг французского гражданина и патриота. Вместе с тем в рядах парламентских и внепарламентских сторонников «законопроекта о трех годах» было немало далеких от принципиальности лиц, руководствовавшихся сугубо эгоистическими мотивами. В. И. Ленин, внимательно следивший за развернувшейся вокруг законопроекта борьбой, отметил, что ряд парламентариев-радикалов, таких как Ш. Дюмон и А. Массе, «*защищают* закон о трехлетней службе из-за расчетца на министерское местечко»[15].

Сразу после сформирования кабинета Барту, выступая перед французскими и зарубежными журналистами, заявил, что «является сторонником укрепления армии и ставит его краеугольным камнем своей правительственной программы». В правительственной декларации, зачитанной Барту в палате депутатов, говорилось: «Правительство ставит на первый план необходимость усиления национальной обороны и считает своим долгом защищать законопроект о 3-летней военной службе». Барту подчеркнул, что «Франция доказала свое миролюбие, но не может отказаться от мер, необходимых для защиты ее интересов, достоинства и безопасности»[16]. Обсуждение правительственной декларации проходило в напряженной обстановке, граничившей с полной дезорганизацией парламентского заседания.

25 марта 1913 года в итоге бурных прений 225 мандатами против 162 при 166 воздержавшихся палата депу-

татов поддержала программу кабинета Барту, утвердив его правительственные полномочия[17]. Результаты голосования отражали сложную расстановку парламентских и внепарламентских сил. Русский посол в Париже А. П. Извольский отметил, что в палате депутатов кабинет Барту «получил весьма слабое большинство голосов при значительном числе воздержавшихся». «Положение нового кабинета, — подчеркнул посол, — представляется весьма шатким»[18].

Противники Барту сразу атаковали кабинет. «Кризис разрешился искусственно! — кричал с парламентской трибуны радикал Франклин Бульон. — К власти пришли не те, кто свергнул кабинет, а сотрудники Бриана и, мало того, Мелина!»[19]. Газета левых радикалов «Радикал» без обиняков утверждала: «Дальнейшее пребывание Барту у власти противоречит логике конституции, противоречит парламентским традициям. Нельзя управлять республикой без республиканского большинства». Многие парламентарии считали кабинет Барту обреченным на немедленную отставку. Корреспондент «Русского слова» сообщил: «После оглашения вотума о доверии в кулуарах заговорили о том, что вряд ли кабинет Барту решится остаться у власти при таких обстоятельствах. Нападки на него были слишком резки и ядовиты»[20].

Барту не только остался у власти, но твердо стал проводить намеченную в правительственной декларации политику. Главным докладчиком в палате депутатов по «законопроекту о трех годах» Барту выдвинул Пьера Бодэна. Это был продуманный ход. Бодэн как председатель Франко-Американского банка и одновременно руководитель Французского флотского союза, представлявшего интересы одной из группировок владельцев тяжелой индустрии, имел солидные связи и поддержку среди влиятельных монополистов, в кругах финансового капитала, видевших в развертывании гонки вооружений новые источники прибылей.

Однако сложность обстановки состояла в том, что среди французских капиталистов имелись сильные прогерманские группы, в числе которых находились владельцы мощного металлургического концерна де Вандели, которые, как свидетельствовал один из осведомленных современников, «в действительности имеют двойную национальность: германскую и французскую... После войны 1870 года часть предприятий де Ванделей оказалась в Германии, и тогда один де Вандель заседал в рейхстаге в Берлине, а другой — в палате депутатов в Париже»[21]. Парла-

ментское лобби де Ванделей имело опору среди части депутатов-радикалов, возглавлявшейся председателем Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов Жозефом Кайо, бывшим в 1911—1912 годах министром финансов и возглавлявшим правительство.

Именно вокруг Кайо объединились все противники политического курса Барту и поддержавшего его Пуанкаре. Характеризуя ситуацию, сложившуюся во Франции в 1913 году, А. П. Извольский писал: «В течение своего восьмимесячного пребывания у власти г. Барту пришлось вести ожесточенную борьбу не только против крайних партий радикалов-социалистов, но и против многочисленных личных врагов Президента Республики. Тогда как г. Барту, поставивший себе главной целью проведение закона о трехлетней военной службе и, в связи с ним, о крупном внутреннем займе, все более и более опирался на более умеренные элементы палаты, вышеупомянутые крайние партии объединились под предводительством бывшего председателя Совета министров г. Кайо для дружного натиска на кабинет и, вместе с тем, на самого г. Пуанкаре, не скрывавшего своей полной солидарности с г. Барту и его товарищами в сказанных двух национальных вопросах»[22].

Луи Барту вступил в длительный и жестокий политический поединок с Ж. Кайо. Все разделяло этих деятелей: социальное происхождение, взгляды, программы, методы действий. Кайо, как отметил советский историк Д. П. Прицкер, «из карьеристских соображений ставший левым радикалом»[23], был давно связан с прогерманскими кругами французского финансового капитала. Еще во время обострения франко-германской борьбы из-за Марокко в 1911 году, связанного с заходом германского кайзеровского военного корабля «Пантера» в марокканский порт Агадир, он, тогда министр кабинета радикалов, установил тайные контакты с советником германского посольства в Париже бароном Ланкеном. Тогда же, через посредство некой «русской красавицы», Кайо наладил секретный контакт со статс-секретарем кайзеровского МИД фон Кидерленом. Он пытался использовать для достижения соглашения с Германией методы «эротической дипломатии», зная об увлечении этого германского политика «вином, женщинами и сигарами». Интриги Кайо, нацеленные на беспринципный сговор с германскими милитаристами, были, без сомнения, известны Барту, ибо агентура французского МИД сумела перлюстрировать весьма секретную переписку фон Кидерлена с «русской красавицей»[24]. Естественно, что Бар-

ту видел в Кайо не «пацифиста», за которого тот себя выдавал, а агента германских милитаристов.

Для Барту и его единомышленников «законопроект о трех годах» стал основой усиленной боевой подготовки французских вооруженных сил на случай войны. 18 апреля 1913 года Высший военный совет при участии премьер-министра Л. Барту принял «план XVII» — план размещения будущих фронтов, носивший наступательный характер[25]. Он отражал позицию Р. Пуанкаре и начальника генерального штаба маршала Жоффра, которые были решительными сторонниками войны с Германией. План предусматривал быстрое нанесение двух основных ударов по германским войскам — в районе Вогезов и к северу от района Верден-Мец. В нем детально излагались задачи для каждой французской армии[26].

После утверждения Высшим военным советом «плана XVII» принятие и быстрая реализация «законопроекта о трех годах» стали совершенно необходимыми. Барту усилил агитацию за него. Он напоминал, что за 3-летний срок военной службы ратовал еще Л. Гамбетта. «Я верю, — цитировал его слова Барту, — что за три года можно сделать, в особенности из француза, не только хорошего солдата, но и прекрасного воина»[27]. Ж. Клемансо и его соратник Ж. Мандель всемерно поддерживали Барту. Со страниц основанной Клемансо в мае 1913 года газеты «Ом либр» («Свободный человек») раздавались страстные призывы к укреплению национальной обороноспособности. Клемансо убеждал, что, если Франция не согласится с законопроектом, ей «следует тотчас же отказаться от независимости, встать на колени и просить дружбы у Германии»[28]. Однако социалисты и часть радикалов продолжали упорное сопротивление законопроекту.

5 мая германский рейхстаг принял предложенный кайзеровским правительством закон об увеличении численности армии в мирное время на 136 тыс. человек и одновременно вотировал дополнительные военные расходы в сумме 898 млн. марок[29]. Этот шаг Германии, стремившейся опередить Францию в гонке вооружений и подготовке к войне, помог Барту провести «законопроект о трех годах» через французский парламент: нарастание германской военной угрозы стало очевидным. 19 июля палата депутатов 358 мандатами против 204 приняла предложенный кабинетом Барту законопроект. Вслед за этим 7 августа сенат 244 голосами против 36 согласился продлить срок военной службы с 2 до 3 лет и одновременно снизить призывной

возраст с 21 до 20 лет[30]. Барту расценил парламентский вотум как свой крупный политический успех: отныне его имя было тесно связано с актом принятия «закона о трех годах», значительно укрепившего французские вооруженные силы в самый канун их схватки с кайзеровской Германией. К 1 августа 1914 года в рядах армии Французской Республики вместе с колониальными войсками насчитывалось 882 907 человек[31].

Принятие парламентом «закона о трех годах» еще не означало окончания борьбы в его защиту. Жан Жорес развернул кампанию за подписание «Народной петиции протеста» против закона[32]. Решение кабинета Барту о немедленном введении закона в действие означало, что призывники 1910 года остаются в рядах армии еще на год, поэтому среди солдат начались волнения. В ряде гарнизонов — в Рейи, Туле, Бельфоре, Нанте — солдаты организовали демонстрации. 300 солдат тульского гарнизона вышли на улицу, провозглашая «Долой трехлетний срок!» Демонстранты пели «Интернационал».

Закон о 3-летней военной службе сразу увеличивал численность армейского личного состава на треть. Содержание его требовало значительных средств. Этим и воспользовались Ж. Кайо и его сторонники как в парламентских, так и во внепарламентских кругах, связанные с прогерманскими группировками финансового капитала. «Человек банков», специалист по финансовым вопросам, сам обладавший состоянием в 1 млн. франков, Кайо решил опрокинуть принятый парламентом «закон о трех годах», избрав объектом его самую уязвимую — финансовую — сторону. Руководство радикалов, прикрываясь «левыми» фразами, выступило против предложенного Барту внутреннего займа, который составлял значительную сумму — 1300 млн. франков.

Вопрос о внутреннем займе для Барту был особенно важен, ибо он был неразрывно связан с его внешнеполитическим курсом на всемерное укрепление франко-русского союза, усиленного военно-морской конвенцией, подписанной в итоге семидневнего визита Пуанкаре в Петербург в августе 1912 года. В преддверии военного столкновения с кайзеровской Германией Барту оценивал союз с Россией как главную опору Французской Республики. «Необходимо, чтобы русская армия имела возможность развернуть мощное наступление, подготовив его в кратчайший срок, не более чем в 15 дней»[33], — писал французский посол в Петербурге Теофиль Делькассе, один из

единомышленников и коллег Барту по Демократическому союзу, известный как убежденный враг Германии. Для этого требовались серьезная модернизация вооруженных сил России, повышение их мобильности, что предполагало качественное улучшение состояния железных дорог в направлении к русско-германской границе.

В августе 1913 года кабинет Барту предложил России заем. Французская финансовая поддержка была своевременной: царское правительство приняло «большую военную программу», предусматривавшую увеличение личного состава русской армии на 39% и оснащение ее новейшей артиллерией, на что требовалось до 500 млн. рублей[34]. Для ведения переговоров о французском займе, его объеме и условиях в ноябре 1913 года в Париж прибыл российский министр финансов В. Н. Коковцев. Барту выдвинул четкое, непременное условие: французские деньги должны пойти на строительство новых и модернизацию старых железных дорог, ведущих к западным границам России, что должно было активизировать ее мобилизационные мероприятия, значительно сократить сроки продвижения русской армии к боевым рубежам. На основе этого условия между Барту и Коковцевым было достигнуто соглашение о солидном ежегодном займе России в размере 500 млн. франков в течение пяти лет. Барту обещал содействовать выпуску и размещению во Франции первой серии облигаций «русского займа» в январе 1914 года. В беседе с А. П. Извольским Барту подчеркнул, что проведенные франко-русские переговоры «еще больше укрепили существующие между Россией и Францией единодушие и полное взаимное доверие»[35].

Предложение Барту о внутреннем правительственном займе в сумме 1300 млн. франков встретило сильное сопротивление радикалов, чьи мандаты играли ключевую роль в палате депутатов. Учитывая предстоявшие весной 1914 года очередные парламентские выборы, лидеры радикалов действовали с оглядкой на избирателей. Парламентская группировка радикалов во главе с Кайо и Мальви решительно выступила против предложенного Барту займа, настаивая на покрытии расходов на реализацию «закона о трех годах» путем увеличения подоходного налога и, как отметил русский посол в Париже, «вообще налогов на приобретенное богатство»[36]. Тактика Кайо и его сторонников-радикалов была рассчитана на практический срыв реализации закона об укреплении французской армии: парламентские дебаты о введении нового уровня на-

логового обложения неизбежно бы затянулись, а их итог был бы неопределенным.

Однако среди парламентариев-радикалов не было единодушия. Значительная их часть не отрицала принципиальной необходимости предложенного Барту внутреннего займа, но дебатировала только его сумму, предлагая сократить ее до 900 млн. франков. Барту использовал разногласия среди своих парламентских оппонентов. Твердо настаивая на своем предложении, премьер-министр добился успехов. Палата депутатов большинством в 32 мандата приняла его предложение. Но решение вопроса о способах покрытия вотированной суммы займа встретило непреодолимые для кабинета Барту препятствия. Министр финансов Ж. Дюмон требовал его покрытия путем введения новых налогов, настаивая при этом на освобождении ренты от налогового бремени. Выступая в палате депутатов, он утверждал, что «освобождение ренты от налогов является традицией, неуклонно соблюдавшейся во Франции уже свыше века». Не ограничиваясь ссылкой на историческую «традицию», министр финансов, уже впадая в беззастенчивую демагогию, объявил, что «80% ренты находится в руках различных социальных и благотворительных организаций» и поэтому «нельзя считать эту меру антидемократической»[37]. Требование Дюмона практически означало стремление переложить всю тяжесть новых налогов на трудящиеся массы, а также на мелкую буржуазию. Это сразу перетянуло чашу парламентских весов на сторону противников кабинета Барту. При голосовании по вопросу о способах реализации нового займа, проведенном в палате депутатов 4 декабря 1913 года, кабинет Барту собрал только 265 голосов, 290 парламентариев проголосовали против[38]. Это означало, что палата депутатов отказала кабинету Барту в доверии. «Объявленные результаты, — сообщил А. П. Извольский, — вызвали неописуемое смятение в палате. Социалист Вальян выкрикнул: «Долой 3-летнюю службу!». «Да здравствует Республика!» — кричали радикалы и социалисты. На это г. Барту, немедленно покинувший со своими коллегами министерские кресла, ответил возгласом: ,,Да здравствует Франция!''»[39].

Вечером того же дня Луи Барту вручил Р. Пуанкаре заявление об отставке своего кабинета.

9 декабря радикал Г. Думерг сформировал новое правительство. Он был единомышленником Барту, что, казалось, гарантировало реализацию «закона о трех годах».

Но партия радикалов настояла на передаче Ж. Кайо поста министра финансов, а это осложнило положение. В палате депутатов недаром считали Кайо человеком упрямым, не брезговавшим сомнительными средствами для достижения цели. Да и он сам не стрицал этого: «Я старый, избалованный ребенок, в своей семье я слишком рано привык к полному благосостоянию»[40]. Враждебная Кайо печать характеризовала его более определенно — как «плутократа-демагога»[41]. И в этом была значительная доля истины.

В политических кругах Парижа его считали главным организатором падения кабинета Барту. Кайо обвиняли в том, что он «свалил Барту», чтобы занять пост министра финансов. А в это время Кайо расширял круг своих сторонников. Действуя ставшими для него обычными беспринципными методами, он продолжал борьбу против отстаивавшегося Барту и его единомышленниками «закона о трех годах» и для этого шел на сговор с пацифистским крылом партии социалистов (СФИО), стремясь с помощью демагогических антимилитаристских фраз заручиться поддержкой Жана Жореса[42]. Кайо и его сторонники среди радикалов рассчитывали на агитационную энергию и личный авторитет Жореса, которые могли помочь открыть путь к власти тем политическим группировкам французского финансового капитала, которые искали «компромисса» с кайзеровской Германией.

А. Тейлор полагает, что президенту Французской Республики Р. Пуанкаре «только из-за грязного скандала личного характера удалось избавиться от перспективы создания кабинета Кайо, который при поддержке Жореса и социалистов выдвинул бы программу полного примирения Франции с Германией»[43]. Это утверждение маститого буржуазно-либерального историка нуждается в серьезных коррективах. «Дело Кайо», получившее широкий резонанс в начале 1914 года и принявшее действительно скандальную окраску, было не только личным делом лидера правых радикалов. Оно было завершающим этапом острой политической борьбы, развернувшейся вокруг «закона о трех годах».

К началу 1914 года при участии Барту была создана организация правых, националистически настроенных парламентариев под камуфлирующим названием Федерация левых. Актив организации вместе с Барту составили ведущие борцы за «закон о трех годах» — П. Бодэн, Э. Этьенн, А. Мильеран, А. Бриан. Она получила поддержку президента. Ее девизом стал лозунг «Республика — это сво-

бода!», целью — быстрейшая реализация «закона о трех годах»[44].

18 декабря 1913 года правая парижская газета «Фигаро» выступила с категорическим требованием отставки Кайо с поста министра финансов, удаления его из кабинета Думерга. Требование, выдвинутое газетой, отвечало позиции Барту и Федерации левых. Оставаясь в тени, Барту вместе с Брианом фактически взял в свои руки руководство начатой «Фигаро» газетной кампанией против Кайо[45]. Литературный критик и осведомленный журналист Луи Жан Фино свидетельствовал, что у Барту находились гранки статей редактора «Фигаро» Г. Кальметта, правленных рукой самого Р. Пуанкаре[46].

Главный удар Кайо должна была нанести публикация расшифрованных французским МИД депеш германского посла в Париже, содержавших неопровержимые данные о его секретных связях с немецкой агентурой. Эти депеши относились к периоду острой франко-германской борьбы из-за Марокко в 1911 году. Однако Кайо, имевший связи во французском МИД, сумел воспрепятствовать этой гибельной для него публикации. Тогда Барту при поддержке Кальметта подготовил второй, не менее сильный удар. В распоряжении Барту оказалась секретная записка генерального прокурора парижского суда Фавра, свидетельствовавшая о связи Кайо с мошенником-финансистом Рошеттом, одну из афер которого он, Кайо, пытался покрыть в 1911 году, используя свое служебное положение министра финансов в тогдашнем кабинете. 10 марта 1914 года на страницах «Фигаро» была дана соответствующая разоблачительная публикация. А в последующие дни кампания газеты против Кайо по инициативе ее редактора приняла откровенно скандальную окраску.

В руки Кальметта попала интимная переписка Кайо с госпожой Рейнуар, которая была его любовницей в то время, когда он был женат на госпоже Гейдан. Добившись развода и вступив в брак с Кайо, Рейнуар обрела в лице его бывшей супруги непримиримого врага. От Гейдан и получил Кальметт фотокопии интимных писем Кайо (в Париже утверждали, что он купил их у нее за солидную сумму — 30 тыс. франков). Письма Кайо, какими-то путями перехваченные его бывшей супругой, содержали поразительные «откровения» насчет подлинных антиреспубликанских политических взглядов их автора. Одно из них заканчивалось циничным возгласом: «Целую тебя, и к черту республику!»

Рейнуар-Кайо пыталась остановить публикацию интимных писем мужа. Под ее давлением Кайо добился аудиенции у Пуанкаре. Президент дал слово переговорить с Барту и Брианом, попросить их воздействия на Кальметта. Бриан, однако, уклонился от встречи с Пуанкаре, а Барту заверил президента, что редактор «Фигаро» не собирается публиковать какие-либо «секреты»[47]. Что означало это заверение Барту? О каких «секретах» он говорил? Во всяком случае, конечно, не об интимной переписке. А «Фигаро» бушевала. Газета обещала читателям новые «разоблачения» деяний «Джо», как подписывал свои интимные письма Кайо. Финал оказался трагическим. Вечером 16 марта Рейнуар-Кайо явилась в редакцию «Фигаро» на парижской улице Дрюо, вошла в кабинет редактора и шестью выстрелами из браунинга смертельно ранила Гастона Кальметта. В ночь на 17 марта он скончался в госпитале[48]. Днем 17 марта Кайо вынужден был подать Думергу заявление об отставке с поста министра финансов: госпожа Рейнуар-Кайо уже пребывала в камере парижской уголовной тюрьмы Сен-Лазар.

Трагическая гибель Кальметта и отставка Кайо не сняли напряженности. На вечернем заседании палаты депутатов 17 марта Барту зачитал секретный документ генерального прокурора Фавра. Он рассчитывал сразить Кайо решающим, морально убивающим его как политика ударом, но радикалы при поддержке социалистов сумели отразить его. Палата решила создать парламентскую комиссию по расследованию «дела Рошетта» и причастности к нему Кайо. Усилиями социалистов и радикалов председателем комиссии был избран Ж. Жорес. Комиссия вынуждена была, хотя и в мягкой форме, признать злоупотребление со стороны Кайо-министра, пытавшегося покрыть афериста Рошетта. Палата осудила «незаконное вмешательство денег в политику и политики в дела правосудия». Но этим декларативным и безликим «осуждением» парламентарии и ограничились.

Барту мог считать отставку Кайо своей победой. Однако парламентские выборы, проведенные в острой борьбе в два тура с 26 апреля по 10 мая, ознаменовались внушительным успехом радикалов и социалистов, которые вместе с примкнувшими к ним мелкими группировками (республиканскими социалистами и др.) получили 268 мандатов из 602, не добрав всего 40 мандатов до абсолютного большинства в палате депутатов. Барту сохранил свой депутатский мандат, но Демократическому союзу в целом приш-

лось уступить противникам ряд депутатских мест. Р. Пуанкаре вынужден был поручить формирование нового кабинета республиканскому социалисту Р. Вивиани, получившему, однако, непрочную парламентскую поддержку: Кайо развернул агитацию за формирование «большого левого министерства» с участием социалистов, в том числе Жана Жореса, которому предлагал пост министра иностранных дел. Пост премьер-министра Кайо предполагал оставить для себя. Его даже не смущало, что его супруга находилась в уголовной тюрьме. Он, капиталист-миллионер, знал силу денег в буржуазной республике и был уверен, что сумеет добиться оправдания убийцы Кальметта.

Начавшийся 19 июля в парижском суде присяжных судебный процесс по делу госпожи Рейнуар-Кайо проходил в напряженной внешне- и внутриполитической обстановке. Убийство в Сараеве 28 июня наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда развязало военно-политический кризис в Европе, где противостояли основные силы двух империалистических группировок: германо-австрийского блока и англо-франко-русской Антанты. Барту понимал, что от исхода процесса госпожи Рейнуар-Кайо в значительной степени зависит вопрос о премьерстве ее супруга, а следовательно, и вопрос о боеготовности Франции, ее месте в Антанте.

Редакция «Фигаро», с которой и после гибели Кальметта Барту сохранял связь, заявила, что «дело» госпожи Рейнуар-Кайо является «политическим». И газета прямо обратилась к судьям: «Поддерживаете ли вы «закон о трехлетней военной службе» или нет? Одобряете ли вы французские внешнеполитические союзы или нет?»[49]. В обстановке обострявшегося военно-политического кризиса эти вопросы обретали чрезвычайно актуальный характер. Однако группировка Кайо постаралась уйти от ответов на них. Она сумела сосредоточить внимание суда лишь на личности подсудимой. Адвокатура изловчилась «доказать» сразу две версии: во-первых, что она явилась в редакцию газеты совсем не с целью убийства Кальметта, а всего лишь для беседы с редактором, и, во-вторых, что Кальметт якобы умер не от пуль названной госпожи-террористки, а от совсем иных, посторонних причин. Госпожа Рейнуар-Кайо была оправдана.

Казалось, что путь Жозефу Кайо к власти открыт. Однако германские милитаристы, «компромисса» с которыми так жаждали стоявшие за спиной лидера радикалов силы определенных групп финансового капитала, приняли свое,

иное решение. 29 июля, когда Кайо торжествовал победу, австро-венгерские войска уже начали военные действия против Сербии. Европейская и мировая война стала неизбежной. Вечером 31 июля в парижском кафе «Круассан» 29-летний студент архитектурного факультета Луврской школы Рауль Виллель застрелил Жана Жореса, активного борца против развязывания войны. На этом злодейском преступлении, подготовленном империалистической реакцией, лежал отпечаток разгула шовинистических страстей, будораживших Францию. «Я совершил эту акцию потому, что Жорес изменил своей стране, ведя кампанию против „закона о трехлетней военной службе"»[50], — заявил убийца в полицейском комиссариате. Кайо, сославшись на полученные от префекта столичной полиции сведения об угрозе также и его жизни, поспешно бежал из Парижа, тем самым признав крах своих попыток возглавить правительство Французской Республики.

3 августа 1914 года Франция вступила в первую мировую войну.

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Первая мировая война, длившаяся свыше четырех лет, охватила 24 государства. В. И. Ленин отметил, что кайзеровской Германии и ее союзнице Австро-Венгрии в развязывании войны удалось упредить Францию и ее союзницу Россию. «Немецкая буржуазия, — писал В. И. Ленин, — распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией»[1].

В первые недели начавшейся войны волна шовинизма, поднятая буржуазной пропагандой, захлестнула Францию. Находившийся тогда в Париже И. Г. Эренбург вспоминал: «Трудно рассказать, что делалось в те дни. Все, кажется, теряли голову. Магазины позакрывались. Люди шли по мостовой и кричали: «В Берлин! В Берлин!» Это были не юноши, не группы националистов, нет, шли все — старухи, студенты, рабочие, буржуа, шли с флагами, с цветами и, надрываясь, пели „Марсельезу"»[2].

Шовинистическая волна захватила и семью Барту, которая воспринимала эту войну как французский реванш за прусское вторжение 1870 года, за унизительный для Франции продиктованный Бисмарком Франкфуртский мир. Госпожа Барту на свои средства организовала в Байонне, в арендованном ею здании бывшей католической семинарии, военный госпиталь на 400 коек[3].

Сын Макс, которому шел 19-й год, стремился на фронт. Он горячо и настойчиво убеждал отца согласиться с его решением. «Сын француза, проведшего закон о трехгодичной военной службе, — говорил Макс, — должен три раза подать пример, это его долг. Кто носит твое имя, папа, тот должен отдать себя родине!» Луи Барту согласился с доводами сына, но разлука с ним далась ему тяжело. Позднее в беседе с Р. Пуанкаре он вспоминал: «Конечно, я

предоставил ему возможность поступать по его желанию. Но я знал, что отдаю его Франции»[4]. В ноябре 1914 года, не дожидаясь срока призыва, Макс добровольцем вступил в ряды французской армии. В начале декабря по его настойчивой просьбе он был отправлен на фронт, в Эльзас. 14 декабря Макс Барту был убит осколком разорвавшегося немецкого артиллерийского снаряда на улице эльзасского городка Танна. На следующий день полковник Пенелон из ставки командования эльзасского фронта по телефону сообщил об этом Пуанкаре. Президент Французской Республики направился на квартиру Барту, чтобы лично сообщить отцу о гибели единственного сына. Луи Барту был подавлен горем. В беседе с Пуанкаре он многократно вспоминал час расставания с Максом, энтузиазм сына, заверявшего отца, что он не посрамит его имени. «Бедный мальчик! Он стремился на фронт!»[5] — повторял Луи Барту Раймону Пуанкаре в их «горестной и дружеской» беседе.

Гибель единственного 19-летнего сына стала тяжелым ударом для родителей. Госпожа Барту так и не смогла оправиться от него. Она тяжело заболела. Луи на время отошел от активной парламентской деятельности. Академик Ж.-Б. Дюрозель даже полагал, что в годы войны Барту «играл бесцветную роль»[6]. Это, однако, было не так. Действительно, до осени 1917 года он не появлялся на министерской сцене. Но это не было затворничеством, самоизоляцией. Наоборот, он искал человеческого общения, контактов с новым кругом людей, посещал литературно-политические салоны Парижа, где блеск и острота его речей неизменно чаровали присутствующих.

В зимний сезон 1916/17 года Барту близко знакомится с такими людьми, как Поль Валери и Эдуард Эррио. С Валери его сближают не только любовь к французской литературе, интерес к новейшей французской поэзии, творчеству Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме, но и ненависть к кайзеровскому милитаризму. Оценку германо-прусской военной машины как орудия агрессии, данную Валери в его статье «Германское завоевание» (1897 г.), неоднократно перепечатанной в годы войны, целиком разделяет Барту. Как и Валери, Барту видит в кайзеровском милитаризме антигуманное, бездуховное начало, порабощающее человеческий разум, превращающее людей в слепое орудие насилия и войны. Знакомство Барту с Эдуардом Эррио, мэром Лиона, третьего по значимости промышленного города тогдашней Франции, и одним из восходящих лидеров радикалов, быстро превращается в дружбу. «Он был моим

замечательным другом», — вспоминал Эррио. Многое сближало этих людей, хотя их социальные позиции и политические взгляды были далеко не однозначными: любовь к французской литературе, классической европейской музыке, пристальный интерес к историческому прошлому своей страны, особенно к таким переломным ее периодам, как период революции XVIII века и время Наполеона I. В частых и длительных беседах в парижских элитарных салонах Барту и Эррио избегают касаться тех вопросов, которые разделяют их, ведь они принадлежали к различным политическим партиям. Эррио вспоминал, что говорить с Барту «о вещах, не относящихся непосредственно к политике, было отдыхом, исполненным очарования»[7].

Среди завсегдатаев салонов Барту не был человеком, праздно проводившим время. Дружеское общение с Валери и Эррио оттачивало его мысли, будило творческую энергию. Барту возвращается к литературному труду, плодом которого стали две объемистые книги: «Ламартин», посвященная прошлому, и «По пути права» — о настоящем и будущем.

Личность Альфонса де Ламартина привлекла внимание Барту надолго. Он даже поставил в своей библиотеке мраморный бюст этого поэта, историка и политического деятеля. Барту приобрел и хранил в своей библиотеке автографы ламартиновских «поэтических медитаций» и его поэмы «Жослен»[8]. В центре его внимания находится, однако, фигура не Ламартина-поэта, а Ламартина — политического деятеля, парламентария и министра периода февральской революции 1848 года и Второй республики во Франции. Опираясь на собранную им обширную коллекцию архивных материалов Ламартина — черновиков его выступлений в палате депутатов, планов и конспектов его публичных речей и газетных статей, переписки с Гизо и Тьером, — Барту создает монографию «Ламартин-оратор», изданную парижским издательством «Ашетт» в 1916 году.

Барту обстоятельно, скрупулезно анализирует ораторское искусство Ламартина, правда, при этом явно идеализирует его как политика. К. Маркс в свое время отметил, что «по своему положению и своим взглядам этот представитель февральской революции принадлежит к буржуазии»[9]. В изображении же Барту Ламартин предстает как надклассовый защитник «чистой демократии», республиканских доктрин и идей. Обращаясь к истории, к уже отдаленному прошлому, Барту не забывал о современности. Его восхищала способность Ламартина-министра

противостоять «общественному мнению» во имя достижения «общенациональных» целей Великой французской революции. Эти мысли нашли прямое продолжение во второй книге Барту, написанной вслед за монографией о Ламартине.

Главным тезисом второй книги — «По пути права» — стало утверждение, что ответственность за мировую войну, начавшуюся в августе 1914 года, лежит исключительно на Германии. Многократно цитируя Руссо, Ламартина и даже мелодраматического «Орленка» Эдмона Ростана, Барту доказывал «правоту» Франции и ее союзников в развернувшейся империалистической борьбе за передел мира. Барту отстаивал необходимость не только возвращения Эльзаса и Лотарингии, аннексированных в 1870 году, но и «восстановления» франко-германской исторической границы по Рейну. В этом непреклонном требовании сказывалась не только продуманная политическая, но и глубоко личностная позиция Барту: за освобождение Эльзаса от прусского владычества пал на фронте его единственный сын.

Работа над книгой заканчивалась в тот период, когда Барту после довольно длительного перерыва вернулся к государственной деятельности. Авторское предисловие к ней датировано ноябрем 1917 года. Положение в стране было напряженным. Империалистическая война встречала возраставшее сопротивление рабочего класса, трудящихся масс. Р. Пуанкаре записал в дневнике: «Вспоминается Париж три года назад: праздничная толпа, приветственные возгласы, у всех сердца преисполнены надежды... А теперь? Война, неприятельское нашествие, убитые и эта мерзкая кампания, выставляющая меня виновником всех этих катастроф»[10]. За президентом Французской Республики закрепилось далеко не почетное прозвище — «Пуанкаре-война».

Неудачное наступление французских армий, начатое в середине апреля 1917 года и стоившее французам громадных потерь — с 16 по 25 апреля французские войска потеряли 32 тыс. человек убитыми, 80 тыс. ранеными, 5 тыс. оказались в германском плену, — произвело тяжелое впечатление в стране. Революционные события, развернувшиеся в России, — свержение царской монархии, образование Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — оказывали громадное воздействие на рост антивоенного и антиимпериалистического движения. Летом 1917 года в забастовках на предприятиях парижского

промышленного района участвовало около 100 тыс. рабочих, в их числе около 80 тыс. женщин. Работницы с красными лентами на платьях организовывали уличные демонстрации под лозунгами «Владельцев предприятий — на фронт, солдат — домой!»[11].

В палате депутатов и за ее кулисами развертывалась острая борьба между сторонниками продолжения войны до победы и сторонниками поисков «компромиссного» мира с кайзеровской Германией. Барту находился в числе первых. Вместе с Клемансо он непримиримо выступал против «пораженцев» и «капитулянтов», признавая только одну цель — полную военную победу над врагом[12]. Ее достижению он был готов подчинить все. Одним из его противников — «пораженцев» — был его давний враг Жозеф Кайо, который, демагогически используя возраставшее в стране недовольство империалистической войной, любыми средствами добивался сговора с кайзеровскими милитаристами. Он не исключал возможности бегства в Германию. Для этого еще в конце 1915 года тайно переправил в арендованный им сейф одного из банков Флоренции свои ценности и важнейшие документы, оформив их на имя жены госпожи Рейнуар[13].

В августе — сентябре 1917 года Барту и его сторонники совместно с Клемансо подготовили и нанесли, как им казалось, решительный удар по «пораженцам». Французское Второе бюро раскрыло одно из звеньев тайных контактов Кайо и его единомышленников с немцами. Разоблачению подверглась деятельность 34-летнего анархиствовавшего публициста Эжена Виго, подвизавшегося на страницах бульварной газетки «Бонне руж» («Красная шапка») под псевдонимом Мигель Альмерейда. При обыске в редакции были найдены секретнейшие французские военные документы, выкраденные для продажи Германии. Клемансо и Барту атаковали министра внутренних дел радикала Мальви, обвинив его в покровительстве германской агентуре. Тому пришлось заявить о своей отставке. Вслед за этим последовала отставка всего кабинета. 12 сентября 1917 года Р. Пуанкаре поручил формирование нового правительства радикалу Полю Пенлеве. Луи Барту вошел в состав кабинета, получив пост государственного министра (министра без портфеля) с полномочиями курировать министерство иностранных дел.

Правительство Пенлеве — Барту стало шестым со времени начала первой мировой войны правительством Третьей республики. До него последовательно сменились два каби-

нета «независимого социалиста» Вивиани, два кабинета Бриана и кабинет Рибо. Социалисты М. Самба, А. Тома, Ж. Гед, бывшие министрами в предшествовавших кабинетах, в новое правительство не вошли.

Перед правительством встала сложная внешнеполитическая задача — отстоять интересы французского империализма на завершающем этапе первой мировой войны, в которую с апреля 1917 года вступили США. 18 сентября П. Пенлеве зачитал в палате депутатов декларацию, подготовленную его кабинетом. «Возвращение Эльзаса и Лотарингии, возмещение потерь и разрушений, вина за которые целиком лежит на Германии, заключение справедливого мира, основанного на равных правах всех народов, сильных и слабых, создание эффективных гарантий против агрессии путем организации сообщества наций — таковы благородные цели Франции в настоящей войне»[14], — говорилось в этом документе. То была программа, общими, красивыми, но туманными фразами прикрывавшая устремление французских правящих кругов к тотальному сокрушению германского конкурента и установлению своей гегемонии на Европейском континенте. Для Барту основным звеном этой программы являлось возвращение Эльзаса и Лотарингии. Барту при этом руководствовался не только, как он сам подчеркивал, национальным чувством француза, стремящегося смыть позор поражения во франко-прусской войне, но главным образом трезвым политическим расчетом: эти территории могли бы стать крупным приобретением в стратегическом плане, создав для Франции сильный оборонительный рубеж.

Кабинет Пенлеве, в котором государственный министр Луи Барту курировал министерство иностранных дел, возглавленное Александром Рибо, пришел к власти в период предельного напряжения внутри- и внешнеполитической обстановки. «Война замучила, истерзала рабочих всех стран до крайности, — писал тогда В. И. Ленин. — Взрывы и в Италии, и в Германии, и в Австрии учащаются»[15]. Во Франции также складывалась взрывоопасная обстановка. В мае в стране, несмотря на военное положение, больше бастовало рабочих, чем за все предыдущие 33 месяца войны, вместе взятые. Участники 10-тысячного митинга, проведенного 1 мая в Париже, приняли воззвание, в котором говорилось: «Восставшие народы всюду должны избавиться от своих классовых правительств, чтобы поставить на их место власть депутатов рабочих и солдат, вышедших из народа. Русская революция является сигна-

лом к всемирной революции». В июне борьба обострилась — число бастовавших удвоилось по сравнению с маем. В Париже и провинции прокатывались волны антивоенных демонстраций, завершавшихся стычками с полицией и войсками.

Страх перед возможными революционными потрясениями усиливал размежевание среди ведущих политиков Третьей республики, часть которых — и среди них А. Бриан и Ж. Кайо — была готова пойти на сепаратный договор с кайзеровской Германией и ее союзницей Австро-Венгрией. К этому склонялся также министр иностранных дел Рибо. В политических кругах, опиравшихся на прогерманские группировки финансового капитала, вызревал план франко-германского соглашения об «обмене» Эльзаса и Лотарингии, которые должны были быть возвращены Франции, на территории Российского государства, в частности на оккупированные кайзеровскими войсками районы Прибалтики, которые эти круги готовы были «уступить» Германии[16]. К осени этот план, нацеленный на удушение русской революции, вызвавшей революционный кризис в Европе, обрел конкретные очертания и обсуждался в ходе секретных переговоров с германским верховным командующим на оккупированной германскими войсками Бельгии бароном Ланкеном, в которых принял участие и Рибо[17].

Таков был конкретный факт в цепи событий, охарактеризованных В. И. Лениным в начале октября 1917 года как «быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции»[18].

Л. Барту вместе с Р. Пуанкаре решительно выступили против плана сепаратного сговора с кайзеровской Германией за спиной и за счет основного союзника — России. Конечно, ими руководило не сочувствие русской революции, а то, что подобная «уступка» не только усиливала европейские позиции кайзеровского милитаризма, но и вела к разрушению франко-русского союза, к международной изоляции Франции. Барту и Пуанкаре видели в победе над Германией главное средство преодоления нараставших социальных потрясений. Во имя скорейшего достижения победы они поддерживали родившийся во французских руководящих военных кругах проект укрепления русского фронта путем быстрой переброски японского экспедиционного корпуса. Японский империализм, выступавший на стороне Антанты, рассматривался также как сила, спо-

собная задушить революционное брожение в русской армии и стране[19].

25 октября Луи Барту, опираясь на поддержку Р. Пуанкаре, стал министром иностранных дел, сменив на этом посту А. Рибо, скомпрометировавшего себя участием в секретных, но безуспешных переговорах с бароном Ланкеном. В тот же день 288 мандатами против 137 палата депутатов выразила доверие реорганизованному кабинету, утвердив тем самым министерские полномочия Барту[20].

Став министром иностранных дел, он впервые за уже многие годы своей политической деятельности водворился на Кэ д'Орсе — так называли французский МИД, со времен Второй империи размещавшийся в здании на набережной Сены Орсе. В просторном кабинете со старинными стенными часами и массивным письменным столом некогда, в 70-е годы XVIII века, работал министр Людовика XVI Шарль Гравье, граф де Верженн, с именем которого историки связывают организацию внешнеполитической и дипломатической службы Франции как важнейшей части государственного аппарата. Поэтому этот холл, служивший рабочим кабинетом министров иностранных дел, чиновники министерства и журналисты именовали «кабинетом Верженна». Здесь Луи Барту осенью 1917 года пришлось проработать недолго, всего несколько недель, но ему предстояло еще вернуться сюда через 17 лет.

Барту как министр иностранных дел прежде всего четко определил свою позицию в том вопросе, который считал основным. Выступая в палате депутатов с программной внешнеполитической речью, он заявил: «Я декларирую от имени правительства следующее: может ли Франция в том, что касается Эльзаса — Лотарингии, пойти на какие-либо уступки? Нет! Нет! Никогда!» И вслед за этой энергичной декларацией он не менее горячо подчеркнул: «Эльзас и Лотарингия являются ключом от ворот Франции и символом французского национального единства»[21]. Слова Барту были твердым ответом на германо-австрийские закулисные интриги и заявление кайзеровского министра иностранных дел Кюльмана, сделанное в германском рейхстаге 9 октября 1917 года, о том, что Германия никогда не отдаст Эльзас и Лотарингию[22].

Барту ясно понимал, что единственным путем к возвращению этих территорий является победа над кайзеровской Германией. Ради достижения этой победы он стремился активизировать франко-русский союз, был заинтересован в восстановлении боеспособности русской армии,

значение которой возрастало еще и потому, что французы не могли быстро оправиться от тяжелых потерь, понесенных в упорных боях 1916—1917 годов. Например, одно только неудачное наступление на участке Западного фронта между Реймсом и Суассоном весной 1917 года стоило французам около 100 тыс. человек убитыми и ранеными. Вместе с тем Барту смотрел на франко-русский союз не только как на средство достижения победы, но и как на важнейшую опору Третьей республики в послевоенное время. Еще весной 1917 года в ходе франко-русских переговоров, проходивших в Петрограде с участием парламентария-радикала Г. Думерга, французское правительство добилось русской поддержки в вопросе о возвращении Франции Эльзаса и Лотарингии, что предстояло закрепить в будущем мирном договоре по итогам войны[23].

Учитывая, что русский фронт сковывал почти 160 германо-австро-турецких дивизий (на 17 дивизий больше сил противника, действовавших на Западном фронте), кабинет Пенлеве — Барту всемерно стремился удержать Россию в войне. 13 октября 1917 года русское посольство в Париже сообщило Временному правительству, что Франция готова принять участие в «реорганизации» русской армии с целью повышения ее боеспособности[24]. Это означало приток новых французских капиталовложений в Россию.

Правительство Пенлеве — Барту с возраставшей тревогой и враждебностью следило за развитием революционного движения в России. Французское посольство в Петрограде, следуя инструкциям МИД, энергично и настойчиво требовало от буржуазного Временного правительства принятия срочных мер для обеспечения охраны французской собственности и капиталовложений, направляя российскому министру иностранных дел Терещенко ноту за нотой. Посол США в Петрограде сообщал тогда, что «французы предпринимают активные шаги для защиты своего имущества» и что «с этой целью ожидаются даже французские войска»[25].

25 октября 1917 года, когда Барту красноречиво и категорично заявил о французском требовании относительно Эльзаса и Лотарингии и добился полного его одобрения парламентариями, австро-венгерские войска перешли в наступление на итальянском фронте. В двухдневном сражении при Капоретто итальянская армия потерпела сокрушительное поражение. 300 тыс. итальянских солдат и офицеров оказались в плену. То была подлинная военная катастрофа Италии, союза с которой так упорно добива-

лась Франция в предвоенные годы. А через две недели после победы Великой Октябрьской социалистической революции парижская газета «Матен» уверяла: «Было бы удивительно, если бы переворот, только что совершенный в Петрограде маленькой группой смельчаков, изменил судьбу России». Однако уже 10 ноября та же газета, отметив, что в России в ходе революционного переворота «не было особенно серьезного кровопролития», писала, что пришедшее к власти «правительство максималистов» (большевиков) «вместе с обещаниями мира говорит о разделе помещичьих земель», что укрепляет его позиции.

В этой обстановке правительство Пенлеве — Барту должно было определить свое отношение к Советской России. Но ему не пришлось этого делать. 13 ноября в связи с итальянским поражением при Капоретто, вызвавшим бурные парламентские дебаты, палата депутатов отказала кабинету Пенлеве — Барту в доверии. После серьезных колебаний Р. Пуанкаре поручил формирование нового кабинета Ж. Клемансо, к которому испытывал глубокую личную неприязнь. «Подлинная причина назначения Клемансо, — пишет советский историк Д. П. Прицкер, — заключалась в страхе французской империалистической буржуазии перед русской революцией и ее последствиями для Франции»[26].

16 ноября Жорж Клемансо сформировал новое правительство. Барту в него не вошел. И не потому, что был оппонентом старого «Тигра». Их позиции по основным внутри- и внешнеполитическим вопросам совпадали. Вся политика Клемансо подчинялась задачам достижения решительной победы над кайзеровской Германией и одновременно борьбы против Советской России. Барту не возражал против подобного курса, что выразилось в одобрении им как парламентарием позиции правительства в ходе обсуждения ее в палате депутатов 27 декабря. Вместе с тем начатые 3 декабря в Брест-Литовске советско-германские переговоры, а затем подписание 3 марта 1918 года Брестского мирного договора напугали его. Барту, как он сам говорил, опасался прежде всего, чтобы «Германия... не наложила руку на Россию» и чтобы Франции «вновь не грозила опасность таких же масштабов, как и в 1914 году»[27]. Именно германская проблема, тесно связанная с обеспечением национальной безопасности Франции, оставалась для Барту стержнем решения всех внешнеполитических вопросов.

11 ноября 1918 года подписанием перемирия в штаб-

ном вагоне французского маршала Фердинанда Фоша, стоявшем на станции Ретонда в Компьенском лесу, закончились боевые действия на фронтах первой мировой войны. Антанта, а значит, и Франция одержали трудную победу. Для Франции цена за нее оказалась непомерно высокой — 1324 тыс. убитых, 2800 тыс. раненых, из них 600 тыс. калек. Военные опустошения в ставших театром военных действий северных и восточных районах страны были громадны: было разрушено 565 тыс. зданий, 8 тыс. *км* железных и 52 тыс. *км* шоссейных дорог[28]. Человеческие жертвы войны Барту ощущал особенно остро. Среди павших в боях французских солдат и офицеров находился и его единственный сын Макс Барту.

Луи Барту в составе французской делегации, возглавленной Ж. Клемансо, принял активное участие в работе Парижской мирной конференции по подведению итогов четырехлетней войны. 18 января 1919 года президент Французской Республики Р. Пуанкаре, торжественно открывая в зале парижского отеля «Крийон» конференцию, на которую съехалось более тысячи делегатов 26 государств (Антанты и примыкающих к ней стран) в сопровождении многочисленных экспертов — историков, экономистов, юристов и т. п., — заявил: «Господа, ровно сорок восемь лет назад в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя. Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы разрушить и заменить то, что было создано в тот день»[29]. Барту целиком разделял необходимось решения задачи, столь категорически сформулированной Пуанкаре.

Однако дело «разрушения» основ и позиций германского милитаризма оказалось далеко не простым. На заседаниях конференции и особенно за ее кулисами развернулась напряженная дипломатическая борьба за новый передел мира. Хотя Ж. Клемансо был избран председателем конференции, французская делегация оказалась далека от того, чтобы контролировать ее работу. В созданном 24 марта 1919 года Совете четырех, включавшем президента США Вудро Вильсона, британского и итальянского премьер-министров Дэвида Ллойд Джорджа и Витторио Орландо, а также Жоржа Клемансо, глава французской делегации встретил сильное и порой непреодолимое американское и британское сопротивление своей программе «мира» с Германией. Американский президент стремился сосредоточить внимание Совета четырех на «русском вопросе», на антисоветской интервенции, заявив, что в отношении Гер-

мании необходимо проявить «умеренность». После одного из заседаний, отвечая на вопрос, как оно закончилось, Клемансо раздраженно бросил: «Блестяще! Мы разошлись по всем вопросам»[30]. Французская делегация, конечно, не менее американской была враждебно настроена к русским большевикам, но она не забывала и, напротив, делала упор на свои специфические антигерманские интересы. И ей пришлось выдержать острейшую дипломатическую борьбу по всем пунктам мирного договора с Германией, подписанного в торжественной обстановке в исторически памятном Зеркальном зале Версальского дворца 28 июня 1919 года. Как память о напряженных днях этой дипломатической борьбы Барту хранил в своей библиотеке черновой экземпляр текста Версальского договора с рукописными пометками, критическими замечаниями и правкой, сделанными Клемансо, Пуанкаре, Тардье, Фошем, Ллойд Джорджем.

Одним из главных направлений дипломатической борьбы стал вопрос о восточной границе Франции. Французская делегация не дебатировала проблему Эльзаса и Лотарингии. Она была для нее безусловно решенной: обе провинции возвращались Франции. Дебатировался вопрос о франко-германской границе. Французская делегация пыталась реализовать ту концепцию о «естественных границах» страны, которая была сформулирована еще в XVII веке в историческом «завещании» кардинала Ришелье: французские границы проходят в Пиренеях, Альпах и по Рейну. Клемансо пытался категорически требовать перенесения франко-германской границы на Рейн, а на правом рейнском берегу создать самостоятельное государство — Рейнскую республику, которая будет лишена права на воссоединение с остальной Германией и станет непосредственным французским соседом на востоке.

Барту не был столь категоричен. Он стремился сформулировать французскую программу более осторожно, в духе письма Бриана, направленного 12 января 1917 года тогдашнему французскому послу в Лондоне Полю Камбону. В этом письме говорилось, что «Франция заинтересована... обеспечить такое положение, которое создаст гарантии не только ее национальной, но также и общеевропейской безопасности, укрепив одновременно ее границы». Иными словами, Барту стремился сохранить франко-британскую Антанту военного времени как гаранта французской безопасности и на послевоенный период. Поэтому он поддержал «компромиссное» решение, предложенное правительством Д. Ллойд Джорджа, получившего поддержку США:

вдоль западных границ Германии, по берегам Рейна, создавалась демилитаризованная зона шириной 50 *км* на восток, причем левый берег Рейна оккупировался англо-французскими войсками сроком на 15 лет[31].

7 мая 1919 года на заседании Парижской мирной конференции, когда в Версальский дворец была приглашена германская делегация во главе с графом Брокдорф-Ранцау, министром иностранных дел Веймарской республики, пришедшей в результате ноябрьской революции 1918 года на смену кайзеровской монархии, Барту воочию убедился, что германский милитаризм не смирился со своим военным поражением. В ответ на краткую, продолжавшуюся всего две минуты речь Клемансо, вручившего немецким делегатам текст разработанного конференцией мирного договора, граф Брокдорф-Ранцау решительно изложил германскую позицию, требуя пересмотра основных положений договорного текста. «Неисправимый юнкер!» — вполголоса воскликнул изумленный Клемансо и поспешно закрыл заседание. И только под нажимом Антанты правительство Веймарской республики направило в Париж новый состав делегации во главе с социал-демократом Германом Мюллером, подписавшим в Версальском дворце 28 июня 1919 года, в пятую годовщину убийства австрийского эрц-герцога Франца Фердинанда в Сараеве, мирный договор, получивший название Версальского договора. Он представлял собой пространный документ, разделенный на 400 статей, сведенных в 15 разделов и закреплявших в международно-правовом плане экономический и территориально-политический передел мира, осуществленный в итоге войны.

Через два дня после церемонии подписания Версальского договора, 30 июня, он был внесен на ратификацию французской палаты депутатов. Луи Барту был назначен главным докладчиком. Это была непростая миссия. И то, что она была поручена Барту, не было случайностью. Как один из членов французской делегации на Парижской мирной конференции, знавший всю сложную дипломатическую «кухню» подготовки текста договора, его, с точки зрения правящих кругов Третьей республики, сильные и слабые стороны, как человек с репутацией непримиримого врага германского милитаризма, Барту, обладавший недюжинным талантом парламентского оратора, должен был, как надеялся кабинет Клемансо, в немалой степени способствовать ратификации документа.

Ситуация в палате депутатов была сложной. Внесенный

на ее рассмотрение и ратификацию Версальский договор вызвал сильную критику, особенно со стороны радикалов. В этой критике было немало субъективного, личностного по отношению к Жоржу Клемансо, с именем которого связывали договор: правые лидеры радикалов не могли простить «Тигру» судебную расправу над их влиятельным коллегой Ж. Кайо, посаженным за тюремную решетку по обвинению в государственной измене, что в какой-то мере бросало тень на все радикальное руководство. «Господин Клемансо выиграл войну благодаря нашим генералам и нашим солдатам, но не сумел добиться равновесия, необходимого для установления справедливого мира»[32], — утверждал с парламентской трибуны оратор радикалов Шоме. Радикалы, однако, не могли выдвинуть какой-либо альтернативы Версальскому договору, кроме туманных рассуждений о «справедливом мире» и «европейском равновесии». Критика со стороны правых, связанных с военными кругами парламентариев была более острой: они упрекали Клемансо и всех защитников Версальского договора в том, что те не добились действенных гарантий национальной безопасности Франции, не отстояли проведения новой французской границы по стратегическому рубежу — Рейну.

Что же защищал в парламентских дебатах, продолжавшихся до 2 октября 1919 года, Луи Барту? Версальский договор был, как отметил В. И. Ленин, империалистическим договором[33]. С одной стороны, он поставил побежденную Германию в неравноправное положение среди капиталистических государств, а с другой стороны, корни германского милитаризма не были уничтожены, что сохраняло предпосылки для подготовки реванша. Опорой Версальского договора являлись ограничение германских вооружений и навязанные Германии репарационные платежи. Лишенная права иметь массовую армию, тяжелую артиллерию, бронетанковые силы, авиацию, подводный флот, Германия отныне могла располагать лишь 100-тысячным рейхсвером, комплектовавшимся на добровольной основе. Объявленная, согласно статье 231 Версальского договора, единственной виновницей войны 1914—1918 годов, Германия обязана была выплачивать победителям репарации, общая и точная сумма которых договором не фиксировалась.

Сам Барту понимал несовершенство с точки зрения французских интересов Версальского договора. Он сознавал, что угроза германского реванша не снимается. На заседании палаты депутатов 2 сентября Барту говорил о не-

обходимости полного и точного проведения в жизнь всех положений договора, нацеленных на максимальное военно-экономическое ослабление Германии. «Мир — это мир бдительности»[34], — предупреждал Барту. Его парламентское красноречие сыграло немалую роль в том, что в итоге бурных дебатов палата депутатов 372 мандатами против 53 при 72 воздержавшихся одобрила Версальский договор[35]. А вскоре она была распущена и были назначены очередные, первые послевоенные парламентские выборы.

Они были проведены 16—30 ноября в два тура и проходили в обстановке подъема волны шовинизма, спровоцированного консервативными силами. В. И. Ленин писал тогда: «Старые патриотические чувства всего французского народа, озлобление на то, как их раздавили в 70-м году, бешеное возмущение тем, как страна за четыре года войны обезлюдела, обескровлена, изнемогает — все это буржуазия использует, чтобы направить по руслу шовинизма: „Мы победили немцев, у нас будут полные карманы, и мы отдохнем“»[36]. Избранный в такой атмосфере состав парламента оказался в основном реакционным и даже частично антиреспубликанским. «Никогда прежде влиятельные политические круги не насчитывали так много людей, чьи настроения были столь мало республиканскими, даже если их лояльность республике не вызывала сомнений»[37], — отметил французский социолог А. Зигфрид. На депутатских скамьях разместились 140 миллионеров, в их числе Морис де Ротшильд и Франсуа де Вандель.

20 января 1920 года президент Французской Республики Раймон Пуанкаре принял уходившего в отставку с поста премьер-министра Жоржа Клемансо. Аудиенция была краткой. Пытаясь сохранить власть и отстоять былое влияние, Клемансо сказал президенту: «Поскольку я веду переговоры с королями, министрами, послами вот уже два года, я готов поделиться с вами своими соображениями». «Не затрудняйтесь!» — резко бросил в ответ Пуанкаре. На смену старому «Тигру» к руководству внешней политикой Франции были призваны другие люди, ставленники сложившегося в ходе парламентских выборов Национального блока — блока правых буржуазных партий: Демократического союза, Республиканской федерации и примкнувших к ним группировок. И среди них — Луи Барту.

К 1920 году он занял прочные позиции в руководящих политических кругах Третьей республики как один из опытных деятелей. Его имя фигурировало в ряду «творцов» французской победы в войне 1914—1918 годов.

6 февраля 1919 года он был избран в состав Французской академии наук, став одним из «бессмертных», как французы называли академиков. На торжественной церемонии были подчеркнуты заслуги Барту перед Французской Республикой. Академик Морис Донне характеризовал Барту как «либерала старого закала», подчеркнув его «страстность, искренность, свободу от каких-либо сектантских ограничений» в защите республиканских «идеалов»[38].

В январе 1920 года Барту, возобновивший свой депутатский мандат по списку Демократического союза, был избран председателем Комиссии по иностранным делам палаты депутатов. Это было парламентское признание значительно возросшего авторитета Барту в международных и дипломатических делах. На одном из первых заседаний комиссии Барту заявил, что он является противником тайной дипломатии, политики «королевских секретов». Внешнеполитическая деятельность, подчеркнул он, должна быть взята под парламентский контроль «ничем не стесняемой гласности»[39]. В сущности, это заявление Барту выражало стремление поднять роль возглавленной им комиссии.

Барту считал полную и безоговорочную реализацию Версальского договора, вступившего в силу 10 января 1920 года, главной, определяющей все остальное внешнеполитической задачей Франции. Но вместе с тем он видел, что крах интервенции, разгром русских белогвардейцев и окончание гражданской войны в России имели громадное международное значение. На мировую арену вступала новая сила, которую нельзя было игнорировать, — Советское государство. 16 января Верховный совет Антанты вынужден был принять решение о фактическом снятии блокады с Советской страны. 2 февраля Советское правительство добилось подписания мирного договора с Эстонией. «Этот мир, — говорил В. И. Ленин, — окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада»[40].

Жорж Клемансо и его единомышленники, непримиримо относившиеся к Советской России, рассчитывали сдержать реваншистские устремления Германии путем закрепления доминирующего положения Франции на Европейском континенте. Созданная на Парижской мирной конференции Лига Наций — международное сообщество капиталистических государств, бывших участников Антанты военного времени, — и военно-политические союзы, созданные Францией в Восточной и Центральной Европе, так

называемые «тыловые союзы» — франко-польский союз и блок придунайских стран (Чехословакии, Югославии, Румынии), вскоре получивший название Малой Антанты, — должны были гарантировать национальную безопасность Франции. «Самая твердая наша гарантия от германской агрессии, — уверял Клемансо, — заключается в том, что за спиной Германии стоят Чехословакия и Польша, занимающие великолепное стратегическое положение»[41]. По существу, Клемансо и его сторонники рассчитывали заменить «тыловыми союзами» былой и столь важный для Франции союз с Россией. Но дело было не только в этом. «Тыловые союзы», с их точки зрения, должны были получить не только антигерманскую, но и антисоветскую направленность, стать «антибольшевистским санитарным кордоном» вдоль западных рубежей Советского государства, изолировать его от Европы. «Мы стремимся, — говорил Жорж Клемансо, — окружить большевизм заграждениями из колючей проволоки, создав препятствие на его пути в Европу»[42].

Луи Барту смотрел на складывавшееся международное положение иначе. Безусловно, он ни в какой мере не сочувствовал «большевизму». Ж.-Б. Дюрозель совершенно обоснованно пишет о Барту как об «убежденном и активном антикоммунисте»[43]. Но Барту видел, что вопросы европейской, да и всей мировой политики невозможно серьезно решать без учета такого нового и важного фактора, как появление на политической арене нового государства — Советской России. Игнорирование ее французскими правящими кругами, попытки продолжить борьбу против нее — это все яснее и отчетливее сознавал Барту — будут играть только на руку германским милитаристам и реваншистам, ибо поведут к ослаблению международных позиций Франции и, следовательно, к укреплению позиций Германии.

Барту, несомненно, знал, что Советское правительство готово к «установлению контакта» с Францией и желает его. Еще в феврале 1919 года оно предложило французскому правительству начать переговоры о нормализации отношений на основе разумного компромисса, который базировался бы на утверждении и защите международного мира. В декабре это советское предложение было подтверждено еще раз[44]. Барту оказался в числе тогда еще немногочисленных французских буржуазных парламентариев и политиков, которые понимали разумность и реализм советских инициатив. Он сознавал, что они встречают положительный отклик французских трудящихся, всего на-

рода в целом, что, как он писал немного позднее советскому наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, «Франция... сохранила к русской нации... чувство преданной дружбы»[45].

19 февраля 1920 года Луи Барту зачитал в палате депутатов тщательно подготовленную им интерпелляцию, в которой изложил свой взгляд на развитие международных отношений в Европе и внешнеполитический курс Франции. Барту выбрал подходящий момент для своего демарша: Александр Мильеран, сменивший Клемансо на посту главы французского правительства, собирался в Лондон, где 22 февраля открывались франко-английские переговоры. Сообщая о предстоящей поездке А. Мильерана в Лондон, парижская «Матен» писала, что «главной целью этой поездки» является проведение переговоров относительно «возобновления сношений с Россией». «Председатель совета министров, — отмечала газета, — будучи сторонником возобновления торговых связей, все же считает опасным установление дипломатических отношений с Советами»[46]. Выступая с парламентской интерпелляцией, Барту, по существу, обращался не только к главе французского правительства, но и к правящим кругам Англии. Лейтмотивом выступления Барту было указание на тесную и неразрывную связь организации национальной безопасности Франции в Европе и развития франко-советских отношений.

Основной в парламентской интерпелляции Барту была мысль о том, что политика антисоветской интервенции и блокады бесповоротно провалилась, что подобная политика не имеет разумной перспективы. «Эта политика, — говорил Барту, — облекалась ранее в метафорический образ санитарного кордона, сейчас она рисуется в виде проволочных заграждений». Подобный политический курс, подчеркнул он, «чрезвычайно опасен с точки зрения наших интересов», ибо может быть использован германскими реваншистами для ослабления и ликвидации позиций Франции в Европе, завоеванных ценой огромных жертв. «Итак, — призывал Барту, — будем бдительны, будем осторожны, отбросим метафоры, оставим образы и взглянем в лицо реальности». Это значило, как подчеркнул сам Барту, «пойти на установление контакта с Советской Россией»[47].

Выступая со своей интерпелляцией, Барту проявил недюжинное политическое чутье в оценке позиций и устремлений влиятельных сил Веймарской республики. Всего за

два дня до парламентского демарша Барту, 17 февраля, руководители германской «Всеобщей компании электричества» (АЭГ) Феликс Дейч и Вальтер Ратенау направили канцлеру Густаву Бауэру специальную записку, в которой призывали «воспользоваться политическими возможностями, имеющимися в Восточной Европе», указывая на настоятельную необходимость установления «основанного на доверии сотрудничества между Германией и Советской Россией»[48]. Со стороны германских монополистов это был существенный и гибкий поворот: ведь всего за год до этого, в феврале 1919 года, тогдашний министр иностранных дел Веймарской республики граф Брокдорф-Ранцау заявил, что Германия находится «в состоянии фактической войны» с Советской Россией[49]. Интерпелляция Барту свидетельствовала, что он уловил готовившийся поворот в германской политике и стремился упредить Германию в деле нормализации отношений с Советской страной.

«Посмотрим в лицо действительности!»[50] — этим призывом заключил Барту свою парламентскую интерпелляцию, ставшую его первым шагом на пути к реалистической оценке роли и значения Советского государства в деле обеспечения европейского мира и национальной безопасности Франции.

УРОКИ ГЕНУИ

16 января 1921 года Луи Барту вошел в состав правительства Французской Республики, которое в седьмой раз за свою политическую деятельность сформировал Аристид Бриан, принявший также портфель министра иностранных дел. Основным вопросом правительственной программы стал вопрос о реализации Версальского договора. «Этот договор безупречен, — заявил 4 февраля Бриан в палате депутатов, — он имеет все достоинства, но он еще не способен жить, действовать»[1]. Вдохнуть наконец жизнь в Версальский договор — такова была задача, стоявшая перед кабинетом Бриана, в котором Луи Барту занял один из ключевых постов — пост военного министра.

Внутри- и внешнеполитическая обстановка, в которой пришлось действовать правительству Бриана — Барту, была сложной. Недаром сам Барту говорил о «столь беспокойной истории неустойчивого мира», основанного на Версальском договоре[2]. Главный избирательный лозунг Национального блока «Немцы заплатят за все!» реализовать не удалось. Правящие круги германской Веймарской республики, опиравшиеся на поддержку влиятельных промышленных и финансовых группировок Англии и США, бойкотировали репарационные платежи. Для поддержания равновесия государственного бюджета правительству приходилось прибегать к внутренним займам, что в конечном итоге вело к увеличению налогового пресса, давившего на трудящиеся массы, мелкую буржуазию, вызывавшего их недовольство и сопротивление. Барту как военный министр считал, что единственно надежным путем выполнения Версальского договора является сохранение доминирующего военного положения Франции на Европейском континенте. А для этого нужна была не только мощная французская армия, но и военные союзы, прежде всего с Чехословакией и Польшей, модернизация вооруженных сил французских союзников в Европе. Все это требовало денежных средств, причем значительных. И германские

репарационные платежи должны были сыграть здесь немалую роль.

На союзнической конференции по репарациям, проведенной 5—16 июля 1920 года в Спа, городке, где в годы первой мировой войны находилась ставка верховного командования кайзеровской армии, было решено, что Франция получит 52% будущих репараций, общая сумма которых была определена после долгих англо-франко-американских споров в мае 1921 года в 132 млрд. золотых германских марок.

Кабинет Бриана — Барту стремился как можно скорее начать получение репараций, исходя из их определенного общего объема — примерно по 2 млрд. марок ежегодно. В ходе франко-английских переговоров, проведенных 24—30 января в Париже, и встречи Бриана с главой английского кабинета Ллойд Джорджем в Чекерсе, резиденции британского премьер-министра, 27 февраля французское правительство добилось согласия Англии на применение против Германии «санкций» — военной силы. Дав согласие, Ллойд Джордж надеялся, что это сделает немцев более уступчивыми и откроет путь к «компромиссному» соглашению. Бриан и Барту смотрели на «санкции» иначе. Они видели в них сильное орудие закрепления французской гегемонии в капиталистической Европе на базе полного и всестороннего выполнения Версальского договора. 8 марта контингенты французских и бельгийских войск вступили в западногерманские промышленные и торговые центры Дуйсбург, Рурорт и Дюссельдорф. На рубежах оккупированной зоны был создан строгий таможенный кордон. Одновременно по требованию кабинета Бриана — Барту Англия согласилась на обложение особым налогом германской торговли с европейскими странами и США. Разгорячившийся Бриан с одобрения Барту потребовал франко-бельгийской оккупации всей Рурской области. Выступая 5 апреля, французский премьер-министр заявил о решимости своего кабинета «взять Германию твердой рукой за шиворот»[3].

Придавая большое значение германским репарационным платежам, Барту, военный министр, все же не рассматривал их как самоцель. На первом месте для него был военно-политический аспект репарационной проблемы — обуздание германского реваншизма. Еще в апреле 1920 года военный министр германской Веймарской республики обратился к Верховному совету Антанты, заседавшему в Сан-Ремо, с вопросом об увеличении в 2 раза контингента

германского рейхсвера, определенного Версальским договором в 100 тыс. человек. Германские милитаристы ссылались на то, что у них якобы не хватает сил для борьбы с революционным движением, развернувшимся в стране. В июне 1920 года при поддержке правящих группировок США и Англии, поощрявших устремления германских милитаристов в расчете на использование их в новых авантюрах против Советской России, Веймарская республика увеличила численность полицейских военизированных формирований до 150 тыс. человек, начав вместе с тем создание 17-тысячного жандармского корпуса, оснащенного огнестрельным оружием. Одновременно германские империалисты продолжали уклоняться от выплаты репарационных платежей[4].

Несмотря на проявленную Барту настойчивость, результат действий «твердой руки» оказался не столь значителен, как он ожидал. На пути Франции к европейской гегемонии и подавлению поднимавшегося германского реваншизма встал английский и американский финансовый капитал. Американский доллар, пользуясь экономическими трудностями Германии и послевоенной дезорганизацией капиталистической Европы, уверенно завоевывал германский рынок[5]. Положение осложнялось еще и тем, что курс французского франка по отношению к американскому доллару к концу 1920 года упал на 69%[6]. На формирование внешнеполитического курса Франции значительное воздействие оказывала ее солидная задолженность США и Англии. Из 35,2 млрд. золотых франков, составлявших в начале 1920 года французский внешний долг, на долю США и Англии приходилось соответственно 19,4 млрд. и 15,8 млрд.[7] Британское правительство настойчиво требовало определения точной суммы германских репарационных платежей, стремясь тем самым не только зафиксировать, но и строго ограничить французские претензии к Германии. Английский посол в Берлине лорд д'Абернон писал в январе 1921 года, что британские правящие круги добивались «установления общей суммы репараций» для того, чтобы начать «восстановление Германии»[8]. В восстановлении экономических позиций германского империализма британские правящие круги видели «противовес» французскому влиянию на Европейском континенте.

Германская буржуазия стремилась использовать обострение франко-английских противоречий в своих интересах. Вставший во главе правительства Веймарской республики 10 мая 1921 года лидер германской буржуазно-като-

лической партии «центра» Йозеф Вирт добился от рейхстага формального согласия на проведение политики «выполнения» Версальского договора. За кулисами этого официального правительственного курса, втайне рассчитанного на подготовку «мирной» ревизии этого договора, германский монополистический капитал стал искать частнокапиталистических сделок с французскими финансистами, позволявших им получать постоянные доходы за счет репарационных платежей, основная тяжесть которых была взвалена на немецкий народ. 6 октября 1921 года германский министр «восстановления» В. Ратенау, крупный капиталист, и коллега Барту по кабинету Бриана фабрикант и банкир Л. Лушер подписали во время встречи в Висбадене соглашение о поставках в счет репараций продукции германской промышленности — речных судов, красителей, каменного угля, что предполагало финансовое стимулирование германского производства и, конечно, соответствующие прибыли предпринимателям. Ссылаясь на позицию профсоюзов, Ратенау даже добился от Лушера права германского контроля над ценами на эти поставки. Висбаденское соглашение поощрило германских монополистов к развертыванию саботажа репарационных платежей. Правительство Вирта, внеся 31 августа 1921 года 1 млрд. марок золотом в фонд репараций, осенью запросило мораторий. Сознательно срывая выплату репараций, запугивая западные державы возможностью революционного взрыва в Германии и «распространения коммунизма» по всей Европе, правящие круги Веймарской республики стремились вынудить кабинет Бриана — Барту пойти на пересмотр сначала экономических, а затем и военно-политических статей Версальского договора.

В обстановке осложнения франко-германских отношений Барту все внимательнее следил за внешней политикой и дипломатией Веймарской республики. Подписанное 6 мая в Берлине германо-советское торговое соглашение, учреждение германской торговой миссии в Москве, торговые сделки на советском рынке, заключенные такими крупными фирмами, как фирмы Круппа и Хеншеля, вызвали тревогу во французских правящих кругах. Летом 1921 года лидер Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов Эдуард Эррио, с которым Барту поддерживал близкие, дружеские отношения, совершил поездку в Стокгольм, где встретился с руководителем советской торговой миссии в шведской столице П. М. Керженцевым, хорошо знавшим Францию и занимавшимся

изучением ее новой истории, особенно истории Парижской коммуны 1871 года. В ходе беседы советский дипломат, как вспоминал Эррио, «жаловался» на Францию, которая была «не слишком добра» к России, и «выразил свое желание, чтобы наши отношения стали более любезными»[9]. 15 августа 1921 года на страницах «Юманите» было опубликовано интервью советского народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина с корреспондентом газеты.

Указав на подписанное в марте 1921 года англо-советское торговое соглашение, советский наркоминдел прямо заявил: «Пусть Франция последует примеру Англии, и она получит все возможные выгоды». Передав привет Парижу, на городском гербе которого изображен плывущий по бурным морским волнам корабль и девиз «Качается, но не тонет», Чичерин выразил твердую уверенность, что франко-советские отношения, прошедшие через бури империалистической интервенции, достигнут наконец состояния нормализации, получат экономические стимулы для дальнейшего развития[10].

В сентябре официальный представитель Советского государства в Англии Л. Б. Красин, опровергая ложные сообщения буржуазной печати о его секретной поездке во французскую столицу для установления контакта с Брианом, заявил, что «здравомыслящие французские политические деятели знают очень хорошо», что «Советское правительство готово вступить в переговоры». «Они также отдают себе отчет в том, что Франция слишком долго проявляет колебания в деле восстановления своих отношений и тем самым теряет много времени»[11]. К тем «здравомыслящим французским политическим деятелям», о которых говорил советский дипломат, принадлежал и Луи Барту. Позднее в беседе с советским полпредом в Париже В. С. Довгалевским Барту отмечал, что он «один из первых во Франции требовал восстановления отношений с СССР»[12]. Это «требование» Барту определялось, как отметил французский дипломат Ш. Альфан, прежде всего его «антигерманской установкой»[13]. Барту осознавал, что отчуждение Франции от Советской России ослабляет французские позиции, чревато для нее огромной опасностью: оно открывает Германии поле для дипломатического маневра, возможность для укрепления ее международных позиций. Он также понимал, что основу победы Франции и Антанты в целом составил франко-русский союз, что французская армия устояла в борьбе благодаря

тому, что «русская нация... была ее лояльной военной союзницей в течение трех лет»[14].

С осени 1921 года английская и французская буржуазная печать усиленно заговорила об экономическом значении Советской России, о ее растущей военно-оборонной мощи и международном влиянии. Публицисты различных направлений все чаще указывали на необходимость привлечь ее к участию в экономическом восстановлении разоренной войной 1914—1918 годов Европы и всего мирового хозяйства. 28 октября Советское правительство обратилось к британскому правительству Ллойд Джорджа, французскому кабинету Бриана — Барту, а также к правительствам США, Италии и Японии с нотой, в которой внесло предложение о проведении международной конференции с целью упрочения мира на базе налаживания экономического сотрудничества государств с различными социальными системами — социалистического и капиталистических. «Совершенно очевидно, — отмечалось в советской ноте, — что нельзя думать об установлении полного мира без России с ее 130-миллионным населением». Советское правительство выразило уверенность, что в случае успешного проведения предложенной конференции «будет в ближайшем будущем достигнуто окончательное установление экономических и политических отношений между Россией и другими государствами»[15].

Советская инициатива стимулировала франко-английские переговоры, проведенные в Лондоне и во французском курортном городке Канне, в ходе которых было принято решение о проведении международной конференции с участием Германии и Советского государства. Местом ее проведения был избран итальянский город Генуя. 6 января 1922 года Верховный совет Антанты, одобрив принятое решение, выдвинул шесть «условий», адресованных Советскому правительству, подчеркнув: «Если Российское правительство в целях обеспечения необходимых для развития русской торговли условий потребует официального признания, союзные державы могли бы согласиться на это признание лишь в том случае, если бы Российское правительство приняло вышеуказанные условия»[16]. Из выдвинутых шести «условий» правительство Бриана — Барту важнейшими считало сохранение европейского статус-кво, определенного Версальским договором, и погашение Советским правительством задолженности царского и Временного буржуазного правительств России. Из 4—5 млн. человек — держателей французских ценных

бумаг 1,5 млн. были обладателями облигаций «русских займов», общая сумма которых доходила до 12—13 млрд. франков[17]. Барту, принимавший участие как глава французского правительства накануне первой мировой войны в размещении солидной доли «русских займов», чувствовал себя связанным этими финансовыми обязательствами и энергично настаивал на их реализации, выступая в роли защитника интересов как крупных, так и мелких рантье.

Несмотря на выдвинутые «условия», англо-французское решение, принятое в Канне, явилось, как отмечают советские историки, «первым официальным признанием со стороны Запада возможности мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем»[18]. В парламентских и политических кругах Третьей республики вокруг этого решения развернулась острая борьба. А. Мильеран, осенью 1920 года занявший президентский пост, возглавил кампанию против нормализации франко-советских отношений. Особенно возмутило реакцию то, что на предстоявшую экономическую конференцию в качестве главы советской делегации был приглашен В. И. Ленин. «Итак, Ленин приглашен сидеть рядом с Брианом!» — негодовали консервативные публицисты. Кабинет Бриана — Барту пытался маневрировать, предъявив в угоду реакционерам ряд новых ультимативных требований Советскому правительству. Однако это не ослабило натиска консервативных парламентариев. Бриан и Барту, стремясь избежать вотума недоверия в палате депутатов, подали в отставку. Советский дипломат В. В. Воровский не без иронии констатировал: «Еще прежде, чем в Генуе удалось восстановить капиталистическое равновесие в Европе, Бриан потерял свое министерское равновесие и «полетел». А между тем были сведения, что именно Бриан требовал в качестве условия признания России смены нынешних наркомов другими, более симпатичными. Мы еще не успели приступить к смене, а он уже сам сменился»[19].

15 января 1922 года Р. Пуанкаре сформировал новое правительство Третьей республики. Барту вошел в кабинет Пуанкаре в качестве министра юстиции и одновременно министра по делам Эльзаса и Лотарингии. Главной задачей нового правительства стала подготовка к конференции в Генуе. Главой французской делегации был назначен Барту.

На международной экономической конференции, состоявшейся в Генуе, в старинном дворце Сан-Джорджо,

10 апреля — 19 мая 1922 года, Барту впервые вступил в непосредственный контакт с дипломатией первого в истории социалистического государства, провозгласившего новые принципы внешней политики и международных отношений — принципы мирного сосуществования и равноправного взаимовыгодного сотрудничества государств с различными социально-политическими системами. Признание и принятие этих принципов для буржуазных политиков, в том числе и для Барту, оказалось далеко не простым делом. «Трудное прошлое в Генуе»[20] — так позднее оценил Барту в беседе с советским полпредом в Париже эту страницу своей политической биографии.

Французская делегация на Генуэзскую конференцию была сформирована из опытных дипломатов. В нее вошли 70-летний Камиль Баррер, с 1897 года занимавший пост французского посла в Риме, сыгравший одну из решающих ролей в разрушении итало-германского союза и перетягивании Италии в лагерь англо-французской Антанты, 42-летний Шарль Альфан, бывший в 1917—1918 годах начальником Бюро частных имуществ и интересов в оккупированных немцами европейских странах и России, действовавшего в составе французского МИД, а также специалисты по отдельным политическим и экономическим проблемам — Жак Сейду, Эрнест Пикар и Рене Массигли, ставший секретарем делегации. Р. Пуанкаре стремился держать французскую дипломатию в Генуе под своим жестким контролем. И хотя Барту подчеркивал свою самостоятельность, от внимательных наблюдателей не укрылась его зависимость от директив премьер-министра. Как отметил советский публицист, «Барту преувеличивал свое собственное значение: он выступал в Генуе не столько от имени всей Франции, сколько от имени Раймона Пуанкаре, тогдашнего премьер-министра»[21]. Д. Ллойд Джордж также писал, что на Генуэзской конференции Барту всего лишь «представлял» Пуанкаре, который «в делах был человеком суетливым, принимающим суетливость за энергию». Он установил над французской делегацией личную опеку, которую Барту ощущал почти ежечасно. «Я только что получил от Пуанкаре девятисотую телеграмму!»[22] — с плохо скрываемым раздражением сказал он Ллойд Джорджу перед началом одного из заседаний конференции.

Луи Барту во главе французской делегации прибыл в Геную 6 апреля 1922 года. Вместе с ним приехал Эдуард Эррио — лидер Республиканской партии радикалов

и радикал-социалистов, готовившейся сменить у власти в Третьей республике Национальный блок. Хмурая, необычно дождливая итальянская весна встретила французских дипломатов неприветливо. Итальянские власти ввели жесткие меры для охраны делегаций. «Город был, казалось, на осадном положении. Карабинеры охраняли двери отелей и выходы из тупиков, из глубины которых кротко смотрели мадонны с большими букетами свежих цветов. Почти непрерывно лил дождь»[23], — вспоминал Эррио дни «угрюмой пасхи 1922 года», когда начала работу Генуэзская конференция. В большом зале дворца Сан-Джорджо собрались делегаты 29 стран Европы. США направили своего наблюдателя — американского посла в Риме Чайлда. Это был самый представительный из проходивших до тех пор международных форумов, и — что было самым важным — на нем было представлено первое в истории социалистическое государство, делегацию которого составляли такие дипломаты ленинской школы, как Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, В. В. Воровский, и ряд других. Председатель советской делегации В. И. Ленин не мог выехать в Геную, и деятельность советских дипломатов на конференции возглавил народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин.

Французская делегация во главе с Барту сразу попыталась взять в свои руки руководство конференцией. В речи итальянского премьер-министра Л. Факты, избранного председателем конференции и в этом качестве открывшего ее пленарное заседание, были изложены французские тезисы относительно программы предстоявшей работы. Эти же тезисы были повторены в пространном выступлении Барту. Подчеркнув готовность к разработке конструктивных решений, Барту заявил: «Мы явились сюда, чтобы действовать, мы не наблюдатели, а сотрудники, готовые принять участие в общей работе и взять на себя свою долю общей ответственности»[24]. Однако кабинет Пуанкаре мыслил международное сотрудничество только лишь в узких рамках эгоистических интересов капиталистов. Об этом Барту также заявил с красноречивой категоричностью. Он говорил о том, что французские «права, купленные ужасной ценой» потерь в войне 1914—1918 годов, не могут быть предметом обсуждения. «Генуэзская конференция, — подчеркнул он, — не является, не может являться и не явится кассационной инстанцией, ставящей на обсуждение и подвергающей рассмотрению существующие договоры»[25]. Все это означало, что французская

делегация намерена энергично защищать принципы и положения Версальского договора, всех связанных с ним международных договоров и соглашений, то есть послевоенный передел мира, разделивший капиталистическую Европу на два лагеря — победителей и побежденных, причем первые должны были обрести «право» на неограниченную эксплуатацию вторых.

Советская программа, предложенная вниманию конференции, была принципиально иной. В деле восстановления мира, по мнению Советского правительства, не должно было быть дискриминации каких-либо государств. «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, — заявил Г. В. Чичерин с трибуны конференции, — российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления». В деле этого восстановления, по мнению Советского правительства, не должно быть никакой разницы между победителями и побежденными в империалистической войне. «Мы готовы, — подчеркнул Чичерин, — принять участие в общей работе в интересах как России, так и всей Европы и в интересах десятков миллионов людей, подверженных сверхчеловеческим лишениям и страданиям, вытекающим из нынешней хозяйственной разрухи, и поддерживать все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства и устранению угрозы новых войн»[26]. От имени Советского правительства Г. В. Чичерин выступил с исторической инициативой, предпринятой по указанию В. И. Ленина. Советский НКИД предложил осуществить всеобщее или частичное разоружение. «Российская делегация, — заявил Чичерин, — намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения»[27].

Г. В. Чичерин, выступивший после делегатов Франции, Японии, Бельгии и Германии, говорил по-французски,

лишь потом повторил речь по-английски. После выступления германского делегата, демонстративно говорившего по-немецки, это могло быть воспринято как дружественный реверанс в адрес французских дипломатов во главе с Барту. Речь Чичерина была выслушана делегатами с напряженным и благожелательным вниманием. В зале готова была вспыхнуть овация, которую, однако, сдержали французы. Барту усмотрел в советских предложениях «покушение» на основы Версальского договора. Он оценил их как попытку ревизии французских позиций, завоеванных в войне, и немедленно вновь взял слово. Как вспоминали сотрудники советской делегации Н. Н. Любимов и А. Н. Эрлих, Барту произнес речь «в резкой и напыщенной форме». Глава французской делегации, отбрасывая дипломатические нормы поведения, «доведя голос до высоких нот, выкрикнул, что Франция никогда не согласится обсуждать в Генуе Версальский и другие договоры». Барту с ходу категорически отклонил советское предложение о сокращении вооружений. «Вопрос о разоружении исключен, — жестко говорил Барту, срываясь на крик, — он не стоит в порядке дня.., и в тот же час, когда, например, российская делегация предложит... рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ»[28].

Неожиданно резкий демарш Барту привел делегатов конференции в состояние растерянности. Однако Г. В. Чичерин, проявив дипломатическую выдержку, спас положение. Советский нарком, попросив слова, спокойно указал Барту на сделанное еще в ноябре 1921 года заявление Бриана о том, что «причиной, по которой Франция отказывается разоружаться, являются вооружения России». Советское правительство, подчеркнул он, здесь, в Генуе, на международном форуме, открыто заявляет о готовности встать вместе со всеми участниками конференции на путь разоружения. Так что «причина», о которой говорил Бриан, отпадает. Выступление Чичерина, сделанное в деловом, конструктивном тоне, поставило Барту в крайне неловкое положение. Глава французской делегации, невзирая на это, вновь потребовал слова. Однако председательствовавший на заседании конференции Л. Факта и глава британской делегации Д. Ллойд Джордж сдержали своего французского коллегу. Барту не получил слова. Выступивший Ллойд Джордж попытался погасить назревший конфликт. Однако, как вспоминали участники кон-

ференции, «франко-советская дуэль Барту — Чичерин на первом заседании не позволила прийти к какому-либо положительному решению. В зале поднялся шум, и Факта закрыл заседание»[29].

Взятая на пленарном заседании конференции линия Барту, действовавшего по жестким инструкциям Пуанкаре, закрыла путь к принятию больших, принципиальных решений в деле укрепления международного мира в Европе. «Протест Франции, — писал Г. В. Чичерин в Москву, — означает, что конференция не будет заниматься нашей пацифистской программой... Вследствие нежелания другой стороны обсуждать нашу пацифистскую программу будем просто вести переговоры о соглашении»[30].

Барту не мог не понять, что его дипломатический дебют на конференции оказался явно неудачным. Итальянская газета «Аванти!» на следующий день отметила: «Только ясность духа Чичерина, ловкость Ллойд Джорджа и, до известной степени, сопротивление итальянской делегации помешали Франции осуществить свое намерение — саботировать конференцию». А парижская «Юманите» прямо писала, что «схватка между Чичериным и Барту является огромной моральной победой первого»[31]. Таково было мнение не только коммунистической и социалистической печати, но и большинства буржуазных журналистов, сопровождавших французскую делегацию в Генуе. «Из переговоров с многочисленными французскими журналистами, — писал Г. В. Чичерин в Москву, — выясняется, что настроение во Франции очень резко изменилось в нашу пользу»[32]. Барту вынужден был маневрировать, прибегая к банальным остротам. Отвергая обвинение в приверженности к милитаризму, он говорил журналистам: «Нас все время подозревают в нежелании разоружаться. Это похоже на жену, совершенно верную своему мужу, которую, однако же, все время подозревают в неверности. Кончается тем, что — с досады! — она ему изменяет»[33]. Подобные заявления Барту не могли скрыть того, что Франция остается хорошо вооруженной державой, стремится в решении международных проблем апеллировать к силе: контингенты французских войск обретались в германских рейнских портах Дюссельдорфе, Дуйсбурге, Рурорте.

Дипломатическая дуэль с Г. В. Чичериным привела к тому, что Л. Барту, попытавшийся захватить инициативу в работе конференции, потерял ее. 13 апреля Д. Ллойд Джордж предложил советской делегации провести переговоры в резиденции британских дипломатов

в Генуе — на вилле «Альбертис». Переговоры предлагалось провести в узком составе. Кроме советских представителей сюда были приглашены представители делегаций Франции, Италии и Бельгии. Барту попытался использовать предложенные Ллойд Джорджем переговоры, чтобы затушевать свой дипломатический промах, сгладить впечатление от неудачи на пленарном заседании. 15 апреля перед началом встречи на вилле Барту бросил краткую, но многозначительную фразу, сразу же подхваченную журналистами: «Только сегодня начинается Генуэзская конференция».

На вилле «Альбертис» в кабинете Д. Ллойд Джорджа Барту за круглым столом, накрытым зеленым сукном, впервые лично встретился с советскими дипломатами Г. В. Чичериным, М. М. Литвиновым, Л. Б. Красиным, получив возможность близко познакомиться с ними. Ведя разговор на французском языке, которым прекрасно владели его советские партнеры, Барту имел все условия показать себя образованным и лояльным собеседником, о котором М. М. Литвинов позднее вспоминал с добрыми чувствами[34]. Но политическая позиция Барту по-прежнему не была конструктивной. Выражая стремление к нормализации франко-советских отношений, подчеркнуто напоминая, что он, Барту, является тем государственным деятелем Третьей республики, который еще в 1920 году в специальной парламентской интерпелляции предложил начать переговоры с Советской Россией, он, следуя инструкциям Пуанкаре, настаивал на подчинении Советской страны франко-британскому диктату. Британская дипломатия сразу же использовала позицию кабинета Пуанкаре и попыталась сколотить единый антисоветский фронт капиталистических держав.

В качестве предварительного обязательного условия нормализации отношений с Советским государством Барту, вместе с поддержавшим его позицию Ллойд Джорджем, выдвинул вопрос о погашении задолженности царского и Временного буржуазного правительств. «Невозможно разбираться в делах будущего до тех пор, пока не разберутся в делах прошлого, — декларировал Барту и подчеркнул: — Как можно ожидать, чтобы кто-либо вложил новый капитал в России, не будучи уверенным в судьбе капитала, вложенного ранее». «Весьма важно, — продолжал он, — чтобы Советское правительство признало обязательства своих предшественников как гарантию того, что последующее за ним правительство признает и

его обязательства». Прозрачный намек на мнимую «непрочность» и «временность» советского режима был всего лишь попыткой дипломатического давления. Хотя в совместном англо-французском меморандуме, переданном советской делегации, общая сумма долговых обязательств старой России не была названа, зарубежная, в частности французская, печать определяла ее приблизительно в 18,5 млрд. золотых рублей[35]. Это была астрономическая цифра, выражавшая грабительские устремления французского, британского и американского капитала.

На откровенный нажим Барту, поддержанный Ллойд Джорджем, советская делегация совершила ответный демарш, оказавшийся неожиданным для главы французской делегации. Г. В. Чичерин от имени Советского правительства выразил готовность на урегулирование долговой проблемы на справедливой основе — на базе взаимного возмещения убытков: «Убытки русского народа и государства дают гораздо более бесспорное право на возмещение, чем претензии бывших владельцев в России и русских займов, принадлежавших к нациям, победившим в мировой войне и получившим с побежденных колоссальные контрибуции, тогда как их претензии предъявляются к стране, полностью разоренной войной, иностранной интервенцией»[36]. По приблизительным подсчетам, убытки советского народа определялись в 50 млрд. золотых рублей. Громадные размеры ущерба, нанесенного России войной и интервенцией, в том числе французской, смутили Барту. В интервью американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» он с плохо скрываемой растерянностью говорил: «50 млрд. рублей золотом — это вдвое больше, чем та сумма, которую Франция требует от Германии за четырехлетнюю опустошительную войну... Я отказываюсь входить в обсуждение обязательств по отношению к государству, которое своих обязательств не выполняет»[37]. В ходе продолжавшейся на вилле «Альбертис» дискуссии растерянность Барту выразилась в том, что он опять, как и на пленарном заседании конференции, прибег к ультиматуму. «Необходимо прежде всего, чтобы Советское правительство признало долги, — категорически заявил Барту. — Если г-н Чичерин ответит на этот вопрос утвердительно, работа будет продолжаться. Если ответ будет отрицательным, придется работу закончить. Если он не может сказать ни «да», ни «нет», работа будет ждать»[38].

Ультимативно-жесткая позиция Барту, уповавшего на

возможность единого антисоветского фронта капиталистических держав, оказалась его громадным дипломатическим просчетом. Он явно недооценивал политические возможности Советского государства, дальновидность и реализм его дипломатии. 16 апреля в предместье Генуи, городке Рапалло, был подписан двусторонний советско-германский договор, основанный на взаимном отказе от долговых претензий и открывший путь к полной нормализации отношений между обеими странами. В. И. Ленин отметил, что в Рапалльском договоре было закреплено «действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел* от частной собственности и порождаемых ею *экономического хаоса* и войн»[39].

Французская делегация в Генуе увидела в Рапалльском договоре свою неудачу. «Союзников обвели вокруг пальца. Германия и Россия сотрудничают. Какая опасность для будущего!»[40] — так писал Эдуард Эррио, оценивая результат Рапалльского договора для Франции. Так же думал и Барту, сознававший громадный политический и дипломатический просчет, допущенный Францией на Генуэзской конференции. Его обмен письмами с Г. В. Чичериным в связи с подписанием Рапалльского договора был выдержан в примирительном духе. В ответ на заверение Г. В. Чичерина, что Рапалльский договор никоим образом не имеет антифранцузской направленности, Барту писал 1 мая 1922 года, что «не сомневается в искренности намерений, продиктованных в письме российской делегации», и тут же отметил громадную историческую значимость для Франции ее боевого сотрудничества с Россией в годы первой мировой войны[41].

Это было пусть несколько прикрытое, но все же достаточно ясно выраженное признание несправедливости жесткой позиции по «долговой проблеме». «Некоторых политических деятелей, — говорил Барту в одной из своих частных бесед, — обвиняют в том, что они, как флюгеры, всегда повернуты по ветру. Но как раз и нужно повертываться по ветру. Слабость политических деятелей состоит в том, что они, если можно так выразиться, поворачиваются против ветра!»[42]. На Генуэзской конференции, не принесшей Франции никакого осязаемого результата, Барту, следуя инструкциям Пуанкаре, действовал именно таким образом, проявив несомненную «слабость», о которой выразительно сказал сам. И это стало для него уроком.

СЛОЖНЫЙ ПУТЬ НА КЭ Д'ОРСЕ

В июле 1922 года Луи Барту был избран в сенат. А в октябре он стал председателем репарационной комиссии. Этот пост был одним из ключевых в политическом механизме, созданном для реализации Версальского договора. Репарационная комиссия, сформированная как постоянно действовавший орган победителей в составе представителей Франции, Англии, США, Италии и Бельгии, на который было возложено проведение в жизнь репарационных статей Версальского договора, имела независимый статут. «Ее решения, — писал английский исследователь В. Джордан, — были окончательными, и их нельзя было отменить только лишь в результате действий того или иного правительства». Отказ сената США ратифицировать Версальский договор и, как следствие этого, отзыв американским правительством его делегатов из комиссии объективно усилили французские позиции. «Уход американцев из комиссии, — отметил Джордан, — нарушил распределение голосов внутри комиссии. Привилегия французского председателя иметь решающий голос приобрела в органе, состоявшем из четырех членов, значение, которого она не имела бы в органе из пяти членов». К тому же, как писал тот же исследователь, Барту не желал быть в репарационной комиссии в роли «чисто финансового эксперта»: он действовал прежде всего как политик, и его позиция изменила «самый облик комиссии как органа для взимания репараций»[1].

К моменту обретения Барту полномочий председателя репарационной комиссии франко-германские отношения достигли предельного напряжения, причиной которого являлось упорное стремление германских империалистов уклониться от выплаты репараций. Концерны Стиннеса, Тиссена, Кирдорфа, Круппа, Клекнера, Вольфа организовали «бегство капитала» путем вывоза за пределы Германии свыше 15 млрд. марок и тем самым углубили кризисное состояние экономики страны. Германское произ-

водство катастрофически сокращалось. Число безработных в стране достигло 200 тыс.[2]

Став председателем репарационной комиссии, Барту энергично взял руководство ее деятельностью в свои руки. 16 октября он составил специальный меморандум — ответ на германскую позицию саботажа репарационных платежей. Меморандум Барту отклонял любые доводы германской стороны в пользу отсрочки выплаты репараций и угрожал реализацией системы залогов, предусмотренной Версальским договором. Залогами должны были стать германские промышленные предприятия, над которыми в случае продолжения саботажа репарационных платежей и поставок устанавливался контроль репарационной комиссии[3]. Меморандум Барту резко оборвал закулисную интригу, затеянную в августе 1922 года главой германского «Стального треста». Вступив в секретные сношения с президентом французской «Компании по восстановлению разоренных департаментов» маркизом де Люберзаком, Стиннес предложил создать германо-французское горнорудное объединение, фактически трест рурских промышленников с «французским хвостом», основанный на совместной эксплуатации лотарингской железной руды и германского угля. В обмен на согласие по созданию такого межнационального монополистического объединения Тиссен обещал де Люберзаку германский «золотой заем» для стабилизации французской валюты. Доведенное в октябре до сведения Пуанкаре и Барту, это предложение сразу было отклонено ими.

26 октября Барту перенес заседания репарационной комиссии в Берлин, где они проводились до 9 ноября. Этот демарш был рассчитан на политическое давление на Германию. Барту с недоверием выслушивал пространные доклады финансовых экспертов, приглашенных правительством Вирта и доказывавших германскую несостоятельность. Германские предложения сводились к предоставлению моратория по репарационным платежам и поставкам сроком на пять лет, а также солидного «международного займа» для восстановления индустрии Германии. 9 ноября Стиннес произнес публичную речь, требуя полной ликвидации репараций. Владелец «Стального треста» издевательски предлагал реализовать их выплату только за счет предоставленного Германии «международного займа»[4]. То была заведомая провокация конфликта. В тот же день Барту и репарационная комиссия покинули Берлин.

Правительство Вирта попыталось продолжить диалог. Надеясь на британскую и американскую поддержку, оно 14 ноября обратилось к репарационной комиссии со специальной нотой, настаивая на мораторий хотя бы на три года. Барту решительно отверг германские настояния, даже не поставив германскую ноту на обсуждение репарационной комиссии. 27 ноября кабинет Пуанкаре одобрил позицию Барту, солидаризировался с ним.

Между тем положение в Германии осложнялось. На смену ушедшему в ноябре в отставку правительству Вирта пришло правительство во главе с директором крупнейшей германской судоходной компании «Хапаг» В. Куно, в котором министерские посты заняли такие промышленники и финансисты, как Стиннес, Тиссен, Рехлинг, выражавшие волю германского капитала к продолжению саботажа репарационных платежей. В развернувшейся напряженной борьбе Пуанкаре и Барту получили поддержку Италии. На встрече премьер-министров Франции, Италии, Бельгии и Англии, состоявшейся 10 декабря в Лондоне, Пуанкаре добился отказа от принятия германского предложения о моратории. Через несколько дней, 26 декабря, репарационная комиссия по требованию Барту, отклонившего возражения британского делегата Дж. Брэдбери, констатировала умышленные и грубые нарушения Германией репарационных поставок леса[5]. Барту был возмущен заявлением Брэдбери, характеризовавшим германские нарушения репарационных поставок как «микроскопические» и уверявшим, что французские требования являются всего лишь «военной хитростью», маскирующей стремление захватить германскую собственность. 28 декабря Барту ультимативно потребовал ускорения германских поставок в счет репараций не только леса, но и угля.

Решительные действия Барту встретили, однако, не менее решительное сопротивление рурских промышленников — Стиннеса и его коллег, получивших поддержку правящих кругов США. Американский капитал не желал укрепления французских позиций в германской экономике и сам рассчитывал на беспрепятственное хозяйничанье в Германии и Европе в целом. 29 декабря государственный секретарь США Чарлз Юз, выступая перед членами Американского исторического общества, заявил, что «проблема репараций могла бы быть решена, если бы ее изучение поручили комиссии авторитетных финансистов»[6]. Это был откровенный намек на финансовую

некомпетентность Барту и возглавлявшейся им репарационной комиссии, фактическое требование об отстранении их от решения репарационной проблемы.

2 января 1923 года прибывший в Париж британский премьер-министр Р. Бонар-Лоу вновь предложил предоставить Германии репарационный мораторий сроком на четыре года. Пуанкаре и Барту отвергли английское предложение, означавшее капитуляцию перед магнатами Рура. 9 января репарационная комиссия под председательством Барту тремя голосами (Франции, Бельгии, Италии) против одного голоса британского делегата констатировала, что Германия не выполняет репарационных обязательств, возложенных на нее Версальским договором[7]. На следующий день кабинет Пуанкаре — Барту направил германскому правительству поддержанную Бельгией и Италией ноту, отмечавшую срыв германских поставок угля и леса (шпал и телеграфных столбов). Нота императивно заявляла о французском решении направить в Рурскую область комиссию, составленную из 40 инженеров, для контроля над деятельностью германского угольного синдиката, срывавшего репарационные поставки. Для «охраны» этой комиссии в Рур направлялись французские и бельгийские войска.

11 января французские и бельгийские военные формирования перешли германскую границу и вступили в Эссен, Гельзенкирхен и Буе. В последующие недели в Руре был сконцентрирован контингент французских (95 тыс.) и бельгийских (20 тыс.) войск под командованием французского генерала Дегута. Оккупанты заняли 7% послеверсальской территории Германии с 20% ее населения. На оккупированную часть Германии приходилось 72% добычи угля, 54 — выплавки чугуна, 53% — стали. Французским промышленникам, таким как Э. Шнейдер и Ф. де Вандель, поддержавшим военную акцию правительства Пуанкаре — Барту, рисовалась перспектива установления безраздельной гегемонии в Европе, первым шагом к которой они считали создание лотарингско-рейнско-вестфальского горнорудного треста, в котором французам было бы обеспечено 60% акционерного капитала, а немцам — только 40%[8]. Парижский еженедельник «Юзин» писал, что Франция, «став хозяином Рура, сможет наконец разговаривать с англичанами на началах равенства и даже диктовать свои условия» в решении репарационной проблемы[9].

Как председатель репарационной комиссии Луи Барту

оказался в центре развернувшейся острой политической и дипломатической борьбы. Германский кабинет Куно, пытаясь политически изолировать Францию, публично обвинял ее в том, что она преследует цели, далекие от решения репарационной проблемы. «Речь идет не о репарациях, — заявил Куно 13 января с трибуны рейхстага. — Речь идет о достижении старой цели политики Франции, которой она добивается в течение 400 лет... К этой цели стремились Людовик XIV и Наполеон I». Разжигая страсти, германский канцлер уверял, что французской целью является не только граница по Рейну, но и безраздельное господство в Германии и Европе[10].

Разоблачая гегемонистские устремления французских правящих кругов, германская дипломатия апеллировала к Англии и США, стараясь заручиться их поддержкой, разжечь противоречия и борьбу в стане победителей, изолировать Францию. Барту понимал цели германского дипломатического маневрирования. Возможность международной изоляции Франции пугала его. Стремясь оказать давление на Англию, вынудить британское правительство поддержать французские позиции, Пуанкаре и Барту угрожали воскрешением проекта антибританского блока континентальных держав, выдвинутого Наполеоном I. Французская дипломатия предпринимала шаги по сплочению Франции, Бельгии и Италии. На страницах парижской «Матен» появилась инспирированная правительством Пуанкаре — Барту статья сенатора А. де Жувенеля, призывавшая к «сплочению Европы». «У континентальных держав имеются свои интересы, которые не способны понять островные головы англичан, — писал сенатор и многозначительно подчеркивал: — Альпы не так отделяют страны друг от друга, как Ла-Манш»[11].

Британская дипломатия атаковала Барту и возглавлявшуюся им репарационную комиссию. Дж. Брэдбери обвинял Барту в создании искусственного предлога для оккупации Рура, говорил, что Барту просто «придрался» к «некоторому недовыполнению» Германией ее репарационных обязательств, что его подлинные цели имели «малое отношение к выплате репараций»[12]. Опираясь на британскую поддержку, правящие круги Германии предприняли попытку ревизовать все положения Версальского договора о репарациях. 2 мая правительство Веймарской республики передало кабинету Пуанкаре — Барту ноту с согласием принять на себя репарационные обязательства в размере 30 млрд. марок вместо 132 млрд., определенных

победителями, да и то при условии немедленной эвакуации из Рура французских и бельгийских войск.

Пуанкаре и Барту ответили мобилизацией сил Польши — союзницы Франции. В мае 1923 года в Польшу прибыл маршал Ф. Фош, принявший участие в проведении у германских восточных границ боевых маневров 600-тысячной польской армии[13]. «Мир снова ввержен в состояние предвоенной лихорадки, — отмечало тогда Советское правительство. — Искры сыплются в пороховой погреб, созданный из Европы Версальским договором»[14].

Накалялась и социальная атмосфера. Призывы германских и французских коммунистов к борьбе против империалистических авантюр нашли отклик среди рабочего класса и трудящихся масс обеих стран. Рур был охвачен всеобщей забастовкой. В рурских промышленных центрах французские солдаты выражали сочувствие немецким рабочим, с пением «Интернационала» присоединялись к пролетарским, антиимпериалистическим демонстрациям[15]. Кабинет Пуанкаре — Барту развернул репрессии против компартии, ее печати, особенно против газеты «Казерн» («Казарма»), распространявшейся среди французских солдат. Были арестованы Марсель Кашен, Гастон Монмуссо, Пьер Семар, Габриель Пери и ряд других деятелей ФКП[16].

К осени определилась бесперспективность затеянной французскими империалистами военной авантюры в Руре. Сопротивление французской оккупации нарастало. В августе Рур был охвачен массовой забастовкой. 400 тыс. рурских рабочих требовали ухода оккупантов. Выплата репараций была прекращена. На французских финансах лежало тяжелое бремя оккупационных расходов. Барту ясно видел, что французская политика оказалась в тупике. «Надо в конце концов к чему-то прийти, — заявил он. — Не только кредиторы Германии, но и сама Германия заинтересована в урегулировании вопроса репараций. Не будет преувеличением сказать, что от этого вопроса зависит мирное равновесие во всем мире»[17].

Дипломатические речи Барту лишь прикрывали провал военной акции. 11 ноября Пуанкаре возложил на Барту как на председателя репарационной комиссии сложную задачу поисков компромиссного решения проблемы. В качестве первого шага в этом направлении Барту пришлось согласиться на учреждение «комитета экспертов», на чем настаивали Англия и США. Барту стремился сосредоточить работу этого «комитета» на воссоздании базы для выплаты германских репараций. Эксперты, по его мнению, должны

были прежде всего содействовать восстановлению «бюджетного равновесия» Германии, поставив преграду на пути «утечки капиталов» из страны.

Позиция Барту сразу натолкнулась на сопротивление британского консервативного кабинета, который возглавил Ст. Болдуин, сменивший Бонар-Лоу на посту премьер-министра. Нажим британских консерваторов, действовавших заодно с правящими кругами США, имел свою основу. Американский и английский капитал нанес по финансам Третьей республики мощный удар. Курс франка катастрофически падал. Если в начале 1923 года 1 долл. стоил 13 франков, то в марте 1924 года — около 29 франков. С целью поддержания финансового равновесия кабинет Пуанкаре — Барту вынужден был спешно взять в долг у банковской группы Моргана 89 млн. долл.[18]

9 апреля чикагский банкир и генерал американской армии в годы первой мировой войны Чарлз Дауэс, возглавивший группу американских экспертов, взявших в свои руки решение репарационной проблемы, в письме на имя Барту изложил основы этого решения, вскоре облеченного в специальный план, получивший название «плана Дауэса». Пуанкаре намеревался торпедировать американский план, исключительно выгодный для Германии, методом внесения поправок. Однако Барту занял, как он сам писал, более «политическую» позицию, склоняясь к принятию предложенного плана, получившего поддержку англичан. Эдуард Эррио, отметив «расхождение во мнениях между Луи Барту и премьер-министром», вспоминал, что Барту опасался изоляции Франции: «Он заявил об этом твердо и определенно»[19].

Барту понимал, насколько нуждается Франция в твердой международной опоре. Только имея подобную опору, Третья республика может сохранить себя как великая держава, как оплот версальского порядка в Европе. Такую опору Барту видел в нормализации франко-советских отношений. С годами эта мысль крепла и развивалась, приобретая все более отчетливое, целенаправленное очертание. «Трудное прошлое в Генуе» стало, как отмечал сам Барту, плодотворной основой для этого развития.

На такой основе крепло политическое сближение Барту с Эдуардом Эррио, лидером во многом противостоявшей Демократическому союзу партии радикалов. Определяя свою внешнеполитическую программу, Эррио говорил: «Оставить Россию вне концерна европейских держав — это значит толкать ее на союз с Германией... Я подпишу со-

глашение о восстановлении отношений между Парижем и Москвой. Это будет конец политики „колючей проволоки“»[20]. Барту целиком разделял эту политическую линию Эррио, ее предпосылки и цели. Более того, сама формулировка Эррио его позиции почти буквально совпадала с тем, о чем говорил Барту в феврале 1920 года в своей парламентской интерпелляции, которая, конечно, была хорошо известна лидеру радикалов. Барту оказался в числе тех политиков и парламентариев Третьей республики, которые одобрили восстановление франко-советских дипломатических отношений, осуществленное 28 октября 1924 года кабинетом Левого картеля — блоком радикалов и социалистов — во главе с Эррио, пришедшим на смену правительству Пуанкаре. Не войдя в состав кабинета, Барту остался на посту председателя репарационной комиссии.

Находясь на этой должности, он лояльно сотрудничал с кабинетами Левого картеля, возглавлявшимися радикалами: сначала — Эррио, затем — Пенлеве. В одном из писем к Р. Пуанкаре, возглавлявшему оппозиционные по отношению к Левому картелю группировки в сенате, Барту подчеркивал, что в сложившейся политической ситуации одной из важных задач французской дипломатии является опровержение «распространенной клеветы», что Франция, оккупируя Рур, якобы стремится к «аннексии» германских территорий. Это было стремление восстановить политический международный престиж Третьей республики, существенно подорванный рурской авантюрой и ее провалом. Вместе с тем Барту своей позицией председателя репарационной комиссии стремился показать, что согласием на принятие «плана Дауэса», как писал он сам, «ни права Франции, ни права ее правительства не были принесены в жертву». В сущности, это была, говоря словами французской поговорки, «хорошая мина при плохой игре». «Комитет экспертов», заседавший в Лондоне, диктовал свою волю. Один из французских дипломатов говорил: «В Лондоне приподнялся занавес, обычно скрывающий сцену от взоров народа. И мы увидели на ней «деус экс махина» современной политики, подлинного хозяина демократий, считаемых суверенными: финансиста, денежного туза»[21].

15 июля собравшаяся в Париже под председательством Барту репарационная комиссия санкционировала принятие «плана Дауэса», закончив, по существу, на этом свою деятельность.

Барту с тревогой следил за изменением соотношения сил в капиталистической Европе в ущерб Франции, в пользу, как он считал, империалистической Германии. Разработанный «комитетом экспертов» под председательством Ч. Дауэса и принятый в августе 1924 года Лондонской международной конференцией, с участием США и Германии, репарационный план, формально сохранив экономическую основу Версальского договора — репарации, — по существу положил начало его ревизии. Под нажимом США правительство Эррио согласилось на ликвидацию репарационной комиссии, деятельностью которой уже несколько лет руководил Барту. Оно согласилось также на вывод в максимально короткий срок — в течение года — французских военных контингентов из Рура.

Вместе с этим «план Дауэса» обеспечил широкий приток капиталов в Германию. За годы его действия (1924—1929 гг.) иностранные капиталовложения в германскую экономику, особенно индустрию, составили до 15 млрд. марок долгосрочных и свыше 6 млрд. марок краткосрочных инвестиций. Французские банковские и промышленные группы шли на довольно широкое сотрудничество с германскими монополистами. С августа 1924 года до июля 1931 года французские инвестиции в Германии возросли до 1 млрд. марок долгосрочных и 650 млн. марок краткосрочных займов и кредитов [22]. Французские промышленники вместе с промышленниками Саара, Бельгии, Люксембурга вошли в «Международный стальной картель», в котором ведущую роль играл германский «Стальной трест».

Принимая «план Дауэса», французские правящие круги ориентировались на долговременное сотрудничество с Англией и США, что нашло выражение в договорном комплексе, созданном в октябре 1925 года на Локарнской конференции пяти европейских государств (Англии, Франции, Бельгии, Италии, Германии) и оформленном в виде договорного акта в Лондоне 1 декабря 1925 года. Рейнский гарантийный пакт, составлявший центральную часть Локарнских соглашений, придал западным границам Германии, определенным Версальским договором, особый международно-правовой статут. Он не только провозгласил их нерушимость, но и предоставил в деле их сохранения военно-политические гарантии со стороны Англии и Италии. Эти, в сущности, теоретические гарантии на случай германской агрессии сопровождались значительными французскими уступками.

Гарантийная политика западных держав не распространялась на восточные границы Германии, Чехословакии и Польше были предложены только «арбитражные договоры», не исключавшие возможности «мирной» ревизии их территориального статус-кво. К тому же Германия использовала свое участие в Лиге Наций, которое было условием функционирования всего Локарнского договорного комплекса, чтобы выторговать право на возможность фактической ревизии военных статей Версальского договора. На Локарнской конференции германская дипломатия, соглашаясь на участие в планировавшихся британскими консерваторами акциях против СССР, добилась обещаний послабления в вопросе ограничения вооружений[23].

Барту одобрительно встретил подписание Рейнского гарантийного пакта, поскольку он закреплял версальский статус-кво в Западной Европе, но с подозрением и тревогой отнесся к политике правящих кругов Англии в отношении восточноевропейских государств, составлявших основу французских «тыловых союзов». Барту заботил главный вопрос — начавшееся возрождение германского милитаризма.

После принятия «плана Дауэса» и фактической ликвидации работы репарационной комиссии (формально она была распущена в 1926 г.) в политической деятельности Барту наступила непродолжительная пауза. Он, как это бывало и прежде, заполнил ее напряженной литературной работой, стимулировавшейся его дружеским общением с Э. Эррио, который после отставки его кабинета весной 1925 года также временно оказался не у дел. Дружбе Барту и Эррио не препятствовало расхождение в их внутриполитических позициях. Барту с нескрываемым недоверием относился к левореспубликанским партийным и парламентским группировкам. Он с тревогой следил за обострением социальной борьбы в стране, назревавшим кризисом режима Третьей республики, неустойчивостью правительств, следовавшими один за другим публичными грязными скандалами, в которых оказывались замешанными не только депутаты и сенаторы, но и министры. Барту видел средство спасения буржуазно-республиканского режима в максимальной концентрации власти в руках президента и его ближайшего окружения. «Вырождение общественной жизни, — говорил Барту, — налагает окончательное ограничение на добрую волю людей. Нужно было бы создать нечто вроде Директории по примеру Франции 1794 года. Эта Директория все же проводила

неплохую политику в той хаотической обстановке!»[24].

Барту сближало с Эррио страстное увлечение немецкой классической музыкой. Они часто вместе посещали музыкальные концерты, вечера в Парижской консерватории, где Барту абонировал ложу. Позднее Эррио вспоминал, «с каким самозабвением слушал Барту музыку»[25]. И не только слушал, но и много размышлял над творчеством Баха, Бетховена, а также Вагнера, который стал особенно близок ему.

В 1924 году Барту принял заказ парижской книгоиздательской фирмы Эрнеста Фламмариона на монографию, посвященную Рихарду Вагнеру. В жизни и творчестве композитора Барту, подобно Ромену Роллану, искал «ключ от потерянного сокровища — старой Германии», Германии, которая дала миру Баха, Бетховена, Гёте, Гейне, породила и взрастила их гений[26]. Барту воспринимал музыку Вагнера так же, как один из чтимых им поэтов Шарль Бодлер: она воплощала грандиозный, всеобъемлющий символ трагической сущности человеческого бытия. В этом восприятии было много личного: Барту не мог забыть гибель 19-летнего сына.

Издательская воля ограничила творческий замысел Барту. Э. Фламмарион планировал издание заказанной монографии в задуманной им, в основе своей коммерческой, серии книг под общим заголовком «Их любовь», имея в виду занимательное повествование, посвященное интимной жизни представителей литературы и искусства.

Книга Луи Барту «Любовная жизнь Рихарда Вагнера» была опубликована в Париже в 1925 году. Он писал книгу увлеченно, темпераментно, полемично, ниспровергая образ Вагнера, созданный сухой, академической немецкой музыкальной критикой. Немецкие реваншисты и фашисты, в том числе Гитлер, хотели «присвоить» Вагнера, превратив его в знамя национализма, антисемитизма и расизма.

Против этого восстал Барту. Он лепил свой, гуманистический образ великого композитора, творца оперного цикла о Нибелунгах. Однако в центре внимания Барту находится не столько Вагнер — творец нового симфонизма, нового контрапункта, нового музыкального театра, но Вагнер — человек, яркая, страстная, увлекающаяся земной красотой, неповторимая личность.

Барту развертывает в своей книге, написанной популярно, живо, увлекательно, целую философию любви.

И Вагнер здесь не столько объект исследования биографа, сколько повод для этой философии.

Затем в 1926 году Барту издал другую книгу — «Генерал Гюго». Это яркое, основанное на документах повествование о Жозефе Леопольде Сижисбере Гюго, отце знаменитого французского писателя Виктора Гюго. Его биография дала богатый материал для создания привлекательного образа французского республиканца бурной, переломной эпохи рубежа XVIII—XIX веков.

Монографии Барту о Вагнере и генерале Гюго были опубликованы в то время, когда в капиталистической Европе поднималась мутная волна фашистского мракобесия. Пришедший к власти в Италии в ноябре 1922 года фашистский «дуче» Бенито Муссолини, готовившийся превратить итальянскую молодежь в солдат для похода за передел Европы и колониального мира, объявил человеконенавистнический аскетизм одной из основ своей смертоносной программы. В проскрипционные списки запрещавшихся и изымавшихся из публичных библиотек книг итальянские фашисты включали не только «Декамерон» Боккаччо, но и «Метаморфозы» Овидия. В Германии на городских площадях, университетских и консерваторских дворах еще не пылали костры из книг и нотных тетрадей, но гитлеровцы уже злобно преследовали прогрессивную литературу и искусство, не только современное, но и классическое, в том числе произведения Генриха Гейне. Гитлеровская пропаганда усиленно выхолащивала высокое гуманистическое содержание немецкой музыкальной классики, особенно наследия Рихарда Вагнера.

В этой обстановке книга Барту, исполненная гуманистического пафоса, стала орудием борьбы против человеконенавистнического наступления фашизма на культурное наследие прошлого, на европейскую цивилизацию. Именно поэтому фашиствовавшая «критика» во Франции ответила на книгу Барту потоками грязной памфлетной клеветы. Один из лидеров ультраконсервативной лиги «Аксьон франсез» («Французское действие») Шарль Моррас, превратно толкуя содержание монографии о Вагнере, договорился до того, что Барту якобы «страдает половым психозом»[27]. Барту, конечно, не отвечал подобным «критикам», но их выступления, безусловно, способствовали росту его возмущения и ненависти к фашистской идеологии.

23 июля 1926 года Луи Барту вошел в состав очередного кабинета Р. Пуанкаре, сформированного после крушения Левого картеля. Это был обновленный кабинет

прежнего Национального блока, основу которого, как и раньше, составил Демократический союз — буржуазно-консервативная политическая группировка, которую и представлял в кабинете Барту, получивший портфели министра юстиции и министра по делам Эльзаса и Лотарингии. Коллегами Барту по кабинету стали А. Бриан (министр иностранных дел), П. Пенлеве (военный министр), А. Сарро (министр внутренних дел), Э. Эррио (министр просвещения), А. Тардье (министр общественных работ), Л. Марен (министр социального обеспечения). Это были представители разных политических направлений — от крайне правых до леворадикальных парламентских группировок[28].

Хотя министерские обязанности Барту были связаны с проведением внутренней политики, его основное внимание поглощала внешняя политика. По свидетельству журналистки Ж. Табуи, он говорил о международных делах «даже во время званых обедов, в перерывах между разговорами о фугах Баха или последних переводах из Эсхила»[29]. А. Бриан, бессменный министр иностранных дел с 1925 по 1932 год, был неоднократно коллегой Барту в различных по политическому составу и ориентации правительствах Третьей республики. Их совместная министерская и парламентская работа продолжалась почти четверть века. Оба причислялись к лучшим парламентским ораторам[30]. Между ними сложились довольно близкие, приятельские отношения. Барту иногда проводил каникулярный отдых у Бриана в поместье Кошрель в Нормандии. Он многое ценил в Бриане-политике, и прежде всего его дипломатическую гибкость, умение быстро уловить и учесть изменения в политической ситуации. И позднее, вспоминая об уроках Бриана, Барту часто спрашивал его былых близких дипломатических сотрудников: «Скажите-ка мне, что сделал бы Бриан, если бы он был на моем месте?»[31].

Но вместе с тем Барту с тревогой следил за бриановским курсом на «замирение» капиталистической Европы путем поисков беспринципного франко-германского «компромисса», путем консолидации Версальской системы исключительно на базе Лиги Наций, на основе дискуссий и компромиссных соглашений на ежегодных ассамблеях и сессиях ее совета, проводившихся в специально построенном в Женеве Дворце наций. «Лига Наций, — уверенно провозглашал Бриан на международных форумах, — это не только понятие, это реальность. Это — союз наций против войны с помощью системы взаимной безопаснос-

ти»[32]. Барту критически встречал подобные высокопарные разглагольствования Бриана. «Ах, эти женевские миражи! Как быстро я рассеял бы их, если бы был у дел!»[33] — восклицал он в частных беседах. С точки зрения Барту, Лига Наций могла иметь только один смысл, заключавшийся «в создании условий, которые установили бы бесспорное стратегическое превосходство победителей... в любой грядущей войне между Германией и ее соседями»[34]. Еще в ходе Парижской мирной конференции Барту был в числе французских дипломатов, добивавшихся того, чтобы Лиге Наций был придан характер военного союза, который бы продолжил и закрепил Антанту периода войны[35].

Барту с недоверием относился к деятельности Густава Штреземана, возглавлявшего МИД Веймарской республики с 1923 по 1929 год. Он ясно видел, что этот умный и ловкий германский политик, тесно связанный с монополистическим капиталом, под прикрытием забот о «процветании» Европы, за что приобрел в пацифистских кругах Парижа титул «Великого европейца», упорно стремится к одной цели — к укреплению германских позиций, ревизии Версальского договора[36]. Со своей стороны, Штреземан прилагал усилия, чтобы устранить с политической арены таких французских политиков, как Пуанкаре и Барту. В ходе секретных переговоров с Брианом, проведенных 17 сентября 1926 года, сразу после вступления Германии в Лигу Наций, в маленькой деревенской гостинице в местечке Туари на франко-швейцарской границе, Штреземан, прельщая французского министра иностранных дел возможностью германского участия в стабилизации расшатанной в результате рурской авантюры французской валюты, настаивал на отставке кабинета Пуанкаре — Барту[37].

Французское правительство озабоченно следило за быстрым возрождением социально-экономической базы германского милитаризма — военно-монополистических объединений. «Широкие инвестиции в германское хозяйство, — вспоминал советский дипломат И. М. Майский, — осуществлялись США и Англией при явном неодобрении со стороны Франции»[38]. В 1925—1926 годах при поддержке американского капитала были созданы ведущие германские тресты «И. Г. Фарбениндустри» и «Ферайнигте штальверке А. Г.». В 1926 году Германия по производству стали обогнала Францию и Англию и вышла на второе место в капиталистическом мире, следуя за США[39]. Веймарская республика начала скрытое перевооружение рейхсвера. Если в 1925 году германские военные рас-

ходы составили 490 млн. марок, то в 1928 году они увеличились до 827 млн.[40]

В ходе работы созданной Лигой Наций подготовительной комиссии по разоружению весной 1926 года германская делегация поставила вопрос о «равенстве» в вооружениях, встретив поддержку Англии и США. Офицеры французского военного контингента, находившегося в Рейнской зоне, воочию убеждались в нарастании волны германского шовинизма и реваншизма. Шарль де Голль, тогда майор, командир батальона, входившего в состав этого контингента, в одном из частных писем в 1928 году прогнозировал: «Развитие событий неизбежно разрушит воздвигнутые барьеры... Германия путем силы или каким-либо иным способом вернет то, что отторгли у нее в пользу Польши. Затем она потребует возвращения Эльзаса. Все это ясно, как божий день»[41]. То, что было ясно прозорливому майору, было так же ясно и вдумчивому политику, следившему за развитием событий в Германии. Вышедшая в 1924 году в Мюнхене и получившая широкое распространение в Германии книга Гитлера «Майн кампф» привлекла внимание Барту. Он прочитал полностью этот двухтомный опус в оригинале, по-немецки, и ясно осознал реальность угрозы, заключенной в крикливых заявлениях автора, объявившего Францию «наследственным врагом», «врагом номер один», с которым «необходимо прежде всего свести счеты»[42].

С настороженностью и неприязнью Барту следил за германской дипломатической деятельностью в Москве, за демаршами посла Веймарской республики старого графа-монархиста Брокдорф-Ранцау, того самого германского политика, который в июне 1919 года наотрез отказался подписать Версальский договор. Барту понимал, что германские дипломаты стремятся использовать антисоветизм французской буржуазии в своих, в конечном счете реваншистских целях, добиваясь международной изоляции Франции, предотвращения франко-советского сближения и сотрудничества. В общем балансе сил в Европе Барту все отчетливей выделял возраставший военно-экономический потенциал и оборонную мощь Советского государства. Его внимание привлекали весомые успехи СССР в развитии новейших средств борьбы, особенно боевой авиации. В одной из частных бесед с публицистом О. Обером в конце 20-х годов он говорил: «Советские республики уже имеют сильнейшую в мире авиацию. Неужели мы хотим, чтобы она использовалась против нас?»[43].

Как министр по делам Эльзаса и Лотарингии Барту настаивает на всемерном укреплении французских восточных границ, активно поддерживает в этом позицию генерального штаба. Как вспоминал генерал М. Вейган, влиятельные военные круги были озабочены тем, чтобы «никогда шахты Лотарингии и уголь Севера не попали снова в руки врага»[44]. В 1927 году Верховный военный совет Французской Республики по инициативе кабинета Пуанкаре — Барту одобрил проект строительства линии укреплений на восточной и северо-восточной границах, названной в честь военного министра Анри Мажино. Строительство «линии Мажино» было поддержано ведущим объединением французских монополистов «Комите де форж» («Комитет тяжелой индустрии»), многие предприятия которого стали поставщиками железобетона и стали. В 1930—1934 годах на сооружение «линии Мажино» было затрачено 5 млрд. франков, а к 1939 году эта сумма возросла до 16 млрд., пополнив прибыли «Комите де форж»[45].

Барту, гордившегося своим участием в проведении «закона о трех годах» накануне первой мировой войны, тревожила возможность ослабления французской обороноспособности перед перспективой возрождения германского милитаризма: к 1935 году ожидалось значительное сокращение численности призывников в армейские ряды, начинались «скудные призывы» как результат падения рождаемости в трудные военные годы. В марте 1927 года кабинет Пуанкаре — Барту внес на обсуждение палаты депутатов подготовленный им законопроект «Об организации нации во время войны», предусматривавший проведение жестких мер по укреплению французской обороноспособности, по поддержанию армии на необходимом для этого уровне путем переподготовки и мобилизации резервистов и задержки в армейских рядах солдат срочной службы. Как и накануне первой мировой войны, откровенно милитаристский курс, взятый кабинетом Пуанкаре — Барту, встретил протесты и сопротивление трудящихся масс страны, в их числе французского рабочего класса, в авангарде которого шли коммунисты. В мае 1927 года французские коммунисты внесли на обсуждение парламента проект резолюции, где говорилось: «Исходя из предложений советской делегации о полном и всеобщем разоружении, сделанных на конференции в Генуе.., парламент отказывается от дебатов по законопроекту об усилении милитаристской организации. Одновременно парламент предлагает правительству немедленно согласиться на

установление рабоче-крестьянского контроля над военными учреждениями и вместе с СССР отстаивать внесенные советской делегацией в Генуе предложения»[46].

Как и на Генуэзской конференции, подобная радикальная позиция оказалась совершенно неприемлемой для Барту. Как министр юстиции он ответил на нее полицейскими преследованиями и судебными репрессиями. Особую тревогу Барту вызывала работа коммунистов в армии, где весной 1927 года насчитывалось 170 коммунистических организаций в пехоте, 30 — в кавалерии, 49 — в артиллерии, 80 — в специальных войсках, 52 — во флоте[47]. Министр юстиции развернул активное преследование издававшегося компартией для солдат печатного органа «Казерн» и его редактора депутата-коммуниста Жака Дюкло. «Были все основания думать, — вспоминал Ж. Дюкло, — что газету от первой до последней строчки изучает специальная служба, ибо нас непрерывно подвергали преследованиям. Порой обвинения были настолько абсурдны, что суд был вынужден их отклонять, но с тем бо́льшим усердием он поддерживал обвинения, имевшие хоть какое-то основание»[48].

В июле 1927 года в Париже сразу после окончания сессии палаты депутатов была арестована группа депутатов-коммунистов, в их числе Марсель Кашен, Пьер Семар, Гастон Монмуссо. Вслед за этим Барту специальной телеграммой отдал распоряжение полицейским властям о немедленном аресте Ж. Дюкло, находившегося в городе Тарбе. Арестованные депутаты-коммунисты были брошены в камеры парижской тюрьмы Санте. В ноябре на собравшейся чрезвычайной парламентской сессии компартия потребовала освобождения арестованных по приказу Барту депутатов. Министр юстиции и поддержавший его военный министр А. Мажино выступили против требования компартии, но не получили парламентской поддержки. 265 мандатами против 220 палата депутатов высказалась за отмену репрессивных мер, принятых Барту. Депутаты-коммунисты были освобождены[49]. Однако после окончания парламентской сессии министр юстиции еще более энергично возобновил полицейские и судебные преследования коммунистов, обвиняя их в «подрыве» национальной обороны страны. Барту при всей своей дальновидности не мог предвидеть тогда, что он сам и Генеральный секретарь ЦК Французской коммунистической партии П. Семар, брошенный им в камеру тюрьмы Санте, погибнут от пуль их общего врага — фашизма.

Лидеры активизировавшихся со второй половины 20-х годов во Франции фашистских организаций («лиг») избирают Барту одним из объектов для разнузданной травли. Лидеры «лиги» «Аксьон франсез» Ш. Моррас и Л. Доде выступают с грязными печатными памфлетами против Барту. В памфлете, опубликованном в Париже в 1929 году под названием «Библиофил Барту», Ш. Моррас развязно писал о том, что библиотека Барту составлена им якобы из... «ворованных» книг, а вся библиофильская страсть Барту сводится к «краже» ценных изданий и уникальных архивных материалов. «Гоните Барту!»[50] — требовала в своих листовках «Аксьон франсез», обращаясь к правящим группировкам Третьей республики.

Возраставшая неприязнь и даже ненависть фашиствовавших публицистов и политиков к Барту, одному из лидеров буржуазно-консервативного Демократического союза, объяснялась прежде всего тем, что в его лице они видели защитника республиканского режима, убежденного противника фашистской диктатуры. К тому же Барту оказался к концу 20-х годов в положении «последнего из могикан», то есть из тех, кто стоял у истоков формирования режима Третьей республики. Ж. Клемансо умер на 89-м году в ноябре 1929 года, Р. Пуанкаре был тяжело болен и готовился сойти с политической арены. В политических и журналистских кругах Парижа Луи Барту, стойкого и убежденного республиканца, считали «представителем угасающего величия в эпоху упадка Франции»[51]. Сам Барту стремился предотвратить это «угасание» величия своей страны, ее «упадок». Он не выступал в печати против лидеров «Аксьон франсез». Его единственным, но бескомпромиссным ответом фашистским клеветникам-памфлетистам было стойкое сохранение буржуазно-республиканских убеждений.

27 июля 1929 года кабинет Р. Пуанкаре ушел в отставку. Барту сохранил пост министра юстиции в новом кабинете, который в 11-й раз в своей долгой политической жизни возглавил А. Бриан. Однако в состав следующего, образованного в ноябре 1929 года после продолжительного, 11-дневного, министерского кризиса кабинета, возглавленного А. Тардье, Барту не вошел. Это не было связано с остротой борьбы за министерские кресла.

В это время его подстерегало горе — умирала жена. В письме одному из своих друзей Барту писал 5 января 1930 года: «Моя жена тяжело больна, и этим объясняется мое нежелание занять министерский пост, но я не остав-

ляю надежды на ее выздоровление»[52]. Однако скоро эта надежда рухнула: 15 января 1930 года мадам Барту скончалась.

После потери жены Барту трудно было оставаться в Париже. Он совершает поездку в Норвегию, много времени проводит в Швейцарии, в Альпах. Швейцарский Бюргеншток становится излюбленным местом его отдыха. Там он совершает длительные горные прогулки, восстановившие его душевное равновесие, позволившие вернуться к активной политической деятельности. Свое 70-летие Барту встретил, не имея министерского портфеля, но сохранив активное место в политической борьбе. Часто встречавшаяся со стареющим Барту Ж. Табуи свидетельствовала, что его жизненные силы были далеко не на исходе. Его энергия казалась неиссякаемой. Он не изменил установленного в молодости распорядка дня, которого придерживался в течение 35 лет своей семейной жизни. Он по-прежнему встает в 5 часов утра, ежедневно делает гимнастику, в 6 часов 30 минут садится за рабочий стол в своей библиотеке[53]. «Неутомимый труженик» — так называл его Ж.-Б. Дюрозель. Барту был оптимистичным человеком. Он педантично следит за своей внешностью, всегда подтянут, тщательно, модно одет. В его квартире — порядок светского человека, эстета, представителя парижской элиты: обусловленные часы приема, доклады секретаря, услуги камердинера, лакеев. Его любовь к книге не иссякает. Письменный стол в рабочем кабинете всегда загроможден редкими изданиями, доставленными букинистами.

На рубеже 20—30-х годов укрепляются связи Барту с руководящими военными кругами Третьей республики. Этому способствовало его пребывание на посту военного министра в кабинете «большого меньшинства», сформированном 13 декабря 1930 года сенатором правой ориентации Теодором Стейгом, бывшим коллегой Барту по правительству Пенлеве в 1917 году. Свое выразительное наименование — «большое меньшинство» — кабинет Стейга получил в результате голосования в палате депутатов. За кабинет был подан 291 голос, против — 284, причем за правительство голосовали социалисты, что и помогло ему оказаться у власти. Кабинет Стейга — Барту был сформирован с большим трудом, в результате почти двухнедельной борьбы за министерские кресла, что отражало нараставшие социальные противоречия в стране. Однако он продержался у власти всего 40 дней, до 22 января 1931 года, когда был свергнут крайне незначительным числом голосов

в палате депутатов: за правительство высказались 283, против — 293 парламентария[54].

Кабинет «большого меньшинства» стал первым правительством Третьей республики, столкнувшимся с острой ситуацией мирового экономического кризиса, начавшегося в октябре 1929 года в США, но втянувшего в свою орбиту Францию лишь с конца 1930 года. Ощущение ударов экономического кризиса пришло в страну в январе 1931 года, когда по сравнению с январем предыдущего года производство стали сократилось на 6 %, чугуна — на 9, угля — на 11, оптовые цены упали на 14 %[55]. В стране росла безработица. Социальная позиция кабинета «большого меньшинства», пытавшегося консолидировать все силы буржуазных парламентских группировок от левых (социалистов, радикалов) до правых (Демократического союза), была заведомо консервативной. Указывая на тесную связь Стейга с колониальными кругами, орудовавшими в Северной Африке, «Юманите» писала, что от возглавленного им кабинета «следует ожидать только политики, отвечающей интересам крупного капитала»[56].

Перед Барту как военным министром экономические и социальные трудности, обрушившиеся на Третью республику, поворачивались прежде всего одной стороной — прогрессировавшим ослаблением обороноспособности страны в условиях продолжавшегося наращивания боевой мощи германского милитаризма. В июне 1930 года Франция в последний раз получила германский репарационный взнос — 3,5 млн. марок. А всего после вступления в силу Версальского договора немцы выплатили репараций и процентов по займам лишь на 10 млрд. марок, из которых на долю Франции пришлось 4 млрд. И в то же время в результате действия «плана Дауэса» германские промышленники получили займов и инвестиций на 21 млрд. марок[57].

В 1931 году Второе бюро Франции констатировало: «Германия сумела после войны значительно увеличить свою индустрию. Она целиком обновила промышленное оборудование, равного которому по совершенству нет теперь в Европе... Она имеет практически неисчерпаемые запасы энергетических ресурсов, а также первоклассные технические кадры и квалифицированную рабочую силу»[58]. С 1930 года 65 германских предприятий наладили, в обход военно-экономических постановлений Версальского договора, серийное производство новейших танков, артиллерийских орудий, снарядов[59]. «Можно утверждать, — говорил

один из военных лидеров Третьей республики, ставший начальником французского генерального штаба, генерал М. Вейган, — что с июля 1930 года наша безопасность со стороны Германии основательно ослаблена»[60].

Германские монополисты, подстегиваемые экономическим кризисом, усилили натиск на правящие круги Третьей республики. Еще весной 1929 года крупный саарский промышленник, один из заправил германо-французского калийного союза А. Рехберг вел переговоры в Париже о создании совместно с «Комите де форж» англо-германо-французского концерна по производству железа, стали и угля, намереваясь подключить к нему также Польшу. Вскоре один из лидеров Демократического союза Поль Рейно совершил поездку для «консультаций» в Берлин, где встречался не только с промышленниками и банкирами, но и с руководителями милитаристской и реваншистской организации «Стальной шлем»[61]. К началу 1931 года созрел «план Рехберга» — план создания германо-французского «политического и военного союза» под главенством Германии, получивший поддержку саарских промышленников, связанных с французской индустрией[62].

Барту как военный министр видел опасность происков германских империалистов. Он стремился прежде всего укрепить французскую обороноспособность, знал мнение генерального штаба о том, что «в настоящее время армия находится на самом низком уровне, который может обеспечивать безопасность Франции в современной Европе»[63]. И дело было не только в ее численности. Под ружьем находилось около 560 тыс. французов. Главное состояло в моральном и материальном износе французских вооружений. Барту мобилизовал средства на их модернизацию. Военный бюджет, составлявший в 1927 году около 8 млрд. франков, на 1931 год был увеличен до 18,8 млрд.[64] О. Обер вспоминал, что Барту проявлял особый интерес к таким, тогда новым, видам вооружений, как военная авиация[65]. В этом интересе Барту к прогрессу военной техники сквозило скептическое отношение к той стратегии «линии Мажино», стратегии позиционной борьбы по стандартам войны 1914—1918 годов, адептом которой был «герой» той войны маршал Филипп Петэн. И было не случайным, что к Барту тянулась пытливая армейская молодежь, среди которой был и Шарль де Голль, в 1932 году назначенный секретарем Высшего совета национальной обороны[66].

22 января 1931 года в обстановке обострявшейся социальной и политической борьбы палата депутатов свергла кабинет «большого меньшинства». Французский социолог Р. Арон отметил, что с момента падения кабинета Стейга — Барту стала быстро нарастать неустойчивость парламентских комбинаций и опиравшихся на них правительств, перерастая в «министерскую чехарду», явившуюся одним из компонентов подготовки фашистского путча в Париже в 1934 году[67]. Мировой экономический кризис и обострение классовой борьбы вели за собой кризис режима Третьей республики.

Луи Барту. 1896 год

Луи Барту (в центре, сидит) среди министров кабинета Мелина. 1896 год

Ж. Жорес на митинге против «закона о трех годах». Май 1913 года

Ж. Клемансо. 1906 год

Луи Барту — министр общественных работ. 1906 год

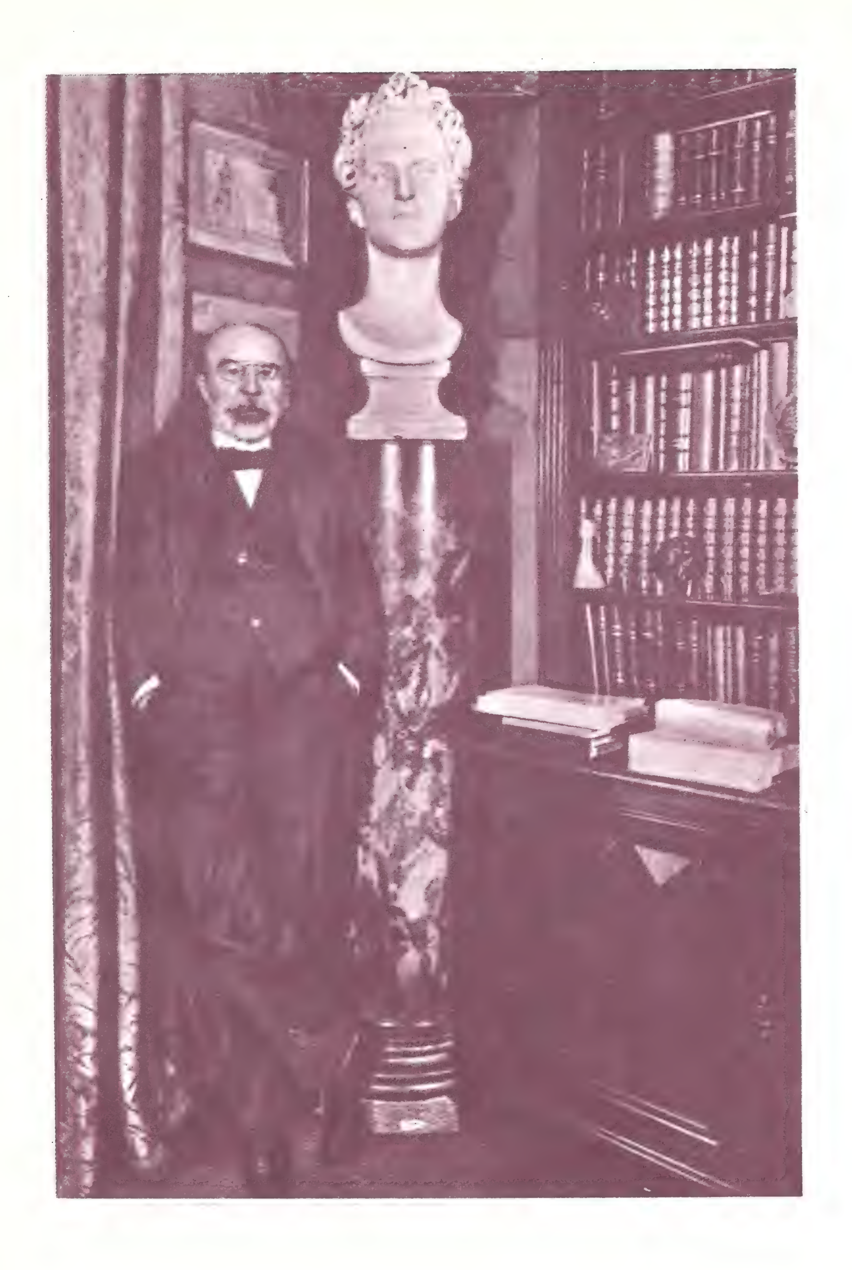
Правительство Луи Барту. 1913 год

Госпожа Барту с сыном Максом. 10-е годы

Луи Барту в рабочем кабинете, Справа на каминной доске бюст сына Макса, погибшего на фронте в декабре 1914 года

Луи Барту в своей библиотеке рядом с бюстом А. Ламартина. 20-е годы

Луи Барту в своем кабинете на Авеню Марсо. 20-е годы

Луи Барту за чтением дипломатических документов. 1934 год

Луи Барту и Пьер Лоти, автор романа «Госпожа Хризантема». 1915—1916 годы

Генеральный секретарь МИД Франции А. Леже. 1934 год

Посол Франции в Германии А. Франсуа-Понсе. 1933—1934 годы

Луи Барту выступает против ремилитаризации гитлеровской Германии на Конференции по разоружению 30 мая 1934 года в Женеве

Луи Барту и Генеральный секретарь Лиги Наций Ж. Авеноль (слева). 1934 год

Луи Барту в Праге в 1934 году. Справа от него — французский посол Л. Ноэль

Луи Барту в Варшаве в 1934 году. Переговоры в кабинете президента Польской Республики И. Мосьцицкого (второй справа)

Луи Барту. 1934 год

MINISTÈRE
DES
AFFAIRES ÉTRANGÈRES

14. 2. 34.

Mon cher ami.

Je te remercie. La tâche est dure. Il faut que tu viennes me voir. Tu me trouveras fidèlement et cordialement à toi

Louis Barthou

Факсимиле Луи Барту — записка публицисту Октаву Оберу на бланке французского МИД. Февраль 1934 года

Встреча Луи Барту с королем Югославии Александром I Карагеоргиевичем (слева). Марсель, 9 октября 1934 года

Фашистский террористический акт против Барту и короля Александра I Карагеоргиевича. Сцена у машины: только что прозвучали выстрелы. 9 октября 1934 года

КУРС НА ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ

«Когда писатель заканчивает роман, он должен испытывать удовлетворение — хотя бы несколько страниц удались. Другое дело — вечер жизни политического деятеля; здесь важны не отдельные удачи, а концовка»[1]. Эти слова германского канцлера периода Веймарской республики Йозефа Вирта, сказанные им И. Г. Эренбургу в 1952 году, могут стоять в качестве эпиграфа к итоговым, заключительным главам политической деятельности Луи Барту, к которой он вернулся после двухлетнего перерыва, в феврале 1934 года. Барту шел 72-й год: наступал вечер его жизни.

Это было сложное и трудное для Франции время. Экономический кризис все глубже втягивал в свою орбиту французское производство, продукция которого составила в 1932 году лишь 62% уровня 1929 года. Неуклонно росла безработица. В марте 1931 года в стране насчитывалось, по официальным данным, 452 815 полностью безработных, их число росло и достигло к марту 1936 года 823 803 человека[2]. После захвата власти в Германии гитлеровским фашизмом в январе 1933 года над Европой нависла угроза новой империалистической войны. Поднимал голову и французский фашизм, активизировались его организации — «лиги». Однако вспыхнувший 6 февраля 1934 года фашистский мятеж, подготовленный «Боевыми крестами», «Аксьон франсез» и другими антиреспубликанскими «лигами», привел к последствиям, противоположным тем, на которые рассчитывали его организаторы.

Решительное выступление коммунистов и поддержавших их антифашистских сил сорвало планы реакции. По призыву коммунистической и социалистической партий, а также прогрессивных профсоюзов 12 февраля 4,5 млн. трудящихся в 300 городах провели антифашистскую все-

общую забастовку и демонстрации, требуя защиты демократии и республиканского режима. События февральских дней 1934 года существенно повлияли на изменение соотношения сил между демократией и реакцией в пользу рабочего класса, народных масс[3]. Французские антифашисты, встревоженные трагическим опытом Германии и реальной угрозой фашистского переворота, активизировали свою деятельность и встретили поддержку народных масс. Фашистам не удалось добиться содействия армии и полиции. Против них выступила и значительная часть буржуазных слоев населения.

Мощный подъем антифашистского движения способствовал эволюции взглядов социалистов и радикалов. В социалистической партии усилилось левое крыло, считавшее необходимым единство действий с коммунистами. В радикальной партии большинство продолжало выступать против фашизма, за сохранение традиционных буржуазно-демократических свобод и институтов. Левое крыло радикалов во главе с Пьером Котом считало возможным совместные действия не только с социалистами, но и с коммунистами. Складывавшийся на этой основе с весны 1934 года Народный фронт начал оказывать все возраставшее влияние на развитие внутриполитических событий, на внешнеполитический курс Третьей республики.

В обстановке обострения политической борьбы французская буржуазия пыталась стабилизировать власть, перегруппировав свои силы. На республиканскую авансцену вновь вышли Гастон Думерг и Луи Барту. Парижская печать называла их кандидатами на пост руководителя правительства, которое должно было прийти на смену кабинету Левого картеля, находившемуся у власти с июня 1932 года и сметенному фашистским мятежом.

7 февраля, когда на парижских улицах развернулась схватка сил фашизма и демократии, президент Французской Республики Шарль Лебрен поручил формирование нового кабинета Думергу, правому радикалу, ровеснику и давнему министерскому коллеге Барту. Г. Думерг родился в 1863 году в кальвинистской семье в провинциальном городке Эг-Виве. Основы его политической карьеры складывались во время службы в колониальной администрации в Индокитае и Алжире. «Я охотился на тигров, болтал с образованными европейцами и иногда вершил правосудие», — рассказывал Думерг о своей деятельности колониального чиновника. Но за добродушной внешностью с легкой усмешкой на лице скрывался думающий, жесткий,

целеустремленный политик; его взгляды во многом совпадали с позицией Барту.

Министр колоний в кабинете радикала Эмиля Комба, близкий сотрудник Жоржа Клемансо и Раймона Пуанкаре, а также министр в составе возглавлявшихся ими правительств, Гастон Думерг в декабре 1913 года сменил Барту на посту премьер-министра и энергично продолжил борьбу за реализацию «закона о трех годах». Как и Барту, будучи сторонником и проводником антигерманской политики, Думерг, входивший в состав французской делегации на Парижской мирной конференции, сделал по поручению Клемансо первый набросок текста Версальского договора. Он занял видное место среди финансово-аристократической элиты, был одним из директоров Компании Суэцкого канала (владельцем солидного пакета акций был также и Барту), помещиком, располагавшим прекрасным имением Турнфей на юге Франции, картежным игроком и ловким, оборотистым торговцем («он такой же мастер играть в карты, как и сбывать свое вино»). Думерг принадлежал к тому консервативному, националистически настроенному крылу буржуазных республиканцев, к которому принадлежал и Барту. Депутат с 1893 года, затем с 1919 года — сенатор и председатель сената, а с июня 1924 по 1931 год — президент Французской Республики, Гастон Думерг имел значительно бóльшую «популярность», чем Барту, который, по свидетельству А. Верта, «не пользовался большой известностью среди широких общественных слоев»[4]. Популярность Думерга была обретена, однако, не столько его политической деятельностью, сколько рассчитанными на публичный резонанс «красивыми», неординарными жестами. Так, своему семилетнему бесцветному президентству Думерг придумал театрально-эффектный финал: в последний день пребывания на президентском посту 72-летний владелец Турнфея свил наконец семейное гнездо, обвенчавшись с давней, уже весьма пожилой подругой. «Надо же было ей хоть в течение одних суток побыть женой президента», — не теряя свойственного ему чувства юмора, объяснил Думерг этот первый в его долгой и бурной жизни брачный контракт. Веселое, наигранно-беззаботное отношение к жизни, не гасшее с годами, способствовало «популярности» старевшего Думерга, обретшего в парижских политических кругах мальчишеское прозвище Гастоне.

8 февраля 1934 года он согласился возглавить правительство, которое заранее рекламировалось как «прави-

тельство национального единства», получившее «мандат всей нации». Парижская буржуазная печать в сентиментальных красках рисовала восторг толпы, встречавшей на вокзале прибывшего из Турнфея Думерга и жаждавшей «увидеть экс-президента и его жизнерадостную улыбку»[5]. Основу нового кабинета составило компромиссное соглашение ведущих парламентских группировок, в первую очередь, как сообщала печать, «группы Барту», именовавшей себя Демократическим и социальным союзом и представлявшей авангард более широкого Демократического союза, и радикалов во главе с Эррио[6]. Проведенное при активном участии Барту совещание шести бывших премьер-министров провозгласило необходимость «перемирия партий» и концентрации власти в руках правительства, которому предоставлялось право, в случае необходимости, роспуска парламента и проведения досрочных выборов[7].

Думерг сформировал второе в своей многолетней министерской деятельности правительство в довольно широком составе — из 34 человек. Они представляли и радикалов, к правому крылу которых он сам принадлежал, и консервативные парламентские группировки, в том числе Демократический союз. Министерские посты слева заняли такие видные деятели, как лидер радикалов Э. Эррио (государственный министр), радикал А. Сарро (министр внутренних дел), бывший социалист Андриен Марке (министр труда), а справа — Андре Тардье (государственный министр), Луи Марен (министр здравоохранения), маршал Филипп Петэн (военный министр), Пьер Лаваль (государственный министр). Луи Барту получил портфель министра иностранных дел[8].

Ключевые роли в новом кабинете должны были играть шесть бывших премьер-министров, пять из которых в прошлом возглавляли МИД — Эррио, Сарро, Тардье, Лаваль и Барту. Военный министр, 78-летний маршал Ф. Петэн, как отметил А. Верт, в глазах французской общественности того времени «представлял собой только одно — славу французской армии»[9]. Его помнили как героя обороны Вердена в 1916 году и считали одним из «творцов» французской победы в 1918 году. Возглавив военное министерство, Петэн должен был символизировать решимость Франции отстоять победу, одержанную в первой мировой войне.

Имя Луи Барту, ставшего министром иностранных дел, также было тесно связано с борьбой за сохранение и укрепление Версальского мира как основы всей внешней

политики Франции. Во французских дипломатических и политических кругах Барту имел твердую репутацию деятеля, непримиримо относящегося к ремилитаризации Германии, к любым попыткам ослабить антигерманские статьи Версальского договора[10]. Если с именем маршала Петэна связывалось хотя и «героическое», но все же прошлое, то с именем Барту связывались настоящее и будущее французских позиций в Европе, судьба наследия, завоеванного в тяжелой войне 1914—1918 годов. В силу развивающихся событий Барту превратился в центральную фигуру правительства. Он оказал решающее воздействие на формирование французского внешнеполитического курса. Думерг говорил, что в вопросах внешней политики «целиком полагался на Барту»[11].

10 февраля 1934 года Луи Барту второй раз в жизни занял в кабинете французского министра иностранных дел на Кэ д'Орсе кресло за массивным «столом Верженна». Он в полной мере использовал то сложившееся в конституционной практике Третьей республики положение, при котором, как писал знаток французского государственного права профессор Жозеф Бартелеми, «министр иностранных дел являлся главным, если не единственным, органом внешней политики»[12]. Это не означало, конечно, что Барту единолично решал все внешнеполитические проблемы. Но он использовал все возможности, какими располагал на посту министра иностранных дел, для формирования того внешнеполитического курса, сторонником которого был. А возможности были довольно значительны. «Развитие средств связи и растущее влияние общественного мнения, — отмечалось в официальном докладе парламентской комиссии, расследовавшей причины национальной катастрофы Франции в 1940 году, — изменили характер дипломатии. Послы утратили часть своей самостоятельности и не являлись более, как это было прежде, инициаторами или ответственными исполнителями политики. Ежедневно они получали от МИД телеграфные или даже телефонные указания. Их, по существу, держали на поводу. Париж решал все вопросы, занимался всеми делами и в то же время не давал твердых, принципиальных установок»[13]. Эту тенденцию, ставшую на Кэ д'Орсе традицией, Барту изменил только в одном — его «установки» были тверды и ясно отражали избранный им внешнеполитический курс. Напористость, требовательность и энергия Барту, его властный характер встретили ропот и недоброжелательность дипломатических чиновников МИД.

«Здесь слишком много глупцов, которые не могут не опасаться одного умного человека!»[14] — желчно острил Барту, оглядываясь на этот чиновничий мир.

Барту постоянно держал под контролем всю дипломатическую деятельность своего ведомства. Нередко в результате тщательной обработки материала его заметки становились основой документов — нот, инструкций дипломатическим миссиям[15]. В сложном дипломатическом труде Барту нашел недюжинного помощника в лице Алекси Леже, занимавшего с 28 февраля 1933 года пост генерального секретаря МИД. Этот пост был создан в 1915 году и должен был служить стабилизирующим центральным звеном в разработке устойчивого республиканского внешнеполитического курса, независимого от конъюнктурного соотношения сил в парламенте, от которого зависела судьба состава очередного правительства и, следовательно, министра иностранных дел. То была чрезвычайно сложная, а при прогрессировавшем с начала 30-х годов кризисе режима Третьей республики лишь частично исполнимая роль.

Поэт-гуманист, опубликовавший книгу стихов под псевдонимом Сен Жон Перс, и профессиональный дипломат, начавший свое восхождение по чиновничьей лестнице со скромного поста во французской миссии в Пекине в 1914 году и возведенный в феврале 1933 года в высокий ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла, Алекси Леже разделял внешнеполитические позиции Барту, хотя, как свидетельствовал французский дипломатический деятель Шарль Альфан, смотрел на формирование европейской политики и франко-советские отношения «через призму азиатских забот»[16]. Сказывались сложившиеся за многие годы дипломатической службы Леже на Востоке связи с кругами колониального капитала. Но, несмотря на это, Алекси Леже сразу нашел общий язык с Барту. «Из всех, кого я знал когда-либо в своей жизни, — рассказывал Леже, — Барту единственный человек, который умеет слушать: он с необыкновенным напряжением следит за развиваемой вами мыслью, закрывает при этом глаза и заслоняет лицо руками, время от времени прерывая вашу речь, чтобы уточнить высказанную вами мысль. Затем он формулирует суть того, что вы ему сказали, и получается краткое, но замечательно точное обобщение вашей мысли»[17]. Разумеется, Барту не шел на поводу у собеседника, но формулировал позицию с учетом его мнения, подчиняя все той целевой установке, какую выдвигал сам.

В первый день работы Барту на посту министра иностранных дел в его кабинете на Кэ д'Орсе состоялось первое заседание правительства Думерга. Барту сразу поставил в центр внимания собравшихся министров проблемы формирования внешнеполитического курса Третьей республики. Барту, как он сам писал Эррио, предложил принять за его основу четко определенную концепцию[18]. Исходным моментом внешнеполитической концепции Барту стало осознание того, что после захвата Гитлером власти в Германии в центре Европы сложился очаг войны, и стремление не допустить международную изоляцию Франции перед возможной перспективой консолидации сил агрессоров, добивавшихся ревизии Версальского договора и реванша, — гитлеровской Германии и фашистской Италии. Цель, которую поставил Барту, заключалась в том, чтобы обеспечить международный мир на основе сложившегося после первой мировой войны в Европе положения, в том числе версальских границ, путем укрепления позиций Франции в отношении Германии. Эта цель означала стремление сохранить мир на Европейском континенте на основе версальского статус-кво. Но она означала также осознание тесной связи коренных национальных интересов Франции с сохранением и защитой европейского мира, обузданием германских фашистов, предотвращением новой империалистической войны[19].

Многие историки считают, что на Барту большое впечатление произвело обстоятельное прочтение книги Гитлера «Майн кампф». Уильям Скотт даже полагает, что Барту «являлся одним из немногих» французских политиков и дипломатов, читавших ее[20]. Это не совсем так. Книга обратила на себя внимание французского МИД сразу после фашистского переворота, а особенно после ухода Германии с Международной конференции по разоружению, работавшей в Женеве с февраля 1932 года, и выхода ее из состава Лиги Наций. 24 ноября 1933 года французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе во время встречи с Гитлером просил устранить из новых изданий этой книги места, содержавшие изложение фашистской антифранцузской программы. Несмотря на повторение этой просьбы послом 11 декабря, Гитлер ответил категорическим отказом[21]. Барту настораживала не сама книга, а осознание единства слов и дел германского «фюрера», то есть антифранцузской направленности его реваншистской внешней политики, основу которой составляла набиравшая темпы ремилитаризация Германии. В феврале

1934 года военное министерство Третьей республики располагало тревожными данными: численность германского рейхсвера вместе с резервистами достигла 840 тыс. человек. Министр авиации Денэн даже полагал, что Германии «достаточно будет трех месяцев, чтобы создать авиацию, боевая мощь которой станет равной французским военно-воздушным силам»[22].

В условиях формирования немецко-фашистского очага агрессии Барту определял свое отношение к тому «локарнскому наследию», которое он получил от своих предшественников, направлявших внешнеполитическую деятельность страны, прежде всего от А. Бриана. Это наследие было тяжелым грузом для французской дипломатии. Однобокая зависимость в рамках локарнского договорного комплекса от Англии как основного «гаранта» вела к серьезному ослаблению французских позиций в Европе, подрыву основ французских «тыловых союзов». В июле 1932 года на очередной Международной конференции по репарационному вопросу кабинет Левого картеля во главе с Эррио пошел на решающие уступки, подписав разработанный по инициативе Англии, которая действовала в контакте с США, заключительный акт, подытоживший этот многолетний вопрос. Германия получила право выкупа репарационных обязательств всего за 3 млрд. золотых марок путем выпуска специальных облигаций и их погашения в течение 37 лет. Это был, по существу, конец германских репарационных платежей. Попытки кабинета Левого картеля, предпринимавшиеся в 1932—1933 годах, «умиротворить» Германию методом частичных уступок завершились крахом. Это вынужден был признать один из лидеров Левого картеля Э. Эррио в беседе с советским полпредом в Париже. «Он, Эррио, — записал полпред слова французского премьер-министра, — поставил себе задачей замирение Европы, но не его вина, если с немцами ничего не выходит и, по-видимому, не выйдет»[23].

Перед Третьей республикой вставала грозная перспектива. «Если Германия будет и дальше иметь свободу действий, — говорил в октябре 1932 года Эррио, — произойдет то же, что и в 1811—1812 годах: рейх восстановит армию, которая станет самой сильной в Европе. Таким образом, мы стоим перед поворотным моментом истории»[24]. Попытки укрепить локарнские гарантии путем создания на антисоветской основе новой группировки капиталистических держав, что нашло выражение в подписании в июне 1933 года в Риме «пакта четырех», включав-

шего Францию, Англию, Италию и Германию, объективно вели к международной изоляции Третьей республики, к усилению ее зависимости от локарнских гарантов. Это осознавали такие руководители Кэ д'Орсе, как генеральный секретарь МИД А. Леже, Э. Эррио, Ж. Поль-Бонкур, в 1932—1933 годах занимавшие пост министра иностранных дел[25]. Французский дипломат Ш. Альфан, ставший в июне 1933 года послом Третьей республики в Москве, говорил: «Вся история франко-германских отношений, начиная с Рура, представляет собой серию уступок по отношению к Германии; частичными уступками Франция добивается отсрочки остальной массы германских требований и дает известное удовлетворение англичанам». В рамках Локарнских соглашений, отмечал Альфан, для Франции «нет никакого другого пути, кроме этого пути частичных уступок». «Есть, конечно, теоретически еще один выход — превентивная борьба, но это исключено, этого никто во Франции не хочет»[26].

Луи Барту был, однако, иного мнения. Он не был сторонником развязывания превентивной войны, но полагал, что Третья республика еще имеет возможность и средства остановить это скольжение по наклонной, ведущее к развязыванию германской агрессии. Барту считал, что политика уступок Германии подошла к тому пределу, за которым она станет роковой для Франции, необратимо изменив соотношение сил в Европе. «Если мы сделаем этот роковой шаг, — говорил Барту в феврале 1934 года в беседе с одним из журналистов, — нам предъявят в скором времени новые, более обширные требования. В один прекрасный день мы должны будем наконец остановиться. Лучше сделать это сейчас, пока козыри еще в наших руках»[27]. Важнейшим «козырем» французской дипломатии, по мнению Барту, являлась возможность опереться на СССР. «Министр иностранных дел Барту, — пишет французский историк Поль-Мари де Лагорс, — выдвинул ту же концепцию, какой придерживались французские правящие круги в 1870—1914 годах. После захвата власти Гитлером, с его точки зрения, союз с Россией был основной целью французской дипломатии»[28].

Барту, бесспорно, руководствовался историческим опытом. Но не только опытом франко-русского союза рубежа XIX—XX веков, борьбы за победу в годы первой мировой войны. Он руководствовался опытом послеоктябрьских лет, Генуи, Рапалло. Советский публицист 30-х годов Н. Корнев справедливо писал: «Если про Бурбонов Талей-

ран говорил, что они ничего не забыли и ничему не научились, то про некоторых политиков Франции, классическим представителем которых являлся Луи Барту, можно сказать, что они удивительно ловко и искусно умеют забывать то, что необходимо забыть, и постоянно учатся. При этом они берут себе в учителя не представителей каких-либо определенных политических вероучений, а саму жизнь. Они учатся на фактах. Против фактов они не спорят»[29].

Для Барту было бесспорным фактом не только наличие на мировой арене мощного социалистического государства — СССР, но и то, что без налаживания сотрудничества с этим государством невозможно отстоять национальные интересы Франции, отстоять международный мир в Европе. Морис Торез отметил совпадение внешнеполитического курса, который прокладывал Барту, и устремлений французского народа: «Барту начинает укреплять старые связи и союзы Франции. Он стремится обеспечить Франции новых друзей. Барту является сторонником организации коллективной безопасности против угрожающей стране агрессии. Он высказывается за франко-советское сближение. Таково же горячее желание французского народа, который видит в этом сближении вернейшую гарантию безопасности и мира»[30].

Инициатором борьбы за франко-советское сближение и сотрудничество, за создание европейской системы коллективной безопасности было Советское государство. Правительство СССР видело, как росла опасность империалистической войны, и неоднократно предлагало свое сотрудничество тем капиталистическим странам, которые выступали за сохранение мира. СССР концентрировал свои силы прежде всего на том, чтобы убедить правительства ведущих европейских капиталистических государств — Англии и Франции — в необходимости совместных действий по организации защиты мира против агрессии. Подписание 29 ноября 1932 года советско-французского пакта о ненападении, единодушно ратифицированного французским парламентом в мае 1933 года, открыло путь к сближению и сотрудничеству обеих стран. В октябре 1933 года, после ухода гитлеровской Германии с женевской Конференции по разоружению и выхода ее из Лиги Наций, кабинет Левого картеля и руководство французского МИД стали предпринимать первые попытки к «заключению с СССР союза»[31]. 20 октября министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур в беседе с советским полпредом

в Париже отметил, что «если положение в Германии не изменится, то со временем встанет вопрос о дополнении франко-советского пакта... пактом о взаимопомощи»[32].

В декабре 1933 года ЦК ВКП(б) принял историческое решение о развертывании борьбы за создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе. В соответствии с ним НКИД СССР разработал план создания такой системы, который был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б) 20 декабря. В нем, в частности, предусматривалось в рамках Лиги Наций региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии при участии Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши, Литвы, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но при обязательном участии Франции и Польши. Переговоры об уточнении положений будущего соглашения о взаимной защите предусматривалось начать по представлении Францией соответствующего проекта[33].

Народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов инструктировал полпреда в Париже В. С. Довгалевского, что правительство СССР берет «твердый курс на сближение с Францией»[34]. 28 декабря советский полпред изложил Ж. Поль-Бонкуру содержание советского плана создания системы коллективной безопасности, встретив положительную реакцию французской стороны. «Мы с вами приступаем к великой важности делу, — заявил Поль-Бонкур полпреду. — Мы с вами начали сегодня делать историю»[35]. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Барту пошла в этом действительно историческом направлении, открытом советской инициативой.

15 февраля 1934 года палата депутатов 402 мандатами против 125 при 68 воздержавшихся выразила доверие кабинету Думерга. За правительство голосовали все парламентские группировки, в их числе Демократический союз и Республиканская федерация, значительная часть радикалов и «центра» палаты, против — коммунисты, социалисты и ряд левореспубликанских депутатов. Левые политические партии и парламентские группы оценивали кабинет Думерга как реакционный[36].

Официальная правительственная внутриполитическая программа кабинета «национального единства», изложенная в обращении «К французскому народу», подписанном Думергом, а затем в правительственной декларации, предложенной палате депутатов и сенату, была нарочито туманной, расплывчатой. Она говорила о моральном и финансовом «оздоровлении» республики, о сокращении рас-

ходных статей бюджета, дефицит которого достиг к весне 1934 года 7 млрд. франков[37]. Однако внешнеполитические задачи были определены Думергом довольно четко. «Я хочу проводить твердую политику в отношении Германии, и я ни в чем ей не уступлю!»[38] — заявил Думерг, едва заняв кресло премьер-министра. Такова же была позиция Луи Барту, стремившегося прежде всего определить пути и средства укрепления французской национальной безопасности перед лицом нараставшей угрозы германского реваншизма.

17 февраля Барту и Думерг провели на Кэ д'Орсе совещание министров с участием генерального секретаря МИД, посвященное анализу и оценке внешнеполитического положения Третьей республики в условиях, когда в гитлеровской Германии происходит ремилитаризация. Часть министров, и среди них П. Лаваль, выступала за продолжение поисков франко-германского «компромисса» на базе признания «частичного» перевооружения Германии, что выражало стремление определенных группировок французского капитала сохранить и приумножить свои прибыли путем сотрудничества с более сильным и динамичным германским партнером. С 1929 года трест Кюльмана вместе с германским концерном «И. Г. Фарбениндустри» входил в европейский континентальный картель красителей, в котором германскому капиталу принадлежало 75% экспорта[39]. В октябре 1932 года французское «Лотарингское горнометаллургическое общество» слилось с «Саарским обществом железа и стали», контролировавшимся германским промышленником Рехлингом[40]. Трест де Ванделя расширил поставки в Германию железной руды, составившие в 1932 году 7608 тыс. *т* и возросшие в 1933 году до 12 580 тыс. *т*[41].

За поиски «компромисса» с гитлеровцами ратовали также консервативные представители генерального штаба и армейского генералитета. Генерал М. Вейган мотивировал свою капитулянтскую позицию ссылкой на громадные жертвы, понесенные Францией в годы первой мировой войны. «Франция, — говорил этот генерал, занимавший пост начальника генерального штаба, — не может позволить себе роскошь каждые 20—25 лет вновь переживать войну и терять миллионы людей. Это было бы физическим истреблением французского народа»[42]. Генерал Ренондо, представитель военной дипломатии, занимавший пост французского военного атташе в Берлине, полагал, что французское сопротивление гитлеровской ремилитариза-

ции чревато военным конфликтом. Во избежание этого конфликта он, следуя позиции генерала Вейгана, настаивал на поисках соглашения на базе признания «частичного и ограниченного перевооружения Германии», которое, по его мнению, обеспечит Франции «сохранение мира в течение двенадцати лет»[43].

Барту и его единомышленники, и прежде всего Эррио, председатель сохранявшей значительное влияние в парламенте и стране Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, предложили другое. Они считали, что Франция может успешно воспротивиться германским реваншистам, обуздать их, опираясь прежде всего на поддержку СССР. «Я по-прежнему стою за политику сближения с Россией, — говорил Эррио. — По моему мнению, это является для нас лучшей гарантией»[44]. Такого же мнения придерживался Барту, подходивший к СССР, по словам Ж.-Б. Дюрозеля, прежде всего с «мерилом военной мощи»[45] и высоко оценивавший военно-техническую оснащенность Советских Вооруженных Сил[46]. Вспоминая министерское совещание, проходившее на Кэ д'Орсе 17 февраля, Эррио писал: «Обсуждение принимало острый характер, чувствовалось, что будет необходимо принять серьезные решения»[47]. Барту без промедления взялся за их подготовку.

24 февраля он впервые за свое двухнедельное пребывание на посту министра иностранных дел встретился с советским полпредом в Париже В. С. Довгалевским. «Барту принял меня очень приветливо, — отметил полпред. — Он несколько раз подчеркнул, что его отношение будет не только любезным, но и сердечным». В ходе беседы с полпредом французский министр иностранных дел четко изложил свою позицию. Напомнив о «трудном прошлом в Генуе», он дал ясно понять, что им извлечены из него соответствующие уроки. «Он рад отметить, — писал полпред, — что основы международной политики, невмешательство во внутренние дела, ничем не были омрачены за последние годы в отношениях между нашими странами. Они приветствуют франко-советское сближение»[48].

Взяв курс на налаживание сотрудничества с СССР, Барту решительно отказался поддерживать фикцию переговоров о «разоружении» в условиях, когда Гитлер, нарушая условия Версальского договора, энергично осуществлял ремилитаризацию Германии. В письме, направленном 10 марта французским дипломатическим миссиям в Лондоне, Берлине, Риме и Брюсселе, Барту осудил любые

попытки «защитных речей в пользу Германии», которые льют воду на фашистскую мельницу, дают Гитлеру «оружие против Франции»[49]. А несколько ранее, в письме французскому послу в Англии Ш. Корбену, Луи Барту подчеркнул, что Франция считает Германию связанной военными постановлениями Версальского договора, которые она обязана безоговорочно выполнять[50].

Барту, опираясь на поддержку Думерга, решительно отклонил давление британской дипломатии, добивавшейся «компромисса» с Германией ценой французских уступок. Руководитель МИД известил председателя женевской Конференции по разоружению британского представителя Гендерсона о непризнании за Германией «равенства» в вооружениях[51]. Посетившему 1 марта 1934 года Париж представителю британского правительства Антони Идену, как отметил английский посол в Берлине Эрик Фиппс, «был оказан довольно холодный прием», и «от него просто хотели отделаться».

Встревоженные британские дипломаты, в их числе посол в Германии, вместе с гитлеровцами стали распространять провокационные слухи об «агрессивности» Франции, о якобы вынашивавшихся во французских военных кругах «планах» захвата Рейнской области. «Говорят, — записал 2 марта в дневнике посол США в Берлине У. Додд, — что широкая французская общественность настроена весьма миролюбиво, а в правительственных и военных кругах считают, что «превентивная война» против Германии должна начаться этой же весной. План заключается в том, чтобы застигнуть Германию врасплох и захватить Рейнскую область»[52]. Подобная провокационная «дипломатическая» возня не смутила Барту. В дипломатической переписке с британским МИД он твердо отстаивал французскую позицию[53]. Эта переписка завершилась решительным демаршем Барту. Накануне в беседе с Эррио он мотивировал свою решительность тем, что «за последние 40 лет он ни разу не был так обеспокоен», как весной 1934 года, наблюдая, как быстро нарастает реальная угроза фашистского реванша[54].

17 апреля Барту от имени кабинета «национального единства» вручил приглашенному на Кэ д'Орсе британскому Временному Поверенному в делах Рональду Кэмпбеллу ноту, составленную в форме меморандума. В нем отмечалось, что гитлеровцы явочным порядком «ставят Англию и Францию перед своим решением продолжать ремилитаризацию в том объеме, который определяет сама Герма-

ния, пренебрегая постановлениями Версальского договора». Подчеркивалось, что в этой обстановке позиция французского правительства прежде всего будет определяться заботами об обороне страны. Со ссылкой на уроки первой мировой войны, «ужасы которой Франция испытала на себе более, чем какое-либо другое государство», в меморандуме заявлялось о настоятельной необходимости предотвращения нового европейского и мирового конфликта[55]. Вручая французский меморандум Кэмпбеллу, Барту заявил, что изложенная в нем позиция «выражает единодушное желание французского народа»[56].

Во французской исторической литературе меморандуму от 17 апреля 1934 года придается важное значение. Он рассматривается как поворотный момент в той политике уступок Германии, которая проводилась после Локарно. Шарль де Голль, в качестве секретаря Высшего совета национальной обороны принимавший участие в подготовке меморандума, писал, что он выражал «намерение изменить внешнеполитический курс после прихода Гитлера к власти»[57]. Действительно, будучи руководителем МИД, Барту пошел против той тенденции к «умиротворению» гитлеровских реваншистов, которая явственно намечалась среди правящих кругов не только Англии, но и США. Как отметил чехословацкий посланник в Вашингтоне, существенным мотивом в формировании позиции США в отношении гитлеровской Германии была боязнь за сохранность значительных американских капиталовложений в германскую экономику, сделанных по «плану Дауэса» во второй половине 20-х годов[58]. Немалую роль играла и заинтересованность военных промышленников США в германском рынке. Посол США в Берлине У. Додд в июне 1934 года записал в своем дневнике, что «в последнее время Германия закупала у американских промышленников по сто аэропланов в месяц»[59]. О том, что значили для гитлеровцев эти американские поставки, можно судить по следующим данным, имевшимся в распоряжении Барту: германская промышленность весной 1934 года выпускала ежемесячно 45 самолетов, а французская — всего 23. Используя французскую задолженность военных лет, правящие круги США пытались оказать нажим на кабинет Думерга, диктовать ему политику в отношении германской ремилитаризации. 13 марта Барту ознакомил министров кабинета, в частности Эррио, с «тревожным донесением» французского посольства в Вашингтоне, сообщавшего о том, что в германском вопросе Франция

«больше не может рассчитывать на США», которые «изыскивают» способы решения долговой проблемы, «увязав ее с вопросом о разоружении», то есть практически с вооружением гитлеровцев[60].

Бескомпромиссное определение французской позиции в отношении гитлеровского реваншизма, с точки зрения Барту, предполагало укрепление всей договорной системы, на которую опиралась политика Третьей республики в Европе как на западе, так и на востоке, прежде всего «тыловых союзов». А это означало, в его понимании, дополнение существовавшего с 1925 года Рейнского гарантийного пакта новым соглашением с участием СССР. По свидетельству Ж. Табуи, ссылавшейся на слова самого Барту, он с первых же дней пребывания на Кэ д'Орсе думал «о военном и политическом союзе, более действенном, чем он когда-либо был с царской Россией»[61]. Кабинет Думерга и МИД Франции должны были определить свое конкретное отношение к советскому предложению, выдвинутому еще в декабре 1933 года. Его основные положения сводились к следующему: «1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций; 2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии; 3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши»[62].

Вокруг советского предложения среди министров кабинета Думерга и на Кэ д'Орсе развернулась острая борьба. Дневниковые записи и мемуары Эррио свидетельствуют, что по инициативе Барту кабинет Думерга в феврале — апреле 1934 года неоднократно обсуждал перспективы франко-советских отношений. Министры Тардье, Марке упорно выступали против какого-либо соглашения, а тем более сотрудничества с СССР. Марке заявил, что «не считает Красную Армию серьезной силой на международной арене». Тардье ссылался на то, что сближение с СССР окажет негативное воздействие на франко-японские отношения и поставит под угрозу французские колониальные позиции в Индокитае и Китае. «Тардье благожелательно настроен в отношении Японии»[63], — писал тогда Эррио. За этими «возражениями» Тардье, Марке, а также Лаваля стояли интересы и намерения наиболее консервативных кругов финансового капитала. «Наши капита-

листы боятся вас»[64], — прямо заявил Ш. Альфан сотруднику МИД в феврале 1934 года. К тому же в кругах «Комите де форж», среди владельцев химической и угольной промышленности, вынашивались планы решения обострявшихся франко-германских противоречий за счет СССР. «Группировки, которые действительно стремятся к генеральной сделке с Германией, — отмечало тогда советское полпредство в Париже, — понимают, что таковая возможна, только если предоставить Германии свободу действий на „востоке“»[65].

Курс на сближение с СССР встречал сопротивление также среди колониальных кругов. В феврале 1934 года Альфан в беседе с одним из руководителей НКИД Б. Стомоняковым отметил, что представители колониальных фирм и банков, особенно «Индокитайского банка», обеспокоены развитием агрессии японских милитаристов, с сентября 1931 года вторгшихся в Китай и угрожавших экономическим и политическим позициям Франции на Дальнем Востоке. «Наши владения в Азии не защищены,— говорил он советскому дипломату, — и у нас опасаются, что при тесной связи нас с вами Япония может их захватить»[66]. Французский посол тем самым давал ясно понять, что консервативные круги надеялись на возможность сделки с японскими милитаристами, направив их агрессивные замыслы против СССР.

К весне 1934 года французский колониальный капитал уже сделал ряд шагов в этом направлении. С осени 1933 года в северо-восточной китайской провинции Дунбэй, оккупированной японскими войсками, орудовала французская миссия во главе с Доливье. Деятельность ее, согласно информации французского посольства в Москве, имела «частный коммерческий характер» и осуществлялась «за счет некоторых частных фирм»[67]. В результате проведенных Доливье переговоров с японцами в Дунбэе к весне 1934 года был создан франко-японский консорциум, в рамках которого французский капитал вступил в сотрудничество с японским «правлением» Южно-Маньчжурской железной дороги[68].

Вместе с тем заправилы «Комите де форж» понимали, что и бесконтрольное изменение боевых сил в пользу Германии может в конечном итоге обернуться против их интересов. Это понимание выразилось в более «гибкой» позиции Андре Франсуа-Понсе, который занимал с сентября 1931 года пост французского посла в Берлине. Тесно связанный с монополистическим капиталом (его

жена была акционером ряда металлургических компаний, а брат занимал пост генерального директора металлургических предприятий, находившихся под контролем концерна де Ванделей), Франсуа-Понсе ревностно защищал интересы «Комите де форж», в аппарате которого в 20-е годы служил сам. Называя германский реваншистский милитаризм «рычащей собакой», Франсуа-Понсе писал в одном из частных писем в Париж: «Я, как прежде, считаю, что если нет возможности связать рычащей собаке все четыре ноги, то следует ей связать три или две или привязать хотя бы одну ногу»[69]. В беседе с публицистом Валле посол утверждал более откровенно: «Если Франция хочет придерживать немцев, она должна оперировать (или запугать) русскими»[70]. Это означало, что переговоры с СССР должны были послужить орудием воздействия на гитлеровцев, дабы сделать их более «сговорчивыми» с западными державами.

Развернувшаяся борьба тормозила принятие окончательного решения. Думерг колебался. «Сближение с Россией опять откладывается. Премьер-министр, по-видимому, не торопится с этим делом»[71], — писал Эррио 10 апреля после очередного правительственного заседания, на котором обсуждались вопросы франко-советских отношений.

Почти через два месяца после первой беседы с В. С. Довгалевским относительно налаживания франко-советского сближения, 20 апреля, Барту принял на Кэ д'Орсе представителя советского полпредства в Париже и сообщил, что французское правительство «уполномочило его продолжать» франко-советские переговоры, начатые осенью 1933 года[72]. Однако, прежде чем передать СССР французский проект соглашения, Барту выехал в Варшаву и Прагу. То была своего рода инспекционная поездка, проверка состояния важнейших «тыловых союзов» Третьей республики.

Вместе с тем Барту стремился прозондировать ситуацию у французских союзников в Центральной и Восточной Европе на предмет сближения с Советской страной, подготовить их к принятию нового французского внешнеполитического курса. «Наши малые союзники в Европе, — говорил Барту в беседе с Ж. Табуи, — должны быть готовы смотреть на Россию как на опору против Германии»[73].

«ВОСТОЧНЫЙ ПАКТ»

Прологом к поездке Барту в Варшаву и Прагу стал его кратковременный визит в Брюссель в конце марта 1934 года. Незадолго до него премьер-министр королевского правительства граф де Броквиль произнес на заседании бельгийского сената речь, содержание которой обеспокоенный французский посол в Брюсселе Р. Клодель немедленно сообщил Барту. Речь графа была выдержана в прогерманском духе. Он подверг критике военные постановления Версальского договора, заявив, что «невозможно держать разоруженной великую нацию». Подчеркнув, что сопротивление германской ремилитаризации неминуемо приведет к войне, бельгийский премьер-министр заявил, что «отказывается втягивать свою страну в такую авантюру»[1]. Это был фактический отказ от поддержки позиции Франции, что чрезвычайно удивило и озаботило Барту. Переговоры с бельгийским королем, премьер-министром и министром иностранных дел, проведенные в Брюсселе, не сняли этой озабоченности. Было очевидно, что гитлеровская ремилитаризация произвела деморализующее влияние на правящие круги Бельгии, существенно ослабив франко-бельгийский союз, а вместе с ним и всю систему Локарно[2].

Накануне отъезда из Парижа в Варшаву Барту сообщил сотруднику советского полпредства, что едет в Польшу «с целью проверки политического настроения»[3]. Осторожность Барту была вполне оправдана: к весне 1934 года франко-польские отношения оказались в фазе значительной напряженности. Франко-польский военно-политический союз, заключенный в 1921 году, к началу 30-х годов был существенно ослаблен. Отказ Франции во время Локарнской конференции от безоговорочной гарантии западных границ Польши, определенных Версальским договором, вызвал тревогу польских правящих кругов, их возраставшее с годами недоверие к европейской политике Третьей республики[4].

Пришедшая к власти в Польской Республике в мае 1926 года реакционная, антинародная, буржуазно-поме-

щичья группировка во главе с маршалом Юзефом Пилсудским и полковником Юзефом Беком, ставшим с ноября 1932 года министром иностранных дел, культивировавшая отчужденность, недружелюбие и прямую враждебность по отношению к Советскому государству, взяла курс на сепаратный сговор с германским империализмом. Вехой на пути к подобному сговору стало подписание 26 января 1934 года польско-германской «декларации» о ненападении. «Локарно было перегибом коромысла на запад, мы ныне выровняли коромысло собственными усилиями, ничьих интересов не затронув»[5], — заявил Бек в беседе с советским полпредом в Варшаве 29 января 1934 года.

На деле новый «перегиб» внешней политики буржуазно-помещичьей Польши в сторону гитлеровской Германии затрагивал интересы многих европейских государств, прежде всего СССР, Чехословакии, Франции. В польской политике значительную роль начинали играть бредовые планы захвата Советской Украины, которые Польша рассчитывала осуществить в союзе с германским фашизмом. Один из немецко-фашистских лидеров А. Розенберг отметил 29 мая 1934 года в своем дневнике, что Пилсудский «собирается нанести удар по России»[6]. Аналогичные захватнические планы вынашивало польское буржуазно-помещичье руководство и в отношении Чехословакии. Его ориентация на союз с гитлеровской Германией означала не только отход от франко-польского союза, но и путь к его разрушению.

В 7 часов вечера 21 апреля с парижского Северного вокзала специальным поездом Барту выехал в Польшу. Его сопровождали начальник кабинета молодой дипломат Роша, а также множество французских журналистов, намеревавшихся осветить в печати важную поездку руководителя МИД страны. Барту готовился к сложным переговорам. «Я весьма опасаюсь, что эти господа в Варшаве предпочитают немцев русским, — говорил он Роша, — но тем не менее я намереваюсь откровенно поговорить с маршалом Пилсудским»[7]. Барту не терял надежды вернуть Польшу в число французских союзников. Он был уверен — и совершенно справедливо, — что политический разум на его стороне: ориентация Польши на гитлеровскую Германию являлась для нее самоубийством.

Дождливым днем 22 апреля Барту прибыл в Варшаву. Он был поражен «ледяным приемом» со стороны польского правительства и МИД[8]. Глава внешнеполитического ведомства Польской Республики Ю. Бек даже не прибыл

на вокзал для встречи французского министра. Барту встретили чиновники польского МИД во главе с заведующим протокольным отделом. В ходе переговоров с польскими лидерами этот «ледяной прием» проявился с большей силой. 23 апреля Барту встретился с Пилсудским. Встреча состоялась в его резиденции — Бельведерском дворце. По свидетельству Табуи, в ходе беседы с Барту Пилсудский «был настолько неприятен, насколько это возможно»[9]. Он откровенно выразил свое удовлетворение достигнутым польско-германским соглашением о «ненападении». Пилсудский мотивировал взятый им прогерманский курс неверием в «твердость» французской позиции в отношении ремилитаризации Германии. Он ссылался на «опыт» франко-германских отношений после Локарно[10]. Барту, по существу, не мог опровергнуть этот «опыт». Он стремился выяснить, как далеко зашло польско-германское сближение. Советское полпредство так осветило со слов самого Барту ход и результаты этого дипломатического зондажа: «Пилсудский заявил ему, что он предполагал, что немцы сделают ему политические предложения, но они с ними не выступили. Он задал ему вопрос, что бы он сделал, если бы Гитлер обратился к нему с письмом. Пилсудский ответил, что вопрос не возникает, ибо Гитлер ему не писал. На зондаж относительно его встречи с Гитлером Пилсудский также реагировал отрицательно»[11]. Внешне непроницаемая замкнутость польского президента, ответственного, как подчеркивалось в продиктованных им самим «конституционных» актах, только «перед богом и историей», не могла скрыть профашистскую, антисоветскую направленность его политики.

Как сообщил германский посланник в Польше Г. фон Мольтке, Пилсудский «предостерегал французского министра иностранных дел Барту во время его пребывания в Варшаве против каких бы то ни было более тесных связей с Россией»[12]. «Предостережения» Пилсудского означали, что Польша отвергает саму основу внешнеполитического курса Барту. Это подтвердили беседы с Беком, который, впрочем, уверял, что польско-германская декларация о «ненападении» не касается польско-французских отношений. Он повторил тезис Пилсудского о том, что в поисках Польши «сближения» с Германией повинна локарнская политика Франции. Бек с нескрываемым злорадством указал Барту на «эпизодичность» взятого им антигитлеровского курса: кабинет Думерга не вечен, в палате депутатов достаточно противостоящих ему сил[13].

Враждебность Бека к СССР оказалась столь сильна, что Барту даже не решился поставить вопрос о польско-советском сотрудничестве. Как говорил Барту позднее в беседе с сотрудником советского полпредства в Париже, он «не хотел, чтобы Бек зафиксировал свое заведомо отрицательное отношение»[14]. Однако польские правители демонстративно «фиксировали» его. Барту ничего не оставалось, как острить на дипломатических приемах. Так, на приеме, данном французским послом в Варшаве Жюлем Ларошем 23 апреля во дворце Рачинских, Барту, восхищаясь элегантно одетыми польскими женщинами, с горечью сказал послу, что только «благодаря им Польша еще существует». Во время пребывания в Варшаве Барту пытался воздействовать на представителей польской аристократии, военщины и буржуазии во имя сохранения союза с Францией. «Можно не достигнуть согласия в семейной жизни, но оставаться друзьями после развода»[15], — так в светски-фривольном тоне мадам Бек, жена польского министра, подвела итог этим попыткам Барту.

Поездка Барту в Варшаву, выявившая глубокие расхождения во франко-польских отношениях, вызвала противоречивую реакцию в политических кругах Парижа. Задуманная им «проверка настроения» польских буржуазно-помещичьих верхов удалась, но она выявила явно неблагоприятные обстоятельства. «Эррио уже давно не может говорить о Польше без ноток раздражения, причем такую же реакцию можно наблюдать во многих политических и военных кругах. Эррио вообще считал поездку Барту в Варшаву ошибкой»[16], — сообщало в те дни советское полпредство из Парижа. Противники внешнеполитического курса Барту торжествовали: в их руках оказались новые «аргументы» против сотрудничества с СССР. Даже Леже сделал пессимистический вывод о перспективах курса, взятого Барту. 24 апреля, еще до возвращения Барту в Париж, он в беседе с представителем советского полпредства дал понять, что надежды на разработку какого-либо варианта франко-советской «конвенции» о сотрудничестве практически нереальны, ибо «без Польши конвенция географически неосуществима»[17].

В Праге, которую Барту посетил после Варшавы, ему пришлось провести, по существу, не менее сложные переговоры, хотя внешняя обстановка их проведения была иной: правящие круги Чехословакии демонстрировали дружественное отношение к своему французскому союзнику. Президент Чехословацкой Республики Т. Масарик и ми-

нистр иностранных дел Э. Бенеш горячо излагали свои франкофильские симпатии, что произвело впечатление на Барту[18].

Однако за «дружественным» фасадом дипломатических речей чехословацких руководителей скрывалось и другое — их благодушие в отношении гитлеровской Германии, граничившее с готовностью капитулировать перед ней. «Бенеш, — сообщал тогда советский представитель из Праги, — уверен в том, что в ближайшие годы вообще не может быть и речи о коренных сдвигах в Европе. Что касается Чехословакии, то именно поэтому Бенеш считает возможным дожидаться и ничего не бояться. На худой конец он может сказать, что чехи уже 12 столетий жили на своей земле под чужим игом и чужое окружение для них не новость. Ну, пусть будет аншлюс, и чехи окажутся в тисках. Ну, пусть будет перестройка европейской карты. Чехам, дескать, не привыкать»[19]. Бенеш советовал Барту обязательно привлечь к проектировавшемуся соглашению с СССР также и Германию. «Франция должна будет оказать давление на Англию, которая могла бы воздействовать на Германию. Одновременно придется усилить воздействие на Польшу»[20] — такова была позиция Бенеша.

На ход франко-чехословацких переговоров оказали влияние экономические рычаги. Французские банки и промышленные фирмы разместили за послевоенные годы в Центральной и Юго-Восточной Европе 14 млрд. франков. В Чехословакии, в частности, «Банк Парижского союза» владел контрольным пакетом акций одного из крупнейших в капиталистической Европе военно-промышленных комплексов — заводов фирмы «Шкода». Только последний по времени французский заем Чехословакии, предоставленный в марте 1932 года, составил 600 млн. франков[21]. Итог переговоров Барту с Бенешем внешне был ободряющим: чехословацкий МИД выразил готовность поддержать взятый руководителем Кэ д'Орсе курс.

После возвращения Барту из Варшавы и Праги французский МИД завершил составление предложений для советских руководителей, которые основывались на советском плане, выдвинутом в декабре 1933 года. Они были сделаны спешно, но скрупулезно. Как говорил Леже представителю советского полпредства, «он два дня и две ночи прорабатывал разные варианты». Предложенный французским МИД вариант проекта «Восточного Локарно», или, как его называли иначе, «Восточного пакта», Леже считал «единственно реальным»[22]. Его суть сводилась к распро-

странению на Восточную Европу тех «гарантийных принципов», которые составляли международно-правовой механизм разработанного в Локарно в октябре 1925 года Рейнского пакта. Пакт закреплял франко-германскую и германо-бельгийскую границы путем создания в Восточной Европе новой договорной системы, участники которой должны были гарантировать сложившееся после первой мировой войны территориально-политическое размежевание в этом регионе и оказывать взаимную помощь против возможной агрессии. 28 апреля 1934 года Леже пригласил на Кэ д'Орсе представителя советского полпредства и изложил ему основы одобренного Думергом и Барту проекта «Восточного пакта». Французские политики видели в нем развитие и дополнение Локарнского пакта, что и подчеркнул Леже[23]. «Он выдвигает идею Восточного Локарно в виде регионального пакта взаимопомощи с участием нас, Германии, Чехословакии, Польши и Прибалтики, без участия Франции... Этот пакт он считает подсобным к франко-советской конвенции, гласящей примерно: „Учитывая значение для сохранения мира регионального пакта (Восточного), а также Локарнский пакт, СССР и Франция обещают оказывать друг другу помощь в случае, если бы они подверглись нападению вследствие нарушения вышеозначенных соглашений любым из участников таковых"»[24], — сообщил сотрудник полпредства НКИД СССР.

Таким образом, французский МИД предложил два прямо не связанных между собой соглашения: «Восточный пакт», или «Восточное Локарно», и франко-советскую конвенцию о взаимной помощи. Оба соглашения заключались под эгидой Лиги Наций, что предполагало вступление СССР в эту международную организацию[25]. Леже считал предложенный им вариант «Восточного пакта» с дипломатической стороны безупречным. «Польша, — полагал он, — постоянно упрекала Францию в отсутствии Восточного Локарно и не сможет уклониться. Равным образом Германия не посмеет отказаться, не ставя себя в невыгодное положение». Барту был согласен с Леже. Ему особенно импонировал аргумент генерального секретаря МИД, указавшего, что предложенный вариант не оставляет места для фашистской пропаганды относительно «окружения Германии», которая находила «отклик у англосаксов и даже у отдельных французских министров»[26].

И все же он считал необходимым проявить осторожность. 1 мая 1934 года Барту сообщил советскому полпредству в Париже, что он одобряет «схему Леже», и

предложил начать на ее основе «строго конфиденциально» франко-советские переговоры. Барту пояснил предложенную им «строгую конфиденциальность» ведения переговоров тем, что «не может заангажировать свое правительство». «Доклад на совете министров, — записал сотрудник полпредства слова Барту, — вызвал бы ненужные трения, ибо не все министры относятся к нам, как Эррио... Правительство уполномочило его вести переговоры, и он не хочет ни преждевременно вентилировать вопрос, ни создания совершившегося факта»[27].

По мысли Барту и Леже, «Восточный пакт» должен был прежде всего обеспечить сохранение послеверсальского статус-кво, укрепить позиции Франции и ее «тыловых союзов». При этом Франция должна была встать в центре договорных отношений, основанных на этом пакте. «Франция, — говорил Леже, поясняя смысл предложенной «схемы» в беседе с Барту, — будет гарантировать Россию против Германии и Германию против России»[28]. Это означало внесение серьезных коррективов в Локарнский пакт 1925 года, согласно которому гарантами франко-германской границы, определенной Версальским договором, выступили Англия и Италия, одновременно бравшие на себя арбитраж во франко-германских спорах. Излагая с их слов замысел Леже и Барту, Бенеш в июне 1934 года писал: «Произойдут новая перегруппировка сил, новое равновесие, Франция не должна будет при каждом своем конфликте с Германией являться перед лицом двух арбитров — Англии и Италии, — которые всегда толкают ее на компромисс. Наряду с Малой Антантой, наряду со ставшими самостоятельными Балканами она будет иметь еще и Россию, с которой может договориться и маневрировать»[29].

Советское правительство согласилось вести переговоры на основе предложенной французским МИД идеи «Восточного Локарно». 7 мая 1934 года советский нарком М. М. Литвинов передал на Кэ д'Орсе через выезжавшего в отпуск в Париж французского посла, что он рассчитывает «встретиться с Барту и лично с ним поговорить». Говоря о программе предстоявших переговоров, Литвинов в беседе с послом подчеркнул от имени Советского правительства: «Мы намерены следовать той линии, какую мы взяли в отношении Франции, до тех пор пока последняя будет стоять на общей с нами почве сохранения мира»[30]. Барту, со своей стороны, отлично ощущал ту общность интересов Франции и СССР в деле сохранения ев-

ропейского мира, которая составляла основу их совместных действий в борьбе за обуздание агрессии, прежде всего гитлеровского фашизма.

К моменту захвата гитлеровским фашизмом власти в Германии все тяжелые для немецкого народа статьи Версальского договора, особенно те, которые навязывали репарационные платежи, к весне 1934 года фактически утратили силу. Международно-правовое значение сохраняли только военные и территориальные положения Версальского договора, пересмотр которых был чреват новой войной в Европе. Требование гитлеровцев об «уничтожении Версаля» означало милитаризацию Германии, развязывание агрессии против европейских народов.

Встреча М. М. Литвинова и Луи Барту состоялась 18 мая в Ментоне, курортном городке на Средиземноморском побережье Франции. Хотя она, как настаивал Барту, сохраняла полную «конфиденциальность», все же приезд советского наркома, писал М. М. Литвинов, «вызвал много толков», что вынудило участников провести короткие переговоры. Это была не первая встреча Барту с советским государственным деятелем и дипломатом. М. М. Литвинов участвовал в переговорах в Генуе, в том числе и на вилле «Альбертис». Но в Ментоне они впервые вели переговоры как ответственные руководители внешнеполитических ведомств своих стран.

Барту предельно четко изложил свою позицию: он намерен добиваться действенного и прочного соглашения с СССР, «вплоть до военного союза». Предпосылкой любого франко-советского соглашения, с точки зрения Барту, являлось вступление СССР в Лигу Наций[31]. Со своей стороны, Литвинов внес предложение о кардинальном совершенствовании французской схемы «Восточного пакта». Он указал на важность для СССР коллективной защиты Прибалтики, о чем советская печать писала открыто и неоднократно. «Известия», например, отмечали: «Организаторы антисоветской интервенции всегда рассматривали Прибалтику как плацдарм для нападения на Советский Союз. Точно так же смотрят на дело и нынешние глашатаи германского фашизма»[32]. Исходя из этого, Литвинов поставил «вопрос о распространении помощи Франции на Прибалтику», то есть о прямом французском участии в «Восточном пакте». Поскольку участие гитлеровской Германии в нем было проблематичным, он пытался выяснить позицию Барту относительно заключения регионального пакта «без Германии». Барту признал «убедительность»

советских доводов. «Я указал, — записал Литвинов, — на важность для нас защиты Прибалтики, и Барту согласился вновь рассмотреть вопрос о распространении помощи Франции на Прибалтику, сказав, что это отнюдь не исключено». Барту согласился также на обсуждение проблемы заключения пакта и в случае отказа Германии от участия в нем[33].

Переговоры в Ментоне прошли в деловой, доброжелательной атмосфере. Барту сумел доказать М. М. Литвинову, что французская дипломатия занимает искреннюю позицию поисков конструктивных решений[34]. Переговоры в Ментоне стали первым этапом на этом сложном пути.

24 мая Барту доложил кабинету Думерга «содержание» своих бесед с Литвиновым, подчеркнув, что «ничего не предпримет в отношении России без ведома совета министров»[35]. На следующий день он выступил в палате депутатов с пространной речью, посвященной важнейшим аспектам внешней политики. Смысл действий Барту был ясен: он не ожидал министерского единодушия в вопросе о «Восточном пакте» и апеллировал непосредственно к парламентариям. Тем самым Барту вывел переговоры о проекте «Восточного пакта» за пределы «конфиденциальности», на которой прежде настаивал. Он тщательно подготовил выступление, сконцентрировав внимание слушателей на двух моментах: растущей угрозе германского реванша и необходимости мобилизации сил для его обуздания. Барту, стремясь затушевать фактический провал франко-польских переговоров, предельно ярко, не жалея красноречия, расписывал незыблемость франко-чехословацкого союза. «Недостаточно сказать «союз и дружба», следует говорить о подлинном братстве!»[36] — восторженно восклицал Барту. Ораторское искусство принесло ему парламентский успех. «Его речь, — вспоминал Эррио, — вначале несколько нерешительная, стала в этот момент исключительно выразительной и четкой. Сказались его большой парламентский опыт, его умение подбирать ответы, позволяющие понять мысль противника, его молодость (если молодостью можно назвать живость действия и мысли), его изумительное красноречие, певучесть ясного и иногда резкого голоса»[37]. Выступление Барту встретило одобрение большинства депутатов. Оратору аплодировали даже социалисты. Барту стремился закрепить достигнутый успех. 30 мая он выступил в Женеве с трибуны Генеральной комиссии Конференции по разоружению, работавшей с февраля 1932 года под эгидой Лиги Наций. Барту указал

на громадный рост военных расходов гитлеровского «рейха», решительно подчеркнув реальную опасность германской агрессии[38]. «Впечатление от моей речи было сильным, — удовлетворенно говорил Барту на заседании правительства 9 июня. — По отношению к Германии я отбросил всякие церемонии»[39].

Публично разоблачая германский реваншизм, Барту стремился поставить гитлеровский «рейх» в положение международной изоляции, вынудить его лидеров если не сразу принять идею «Восточного пакта», то втянуться в переговоры о нем. Барту стремился также повлиять на руководителей Польши, заставить их осознать реальность фашистской угрозы. Он ясно понимал суть франко-польских разногласий: все «возражения и оговорки», которые делает польский министр иностранных дел, служат прикрытием «его вражды к самой идее „Восточного пакта"»[40]. Тем не менее Барту не оставлял мысли о воздействии на Польшу.

В начале 1934 года находясь в Женеве в качестве главы французской делегации на 79-й сессии Совета Лиги Наций, Барту провел в этом направлении переговоры с Беком. Польский министр изворачивался, стараясь притупить бдительность Барту в отношении польской политики, ориентировавшейся на сговор с гитлеровской Германией и милитаристской Японией[41]. Вместе с тем Бек в беседе с Барту не скрывал своего «пессимизма» в отношении заключения «Восточного пакта»[42].

4 июня Барту встретился в Женеве с М. М. Литвиновым, и они продолжили обсуждение «схемы» пакта, начатое в Ментоне. Литвинов предостерег Барту относительно доверия к позиции польских правителей, указав, что, по его мнению, «Польша, не давая отрицательного ответа, будет всячески саботировать переговоры». Народный комиссар иностранных дел подчеркнул, что единственным путем к реализации проекта документа является быстрое достижение принципиальной франко-советской договоренности. «Я настаивал, — записал он, — на скорейшем получении принципиального ответа от французского кабинета, так как мы не можем вечно вести переговоры только от имени Барту и моего». Барту признал резонность позиции Литвинова и срочно направил в Париж дипломата Бержетона «для доклада Думергу», требуя незамедлительного, в течение суток, решения правительства[43].

5 июня кабинет Думерга рассмотрел вопрос о ходе переговоров о «Восточном пакте». В правительстве ситуация

по-прежнему оставалась сложной. Ряд министров продолжали колебаться, настаивая прежде всего на поисках «компромисса» с Германией, в качестве аргументов ссылаясь на «плохое общеэкономическое положение», на «ослабление деловой активности из-за страха перед войной». П. Лаваль особенно энергично выступил против предложения Барту. «Лаваль, — записал Эррио, — относится исключительно благоприятно к союзу с Германией и враждебно к сближению с Россией, что якобы принесло бы нам Интернационал и красное знамя». Однако большинство министров поддержало предложение Барту, который «был уполномочен продолжать переговоры» на основе совместного советско-французского проекта[44].

6 июня Барту сообщил М. М. Литвинову, что французское правительство «одобрило переговоры» относительно «Восточного пакта», но вместе с тем отметил, что «на помощь Прибалтике Франция согласиться, однако, не может»[45]. Это означало, что позиция Барту, изложенная ранее в ходе переговоров в Ментоне, в отношении Прибалтики не получила одобрения кабинета Думерга, что значительно снижало эффективность договора. Барту понимал это и в ходе переговоров с Литвиновым в Женеве 8 июня, как записал советский нарком, «сказал, что, хотя совет министров решил пока вопрос отрицательно, он не считает это окончательным ответом и готов вновь обсудить»[46].

7 июня Барту через посредство А. Франсуа-Понсе передал германскому МИД официальную информацию об основных чертах «схемы» «Восточного пакта». Сообщив советской стороне об этом демарше, Барту предложил в дальнейшем следующее распределение дипломатических ролей. «Дальнейшие переговоры с Германией о деталях,— записал народный комиссар иностранных дел, — Барту предоставляет нам, а равно переговоры с Прибалтикой, обещав, со своей стороны, соответственное давление на нее. Франция будет продолжать переговоры с Польшей. Что же касается Чехословакии, то ее согласие обеспечено»[47].

12 июня М. М. Литвинов, возвращавшийся из Женевы через Берлин, передал германскому министру иностранных дел К. фон Нейрату предложение об участии в «Восточном пакте», которое было сразу категорически отклонено гитлеровским дипломатом. К. фон Нейрат заявил, что Германия не может пойти на заключение такого пакта ввиду «недостаточности» ее вооружений, якобы лишающей ее возможности оказывать помощь согласно пакту[48]. Франсуа-Понсе, информированный об ответе фон Нейрата,

расценил его «как попытку добиться соглашений о вооружениях при помощи пакта»[49]. Интерпретируя в этом, заведомо ошибочном, духе германскую позицию, посол пытался склонить Барту к «компромиссному» решению проблемы германской ремилитаризации, расчистив путь к сепаратному сговору с гитлеровцами. На деле гитлеровская дипломатия, понимавшая суть внешнеполитического курса Барту, нацеливалась на его срыв. В специальном инструктивном циркуляре, подписанном фон Нейратом и разосланном 17 июля германским дипломатическим миссиям, говорилось: «Германия не согласна на распространение на Россию гарантий типа Рейнского пакта... Соглашение о «Восточном пакте» приведет к укреплению французских позиций в Европе, и Франция вместе с Россией обретут положение европейских арбитров»[50].

Вокруг проекта «Восточного пакта» разгоралась все обострявшаяся политическая и дипломатическая борьба. «Со всех сторон, — писал М. М. Литвинов из Женевы 6 июня, — делается нажим на Францию, чтобы оторвать ее от нас и вернуть на путь франко-английского и франко-германского соглашений»[51]. К. фон Нейрат в беседе с послом США в Берлине У. Доддом 28 мая, явно апеллируя к американскому «посредничеству» во франко-германских отношениях, говорил: «Если бы они хоть немного пошли нам навстречу, тогда мы с радостью возобновили бы переговоры в Женеве. Если Франция согласится на уступки, это будет одним из величайших мировых событий». Посол США занял благожелательную позицию в отношении условий гитлеровского дипломата. В беседе с Франсуа-Понсе 6 июня он убеждал посла в том, что Франция ведет себя «сейчас крайне глупо», и тут же «высказывал предположение о том, что Германия пойдет навстречу, если Франция сделает действительную, пусть даже небольшую, уступку».

Стремление США к «умиротворению» гитлеровцев усиливало их подрывные действия против «Восточного пакта». 18 июня представитель германского МИД фон Бюлов, сообщив послу США об отказе правительства Гитлера от участия в «Восточном пакте», предложил заключить «мирный договор между Германией, Францией, Италией и Соединенными Штатами». Предложение фон Бюлова вызвало одобрение посла США. «Я согласен с тем, — записал в дневнике Додд, — что такая замена литвиновского «Восточного пакта» может быть целесообразна»[52]. Германо-американские контакты, о существовании которых узнала польская миссия в Берлине, поощряли неуступчивость

правительства Пилсудского — Бека. «Нельзя рассчитывать на то, что идея военного союза между Францией и Советской Россией встретит одобрение со стороны Польши»[53],— уверенно сообщал германский посланник в Варшаве фон Мольтке.

В конце мая — начале июня А. Франсуа-Понсе был в Париже. Цель его визита была однозначна. «Понсе, — сообщило советское полпредство из Парижа, — несомненно будет агитировать французское правительство в пользу немецкой постановки об увязке вопроса о пакте с соглашением о довооружении Германии»[54]. Агитация посла оказала определенное воздействие на чиновников французского МИД и прогермански настроенных министров и парламентариев. Посол США в Берлине записал в дневнике 18 июня: «Франсуа-Понсе все еще находится в Париже, и, вероятно, у него дела там идут успешнее, чем здесь».

Вслед за Франсуа-Понсе в Париж явился в качестве специального эмиссара советник Гитлера по внешнеполитическим вопросам Риббентроп. Барту уклонился от встречи с гитлеровским эмиссаром. Его принял Леже. Риббентроп заверил генерального секретаря МИД, что «Гитлер вернется в Лигу Наций, если Франция пойдет хотя бы на небольшую уступку» по вопросу о ремилитаризации Германии[55].

Барту заявил, как сообщило советское полпредство, что не исключает возможности присоединения Германии к «Восточному пакту», сославшись на «обнадеживающее» заявление представителя германского МИД французскому посольству в Берлине[56]. «Обнадеживающим» для Барту было «обещание» о возвращении Германии в Лигу Наций, но он упорно возражал против какой-либо связи «Восточного пакта» с уступками германским милитаристам в плане ревизии военных постановлений Версальского договора.

Вечером 12 июня Барту провел пресс-конференцию, посвященную проблеме создания «Восточного пакта». Он встретил журналистов на Кэ д'Орсе, в своем служебном кабинете, приняв эффектную позу, стоя «позади письменного стола Верженна, заложив большие пальцы обеих рук в проймы жилета». Барту провел беседу на оптимистической ноте. Он заверил журналистов, что в ходе проведенных им в Женеве переговоров с представителями Англии, Чехословакии, Польши и ряда других членов Лиги Наций ему «удалось в конце концов добиться признания приоритета» проекта «международного плана обеспечения европейской безопасности» «над различными проблемами

разоружения». Рисуя обнадеживающую перспективу реализации проекта «Восточного пакта», Барту стремился воздействовать на прессу, а через нее и на общественное мнение европейских стран. Однако подобная перспектива была далека от реальности.

17 июня М. М. Литвинов передал Барту через советское полпредство в Париже, что не разделяет «оптимизма Барту ни в отношении Польши, ни Германии». «Из дела ничего не выйдет, — подчеркнул советский дипломат, — если Франция не сможет достаточно сильно оказать давление на Польшу с тем, чтобы либо заставить Германию войти в комбинацию путем угрозы осуществления без нее, либо чтобы комбинация могла действительно осуществиться без Германии»[57]. Барту прислушивался к реалистическим советам и мнениям, которые передавало ему советское полпредство в Париже. В искренности Советского правительства, стремившегося коллективными усилиями предотвратить гитлеровскую агрессию, он не сомневался.

Барту выехал 20 июня в Румынию и Югославию для решения ряда сложных политических и дипломатических проблем, связанных с укреплением «тыловых союзов» и реализацией «Восточного пакта». Проект не встречал поддержки среди феодально-монархических кругов Румынии, группировавшихся вокруг Кароля II Гогенцоллерна. Эррио еще в марте 1934 года отметил, что «румынский король ведет двусмысленную политику»[58]. Прибывший в Париж в апреле для переговоров с Барту румынский министр иностранных дел Николае Титулеску в беседе с представителем советского полпредства говорил о личных симпатиях Кароля II к гитлеровской Германии. Титулеску подчеркнул, что тот «является как-никак Гогенцоллерном... и потому от него ждать особого сопротивления германскому влиянию нельзя».

Гитлеровская агентура в Румынии, опиравшаяся на фашистскую организацию «Железная гвардия», энергично укрепляла свое влияние в стране, ее государственном и дипломатическом аппарате, среди сотрудников которого было много сторонников ориентации на Германию. Прогерманской ориентации, в частности, придерживался румынский посланник во Франции К. Чесяну, чрезвычайно близкий к Каролю II. В ходе франко-румынских переговоров в апреле 1934 года, в которых с французской стороны участвовали Барту, Леже, Тардье и Эррио, румынский глава МИД пытался обусловить нормализацию отношений с СССР отказом Советской страны от Бессарабии, с

1918 года незаконно оккупированной румынскими войсками. При этом он стремился подчеркнуть, что инициатива нормализации румыно-советских отношений целиком принадлежит Франции. «Он, — сообщило советское полпредство из Парижа, — заставил французов заявить, что они его толкают на сближение с ними»[59]. Это была явная оглядка на гитлеровскую Германию, продиктованная желанием не портить с ней отношений.

Барту использовал свое пребывание в начале июня в Женеве на 79-й сессии Совета Лиги Наций для контактов с руководителями МИД государств Малой Антанты, стремясь рассеять или ослабить их предубежденность в отношении СССР. Ему удалось добиться определенного успеха: правительства Чехословакии и Румынии, хотя и не без колебаний, согласились на нормализацию отношений с Советской страной. Правительство Чехословакии рассчитывало провести акт дипломатического признания СССР предельно скромно. «Бенеш намечает осуществить восстановление дипломатических отношений путем простого назначения посланников и обмена короткими нотами»[60], — сообщил из Праги советский представитель С. С. Александровский. На пост чехословацкого посланника в Москве Бенеш рекомендовал Б. Павлу, реакционера, который в 1918 году был одним из руководителей мятежного чехословацкого корпуса. 9 июня Чехословакия и Румыния заявили о признании СССР де-юре, учредив дипломатические миссии в Москве. Однако югославский король Александр I, оказывавший широкую поддержку русской белогвардейской эмиграции, отказался пойти на признание Советской страны.

Политика королевской Югославии вызвала озабоченность французской дипломатии. 1 мая в Белграде был подписан югославо-германский торговый договор, значительно укрепивший германское влияние в стране. Среди югославских политиков и дипломатов росли симпатии к гитлеровской Германии[61]. «Следует внимательно следить за Югославией, которая имеет тенденцию отойти от нас и выходит из-под нашего военного влияния»[62], — записал 12 июня в своем дневнике Эррио.

В середине июня в Париж по приглашению французского правительства прибыл югославский руководитель МИД М. Евтич. Широкая реклама его визита в парижской печати только прикрывала сложность проблем, обсуждавшихся в ходе франко-югославских переговоров. Это были не только проблемы отношения Югославии к «Восточному

пакту», но и весь комплекс международных отношений на Балканах, где противостояли две группировки государств: созданная в феврале 1934 года Балканская Антанта в составе Югославии, Румынии, Греции и Турции, тяготевшая к Франции, и сколоченный на основе подписанных 17 марта Римских протоколов блок Италии, Австрии и Венгрии, стремившийся к ревизии Версальского договора в отношении Балкан. Направляясь с визитом в Бухарест и Белград, который по форме был ответом на поездки в Париж Титулеску и Евтича, Барту стремился укрепить французское влияние в этих странах, вовлечь, как он говорил, «во французскую орбиту» тех политиков, которые, как И. Татареску, проявили колебания в выборе внешнеполитического курса.

Внешне пребывание Барту в Румынии и Югославии проходило торжественно. Французскому министру был оказан, казалось, теплый, радушный прием. Одна за другой следовали пышные церемонии. Румынский и югославский монархи торжественно слушали французскую республиканскую «Марсельезу». В течение 48-часового пребывания в Бухаресте Барту был принят Каролем II и Н. Титулеску, ему была предоставлена возможность выступить с трибуны румынского парламента. Румынский король подарил Барту свой портрет «с посвящением, упоминающим о верности Франции»[63]. Югославский король, позируя перед газетными репортерами, при «непрерывных вспышках магния фотографов» преподнес Барту, проявляя внимание к его библиофильству, «очень редкое издание Расина»[64]. В ответ Барту демонстрировал жесткость французских позиций. С трибуны румынского парламента он заявил, что Франция не позволит изменить «хотя бы один квадратный сантиметр» тех европейских границ, которые определены Версальской договорной системой, что она твердо стоит за сохранение территориально-политического статус-кво[65]. Однако практические результаты визита Барту оказались невелики. Убедить югославского короля изменить позицию в отношении СССР не удалось. «Король Александр проводил два начала в своей политике: во внутренней он был за диктатуру, во внешней — за антисоветскую линию»[66], — говорил югославский посланник в Австрии Настасьевич. Французскому министру пришлось проявить дипломатическую гибкость. «Барту, — сообщило советское полпредство в Париже, — прямо не ставил перед королем вопроса о восстановлении дипломатических отношений и не вынес точного представления о сроках восстановления»[67].

К 27 июня французский МИД подготовил развернутый проект «Восточного пакта». Этот проект был создан с учетом проделанной Барту дипломатической работы, прежде всего франко-советских переговоров и консультаций. Проект предполагал заключение двух связанных в единую систему коллективной безопасности договоров: «Восточного пакта» о взаимопомощи между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией, странами Прибалтики и франко-советского договора, по которому Франция брала на себя обязательства по «Восточному пакту», как если бы она была его участницей, а СССР в отношении Франции брал обязательства, как если бы он был участником Локарнских соглашений 1925 года. В качестве условия подписания этих пактов предполагалось вступление СССР в Лигу Наций. В начале июля французский проект был сообщен правительствам СССР, Англии, Польши, Чехословакии, Италии, Германии[68]. НКИД СССР согласился принять этот проект за основу для дальнейших переговоров, зарезервировав за собой право на необходимые «поправки и дополнения»[69]. Советская дипломатия настойчиво советовала Барту оказать энергичное воздействие на буржуазно-помещичью Польшу, позиция которой становилась главным препятствием для заключения соглашения. 7 июля представитель советского полпредства в Париже в ходе беседы с Барту указал на это. Барту, признав, что позиция Польши имеет ключевое значение, обещал «припереть поляков к стенке»[70].

Мощным средством воздействия на Польшу Барту считал достижение франко-британского единства в подходе к проблемам «Восточного пакта». Это единство, считал Барту, было не менее важно и с точки зрения координации действия Локарнского пакта 1925 года и планировавшегося его восточноевропейского варианта в рамках модернизации всего локарнского договорного комплекса. Барту четко сознавал замысел Гитлера, изложенный еще в «Майн кампф», — вбить клин между Францией и Англией, сколотить на время «англо-германо-итальянский союз», после чего «смертельный враг германского народа—Франция — останется в изоляции»[71]. Ему также было известно, что среди британских консерваторов были влиятельные группировки, готовые подыграть Гитлеру. По словам французского посла в Лондоне Ш. Корбена, он готовился «встретить сильное сопротивление со стороны английского правительства по проектам Восточного Локарно»[72].

Визит Барту в Лондон и программа франко-британских

переговоров тщательно готовились французским МИД. Советская дипломатия содействовала его успеху. 19 июня НКИД СССР поручил советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому довести до сведения британского МИД, что общественное мнение Советской страны серьезно озабочено позицией британского кабинета Р. Макдональда, «приписывает Англии подталкивание не только Японии, но и Германии к войне» против СССР «и этим только объясняет сопротивление Англии восточноевропейскому пакту»[73]. 3 июля Майский встретился с постоянным заместителем английского министра иностранных дел Р. Ванситтартом. В центре беседы, как вспоминал полпред, был вопрос «о так называемом Восточном Локарно». Советский полпред разъяснил британскому дипломату суть вопроса: «Я старался убедить его в необходимости поддержать проект Барту с британской стороны»[74]. Ванситтарт согласился с тем, что реализация «проекта Барту» является «единственным способом заставить Германию сохранить спокойствие», то есть сохранить мир в Европе[75]. Беседа советского полпреда с Ванситтартом, состоявшаяся за пять дней до прибытия Барту в Лондон, сыграла немаловажную роль в успешном проведении франко-английских переговоров.

8 июля Барту в сопровождении Леже направился в Англию. Французский посол в Лондоне Корбен сразу же информировал Барту о негативном отношении большинства министров кабинета Макдональда к идее заключения пакта с Россией. Он не скрывал своего неверия в успех переговоров, возлагая все надежды на личный дипломатический «талант» и «престиж» своего шефа[76]. Барту действительно умело провел дипломатические переговоры в Лондоне. Он «знал, как надо разговаривать с английскими министрами. Тогда не Париж шел за Лондоном, а, наоборот, Лондон плелся в хвосте Парижа»[77], — так несколько позже говорил Д. Ллойд Джордж, вспоминая переговоры в Лондоне.

Барту выбрал для переговоров удачный момент. Британские правящие круги и английская общественность находились под свежим и сильным впечатлением развернувшихся в Германии событий: в ночь с 29 на 30 июня, названную «ночью длинных ножей», по стране прокатились волны террора — массовых убийств и злодеяний. Среди жертв этого террора оказалось немало и тех, кто стремился ориентировать «рейх» на «сотрудничество» с Западом.

Барту в переговорах с британскими руководителями соблюдал дипломатический такт, но в то же время действовал энергично. По словам Ш. Альфана, лондонские переговоры проходили в форме «долгих и деликатных дискуссий»[78]. В центре франко-британских дискуссий находился вопрос о «Восточном пакте». «Барту, — вспоминал И. М. Майский, — категорически настаивал на поддержке этого пакта со стороны Великобритании и, как человек чрезвычайно решительный и энергичный, сумел оказать надлежащее давление на британский кабинет, в частности на Макдональда и Саймона»[79]. Барту сказал, что «Восточный пакт» не является «исключительно франко-русской комбинацией», но вместе с тем отметил, что в случае его провала «не исключен двусторонний франко-советский союз»[80].

Подобная альтернатива стала решающим аргументом в пользу «Восточного пакта». «Опасаясь нашего соглашения с Москвой, Лондон вынужден был идти на сближение с нами»[81], — отметил Эррио.

Согласившись поддержать проект «Восточного пакта», британское правительство настаивало на обязательном участии в нем Германии на базе признания за ней «равенства прав» в вооружениях[82]. Оценивая позицию английских лидеров, советский полпред в Лондоне писал: «Они не прочь позволить Германии вооружиться до известного предела, дабы Германия надлежащим образом балансировала Францию». Барту не устраивал такой «баланс». Как говорил Ш. Альфан, Барту сразу понял, что британская дипломатия пытается связать заключение «Восточного пакта» с «послаблением в пользу Германии в вопросе о довооружении», и «категорически возражал» против такой «связи»[83].

В итоговом коммюнике франко-английское разногласие по вопросу о ремилитаризации Германии было затушевано. 10 июля представитель британского МИД в беседе с корреспондентом «Правды» заявил: «Мы всегда были за новое Локарно при условии, что пакты не будут односторонними и в них будут включены обе соперничающие стороны. Этот стиль нашей политики остается в силе»[84].

12 июля британский МИД через послов Англии в Риме, Берлине и Варшаве сообщил итальянскому, германскому, польскому правительствам о своей поддержке французского проекта «Восточного пакта». В беседе с германским послом в Лондоне английский министр иностранных дел Дж. Саймон советовал принять французский проект «Вос-

точного пакта», подчеркнув, что, если заключение его будет сорвано, станет вероятным «франко-русский союз»[85]. 13 июля Ш. Альфан по поручению Барту информировал М. М. Литвинова об итогах франко-британских переговоров в Лондоне. Посол считал их «важным результатом» деятельности французской дипломатии на пути к заключению «Восточного пакта». Литвинов, со своей стороны отметив успех миссии Барту в Лондоне, «высказал сомнение в согласии Германии на подписание пакта даже после английского демарша». По его мнению, «единственным средством склонить Германию будет угроза заключения пакта с участием Польши даже без Германии, последняя предпочтет присоединиться к пакту». Советский дипломат вновь повторил Альфану свое убеждение в том, что «у Франции имеются достаточные средства давления на Варшаву»[86].

На банкете 15 июля в городе Байонне, организованном городскими властями, Барту произнес программную речь. Он говорил — и это было важно — в присутствии прибывшего на банкет польского посла. В хорошо подготовленной и в то же время эмоциональной речи Барту звучали тревога, предчувствие близкой военной схватки в Европе. Напомнив о том, что он накануне первой мировой войны, находясь на посту премьер-министра, защищал вместе с Брианом закон о введении во Франции 3-летнего срока военной службы, Барту заявил: «Никто не может знать, что случится завтра... Каковы бы ни были ужасы войны, которых я и вся моя страна могли бы опасаться, я считаю, что Франция должна принять меры предосторожности». И как важнейшую из этих мер Барту выдвинул скорейшее заключение «Восточного пакта». В словах Барту звучало ясное сознание того, что только коллективная безопасность, опорой которой станет «Восточный пакт», может стать преградой на пути развязывания войны. «Франция,— заявил Барту, — стремится к сохранению мира и с этой целью предлагает заключить региональные пакты, которые гарантировали бы страны — участников этих пактов от военной агрессии. Эти пакты наряду с Локарнским договором имеют целью приобщить к политике мира, проводимой Францией, страны, которые в равной мере заинтересованы в сохранении мира».

Пропагандистская кампания, начатая Барту его выступлением в Байонне, была поддержана частью влиятельных парижских газет. 16 июля «Тан», игравшая роль официального органа МИД, выступила с передовой стать-

ей, в которой заявила, что согласие Англии поддержать проект «Восточного пакта» «полностью меняет положение вещей в Европе». Обращаясь к Германии, «Тан» писала: «Какие могут быть принципиальные и формальные возражения против проекта пакта, обеспечивающего полную взаимность гарантий всем участникам, если только германское правительство действительно хочет мира, если только оно не замышляет нападения на кого-либо?»[87].

Барту и его единомышленники как в консервативном (Думерг, Рейно, Мандель, де Голль и др.), так и радикальном лагере (Эррио, Кот и др.) обосновывали принятие курса на создание «Восточного пакта» историческим опытом и традициями франко-русского союза. В печати их аргументы энергично развивали и пропагандировали такие популярные тогда публицисты, как П. Доминик и А. Жиро, выступавший под псевдонимом «Пертинакс».

Оппоненты Барту и его единомышленников не могли ничего, в сущности, противопоставить основанным на историческом опыте аргументам, кроме откровенного антикоммунизма и антисоветизма. «Мы ведем переговоры не с месье Литвиновым, а с Третьим Интернационалом, поощряя тем самым красную пропаганду»[88], — писал консервативный публицист Ле Гри. Центрами распространения подобных тезисов стали парижские салоны денежной аристократии, в которых находили приют засылавшиеся во французскую столицу гитлеровские эмиссары и агенты. Одну из главных ролей в этом отношении играл салон маркизы Марии-Луизы де Крюссоль д'Юзе, в котором, по свидетельству современника, «в течение многих лет происходили встречи дипломатов, депутатов палаты, представителей крупного капитала»[89]. Салон де Крюссоль посещали лидеры противостоящей Эррио группы «молодых радикалов», в их числе Эдуард Даладье. За спиной «молодых радикалов», таких как Эмиль Рош, стояли промышленники северных французских департаментов и финансовая группа братьев Лазаров, сотрудничавшие с германским капиталом[90].

Салон маркизы де Крюссоль поддерживал и поощрял подрывную деятельность близкого к Даладье публициста Фернана де Бринона, сотрудника парижских «солидных» изданий «Журналь де деба» и «Ревю де Пари», гитлеровского агента, активнейшего пропагандиста франко-германского «сотрудничества», непримиримого противника курса Барту. Летом 1934 года де Бринон развернул широкую кампанию против политики Барту, не оставляя без внима-

ния ни одного его дипломатического шага. Типичным выражением этой кампании стала опубликованная на страницах «Ревю де Пари» его пространная статья «Путешествия Барту», где он уверял, что политический курс Барту является курсом на «окружение» Германии и якобы ведет к нагнетанию международной напряженности и европейской войне. Де Бринон развязно критиковал итоги поездок Барту по странам Восточной и Юго-Восточной Европы, его дипломатическую работу по укреплению французских «тыловых союзов» и противопоставлял проекту «Восточного пакта» курс на франко-германское «сближение»[91].

Осуждение мнимого «окружения» Германии, якобы провоцировавшего военный конфликт, находило место и на страницах прессы правого крыла социалистической партии, многие представители которого, такие как Леон Блюм, неприязненно относились к Барту. Правые социалисты вели критику курса на «Восточный пакт» под пацифистским флагом. Социалистская «Попюлер» демагогически ратовала вообще против сколачивания военных блоков и союзов. «Думерг и Барту, — писала газета, — очевидно, хотят превратить сотрудничество с СССР в военный союз. Социалистическая партия обязана без обиняков выступить против такого союза»[92].

Антисоветизм правых социалистов, лишь прикрывавшийся пацифизмом, встретил отпор со стороны органа Французской коммунистической партии «Юманите». Руководство ФКП во главе с Морисом Торезом и Жаком Дюкло дальновидно оценило курс на создание «Восточного пакта» и на франко-советское сотрудничество как основу европейской коллективной безопасности. Оно видело положительную роль Барту в борьбе за реализацию этого курса. «Во Франции в правительстве реакции, — писал М. Торез, — все же находится человек, который видит опасность, угрожающую стране: это Барту, министр иностранных дел»[93]. Ж. Дюкло в своих мемуарах отметил, что Барту не только «понял серьезность гитлеровской опасности», но и был «человеком, который достаточно четко сознавал, что в борьбе с гитлеризмом необходимо пойти и на заключение союза с СССР»[94].

Коммунистическая печать, на первых порах с осторожностью воспринимавшая деятельность Барту, увидела в нем прежде всего министра консервативного по составу кабинета, но с лета 1934 года сконцентрировала внимание на его позитивных внешнеполитических инициативах. 8 июня, сообщая о работе французского МИД на

79-й сессии Совета Лиги Наций в Женеве, «Юманите» отметила, что «Барту внимательно относится к советским предложениям» о создании системы коллективной безопасности и «подчеркивает их важное значение»[95]. Во внешнеполитических обзорах один из редакторов газеты Габриель Пери выступал против «критиков» проекта «Восточного пакта», разоблачая мифы о мнимом «окружении» Германии. Г. Пери указывал, что курс на франко-советское сближение и сотрудничество преследует оборонительные цели, что проект «Восточного пакта» призван сохранить европейский мир, укрепить французскую национальную безопасность[96].

Дискуссии в прессе, развернувшиеся летом 1934 года вокруг проекта «Восточного пакта», серьезно беспокоили Барту. Они свидетельствовали о расколе общественного мнения, отражавшего неблагополучие всего буржуазно-республиканского режима в стране. «Особенно сильное впечатление, — вспоминала Ж. Табуи, — оказывает на него смятение в умах, вызванное сближением с Россией и Восточным Локарно»[97]. С нескрываемой тревогой говорил он о консерватизме правых парламентских групп, отвергавших «все предложения русских о сотрудничестве»[98].

Барту также тревожила судьба кабинета Думерга: в стране происходил очевидный сдвиг влево, в сторону формирования Народного фронта, а политический состав нового кабинета и само министерское участие в нем Барту становились проблематичными. Это заставило Барту торопиться с решением тех вопросов, которые он считал основными.

19 июля Барту направил французскому послу в Москве новые инструкции. Он поручил Шарлю Альфану просить Советское правительство согласиться на изменение первоначально намеченного плана, предусматривавшего вступление СССР в Лигу Наций после подписания «Восточного пакта». Барту писал послу, что переговоры о пакте затягиваются и их вряд ли удастся завершить до открытия очередной ассамблеи Лиги Наций, намеченного на 10 сентября. Барту подчеркнул, что вступление СССР в Лигу является важной акцией, откладывание которой на неопределенный срок нежелательно, и участие в ней СССР должно было значительно поднять международный авторитет организации, серьезно укрепить позиции сторонников сохранения европейского мира.

23 июля французский МИД еще раз рассмотрел проблему «Восточного пакта». В специальной записке, состав-

ченной для Барту, были намечены все аспекты пакта, определявшего его совместимость и связь с Локарнскими соглашениями. Структура «Восточного Локарно» осталась прежней — региональный многосторонний «Восточный пакт» без прямого участия в нем Франции и одновременно заключаемый прямой двусторонний франко-советский гарантийный договор[99]. Однако второму соглашению придавалось фактически первостепенное значение. Ж.-Б. Дюрозель отметил, что для Барту всегда важнейшей целью оставалось «создание франко-русского союза». «Верил ли он в «Восточный пакт»? — спрашивал французский историк и отвечал: — Вряд ли. Даже если он и питал некоторые иллюзии относительно присоединения к нему Польши, он не мог полагать, что Германия пойдет на этот шаг. А с отказом Польши и Германии рухнуло бы, следовательно, все хрупкое строение и остался бы лишь его прочный фундамент — франко-советский пакт»[100].

Вряд ли можно полагать, что Барту рассуждал так. Он, конечно, не мог сбросить со счетов «тыловые союзы». Но вместе с тем он видел, что подготовка гитлеровского реванша набирает зловещие темпы. Для него было ясно, что террор «ночи длинных ножей» укрепил диктатуру Гитлера. Он убедился, что польское буржуазно-помещичье руководство во главе с Пилсудским и Беком становится фактически союзником Германии. После возвращения из поездки в Румынию и Югославию Барту в беседе с одним из близких ему журналистов сказал: «Я недооценивал Гитлера. Он развил лихорадочную деятельность... Думаю, что я одернул его, но нужны будут большие усилия, чтобы постоянно держать его в узде»[101]. И Барту понимал, что это возможно только при условии союза с СССР.

Следуя инструкции Барту, Ш. Альфан передал Советскому правительству французское предложение об ускорении решения вопроса о вступлении СССР в Лигу Наций. Советское правительство ответило без промедления. 26 июля НКИД СССР поручил полпредству в Париже сообщить Барту о советской готовности вступить в Лигу Наций после получения соответствующего приглашения при условии предоставления советскому представителю постоянного места в Совете Лиги Наций. «Мы рассчитываем, что этот шаг облегчит заключение пактов по упрочению мира»[102], — подчеркнул М. М. Литвинов. Барту развернул работу по подготовке вступления СССР в Лигу. Французское правительство пошло на новые шаги в сбли-

жении с СССР. В начале августа был организован визит советских боевых самолетов во Францию [103]. 1 августа была открыта прямая телефонная линия Париж — Москва, Барту из Парижа беседовал по телефону с представителем НКИД Н. Н. Крестинским и французским послом[104].

Несмотря на происки гитлеровской и польской дипломатии, Барту добился поддержания акта вступления СССР в Лигу Наций со стороны Англии, Чехословакии, Румынии, Югославии и ряда других стран. 29 августа Альфан сообщил НКИД СССР, что «реакция основных держав, которые были зондированы Францией, положительна»[105]. 15 сентября СССР получил приглашение вступить в Лигу Наций, подписанное предствителями 30 государств, в том числе Барту, представителем британского кабинета Иденом, румынским главой МИД Титулеску, чехословацким — Бенешем, руководителем югославского МИД Евтичем. 18 сентября 1934 года 38 делегатов XV сессии ассамблеи Лиги Наций против 3 (Швейцарии, Португалии и Голландии) проголосовали за принятие СССР в Лигу. «Правда» в связи с этим писала: «Советский Союз вступает в Лигу Наций как великая держава, как могущественный фактор борьбы за мир, как крупнейшая международная сила. Он вступает в Лигу Наций, желая использовать малейшие возможности для предотвращения войны»[106].

Луи Барту считал вступление СССР в Лигу Наций решающим успехом своей дипломатической и политической деятельности. Он полагал, что тем самым сделан важный шаг на пути налаживания франко-советского сотрудничества и укрепления «тыловых союзов». «Моя главная задача достигнута, — говорил Барту, — правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой»[107].

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ АНТАНТА

Барту никогда не забывал, что Гитлер имеет объективно в лице фашистской Италии возможного партнера в стремлении перекроить политическую карту Европы и всего мира. Итальянский фашистский «дуче» Муссолини, лично взявший под свой контроль формирование внешнеполитического курса страны, был не меньшим, чем Гитлер, противником Версальской системы. Заветной мечтой Муссолини и связанных с фашизмом капиталистических группировок и банков было стремление ввести фашистскую Италию в число «великих держав» капиталистического мира, так или иначе «переиграть» итоги первой мировой войны. Это выражалось в итальянских планах реформы Лиги Наций и в проекте «пакта четырех», выдвигавшихся или активно поддерживавшихся дипломатией Муссолини и неизбежно обретавших объективно антифранцузскую направленность.

Стремясь к ревизии Версальской системы, Муссолини, как отметил Ж. Поль-Бонкур, отстаивал идею «выделения Лиги Наций из системы договоров» и прямого сепаратного сговора с Англией и Францией[1]. Муссолини рисовалось создание некоей «директории» четырех держав — Италии, Франции, Англии и Германии, стоявшей над Лигой Наций и вершившей все международные дела в Европе. «Идея подобной директории, — говорил польский министр Ю. Бек, — давняя идея Муссолини; он всегда был весьма недоволен положением Италии в Лиге Наций, недоволен и тем, что важнейшие вопросы обсуждались великими державами зачастую без участия Италии»[2].

Вместе с тем Барту сознавал, что гитлеровская политика встречает настороженность правящих кругов Италии, что Муссолини видит в германском «фюрере» не только единомышленника, но и конкурента в борьбе за новый передел мира. Для правящих кругов Италии многое в гитлеровских внешнеполитических планах оказывалось неприемлемым, в частности открыто провозглашавшиеся нацистские проекты аншлюса, реализация которых откры-

ла бы Германии путь на Балканы и к Средиземноморью. Французский посол в Риме Анри де Жуневель в письме к Эррио в марте 1933 года так характеризовал позицию Муссолини: «Он против аншлюса; он чувствует, что экономическая экспансия Италии неизбежно натолкнется на Востоке на сопротивление Германии, промышленность которой оснащена неизмеримо выше итальянской»[3]. Подобные соображения заставляли Муссолини обдумывать вопрос о поисках соглашения с Францией, противоречия с которой, особенно в Северной Африке, в Тунисе, имели давние основания.

Оккупация Францией в мае 1881 года Туниса и установление режима французского «протектората» над этой страной привели к длительному итало-французскому колониальному спору, побудившему Италию примкнуть к австро-германскому союзу, направленному против Франции. Спор из-за Туниса в послевоенные годы осложнился отказом французских правящих кругов выполнить секретные англо-франко-итальянские соглашения, заключенные в годы первой мировой войны и предусматривавшие «компенсацию» Италии за Тунис и участие в войне на стороне Антанты[4]. Добиваясь обещанных «компенсаций», итальянские фирмы активизировали после первой мировой войны вывоз капитала во французскую Северную Африку. К 30-м годам здесь действовали два итальянских банка с капиталом 40 230 тыс. франков. Итальянские капиталовложения в сельское хозяйство Туниса составили около 500 млн. франков, в руках итальянских владельцев оказалось 23 тыс. *га* тунисских виноградников, в то время как французы владели 18 тыс. *га*[5]. Согласно данным переписи, проведенной в середине 30-х годов, итальянское население Туниса достигло более 94 тыс. человек при 180-тысячном французском населении [6].

Некоторое взаимопроникновение капиталов французских и итальянских компаний и банков, часто приобретавшее форму личных уний (директор французских «Алжирского банка» и «Промышленного банка Северной Африки» А. Галисье входил в состав руководства итальянского треста «Монтекатини», итальянский монополист Г. Донегани был одним из владельцев «Общества тунисских фосфатов» и т. п.), не могло смягчить их конкурентную борьбу, которая обострялась агрессивными устремлениями фашистского правительства Муссолини. Противоречия в Северной Африке дополнялись и осложнялись итало-французскими противоречиями на Балканах, где

ориентировавшимся на Францию Малой Антанте и Балканской Антанте противостоял сколоченный итальянской дипломатией блок Италии, Австрии и Венгрии, подписавших 17 марта 1934 года «Римские протоколы», нацеленные на ликвидацию французского влияния в зоне Балкан и Восточного Средиземноморья. Германский дипломат Г. фон Дирксен отмечал, что Муссолини «направляет удар во французскую систему союзов и французскую гегемонию в Европе»[7].

Ориентируясь на ревизию Версальского договора и всей Версальской системы, дипломатия Муссолини вместе с тем не исключала поисков временных и частичных «соглашений» с Францией. Эти поиски усилились с весны 1933 года по мере выявления и обострения итало-германских противоречий. В марте «дуче», напомнив французскому послу о наличии «франко-итальянских противоречий в Африке», подчеркнул, что «союз, в подлинном значении этого слова, невозможен», но можно достичь «политического соглашения» между Италией и Францией, которое составило бы основу «для более широкого европейского соглашения»[8]. Оставляя временно в стороне колониальные проблемы, итало-фашистская дипломатия надеялась ревизовать Версальскую систему в Дунайском бассейне и на Балканах. Эту ревизию Муссолини и предложил как «основу» для франко-итальянского «политического соглашения».

Французская дипломатия благоприятно отнеслась к предложению о поисках франко-итальянской договоренности. Поль-Бонкур отметил в мемуарах, что «всегда был горячим сторонником «согласия» с Италией»[9]. Такую же позицию занимал Даладье, возглавлявший в январе — октябре 1933 года кабинет Левого картеля[10]. Французский посол в Риме А. де Жуневель, также стремившийся к соглашению с Италией, рекомендовал метод личных переговоров с Муссолини. «Это единственный итальянец, с которым вы могли бы легко договориться при личной встрече, так он не похож на остальных своих соотечественников»[11], — писал посол в письме к Эррио. Идея франко-итальянского сближения встречала одобрение и поддержку английских правящих кругов. «Сотрудничество Франции и Италии в борьбе с зарождавшейся германской угрозой, — вспоминал один из влиятельных лидеров британских консерваторов Л. Эмери, — обеспечивало равновесие сил в Европе, что было в наших интересах, так как мы могли в значительной мере предоставить Европе самой

решать свои дела и заняться проблемой, возникшей в связи с поползновениями Японии на Дальнем Востоке, а также укреплением наших жизненно важных позиций на Ближнем и Среднем Востоке»[12].

Барту продолжал курс на поиски франко-итальянского «сближения», начатый кабинетом Левого картеля. Французский историк Шарль Мико полагал, что на позицию Барту и его единомышленников из Демократического союза и других правых партий в отношении Италии решающее влияние оказывал «идеологический фактор». По мнению этого историка, ориентация на укрепление отношений с фашистским правительством Муссолини должна была во внутриполитическом плане парализовать влияние левых партий и парламентских группировок, тяготевших к формировавшемуся в стране по инициативе коммунистов Народному фронту, а во внешнеполитическом плане «уравновесить» ориентацию на СССР[13].

Думается, однако, что для такого убежденного республиканца, как Барту, итальянский фашизм не имел «идеологического» значения. В его внешнеполитических планах и дипломатических расчетах Италия должна была сыграть другую роль. Барту, в сущности, стремился повторить — но в значительно большем масштабе — тот политический маневр Т. Делькассе и К. Баррера, который к 30-м годам стал классическим образцом в дипломатической истории. 72-летний Барту помнил эти события. Они разворачивались на его глазах.

28 июня 1902 года Италия возобновила Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией, заключенный в 1882 году, а через два дня тогдашний французский министр иностранных дел Делькассе, действовавший через посредство посла в Риме Баррера, добился от итальянского МИД письменного заверения, что Италия не имеет никаких обязательств, направленных против Франции, тем самым взорвав складывавшуюся антифранцузскую коалицию. Программа, намеченная Гитлером на 1934—1935 годы, предусматривала не только ремилитаризацию Германии и коренную модернизацию ее вооруженных сил, но — и это было не менее важным — сколачивание военно-политического блока фашистских держав, который оказал бы давление на Англию, поставив Францию в положение международной изоляции в капиталистическом мире [14]. Барту понял гитлеровский замысел и стремился сорвать его, упредив Германию в ее поисках «сотрудничества» с Италией. Барту надеялся использовать германо-италь-

янские противоречия в вопросе относительно австрийского аншлюса, сгладить итало-югославскую борьбу на Балканах, притупив антиверсальское, ревизионистское острие «Римских протоколов».

Основным в расчетах Барту, нацеленных на «отрыв» Италии от гитлеровской Германии, на вовлечение Италии в орбиту французской политики, стал план создания нового договорного комплекса, который должен был охватить Балканы и Средиземноморье и который французский МИД именовал Средиземноморской Антантой. Учитывая то, что с 6 мая 1933 года существовал итало-советский торговый договор, продленный до 31 декабря 1934 года, а 2 сентября 1933 года в Риме был подписан Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете между СССР и Италией, Барту надеялся в будущем перебросить дипломатический мост между Средиземноморской Антантой и «Восточным пактом», рассматривая оба договорных комплекса в едином аспекте системы европейской коллективной безопасности.

Гитлеровская дипломатия с тревогой отметила, что Муссолини с весны 1934 года «не проявлял явно отрицательного отношения... к попыткам других европейских держав включить Италию в антигерманский фронт»[15]. После посещения Вены и переговоров с канцлером Австрийской Республики Дольфусом в январе 1934 года «дуче» постоянно подчеркивал «заинтересованность Италии в самостоятельности Австрии». В адрес Франции Муссолини делал благожелательные дипломатические реверансы, одним из которых стал торжественный прием, устроенный «дуче» посетившей Рим французской делегации ветеранов первой мировой войны в составе 400 человек[16]. Вслед за этим в печати появились сообщения о возможности его личной встречи с руководителем французского МИД[17].

Барту внимательно следил за итальянскими демаршами, надеясь, что заинтересованность Франции и Италии в защите независимости Австрийской Республики станет основой «сближения» обеих стран на базе сохранения и защиты версальского статус-кво в Центральной Европе и на Балканах. Гитлеровская дипломатия ясно видела эти планы Барту и стремилась активно противодействовать их осуществлению. В одном из документов, составленных позднее «исторической комиссией» гитлеровцев, говорилось: «Тогдашний премьер-министр Франции Луи Барту усмотрел в позиции Италии по австрийскому вопросу повод для воздействия на отношение Италии к Германской

империи». «Историческая комиссия» назвала Барту «премьер-министром». Для гитлеровцев именно Барту был важнейшей фигурой французского правительства в 1934 году[18]. И в борьбу с ним летом того же года Гитлер вступил сам.

14—15 июня в Венеции состоялась встреча Гитлера и Муссолини. Инициатива этого первого личного свидания двух фашистских диктаторов принадлежала Гитлеру, настойчиво добивавшемуся этой встречи. Министр иностранных дел Италии Б. Сувич в беседе с советским полпредом в Риме В. П. Потемкиным прямо указал на связь визита Гитлера с планировавшейся поездкой Барту в Рим. «Поскольку итальянское правительство решило принять этого гостя, — сказал Сувич, — оно не могло дальше уклоняться от встречи Муссолини с Гитлером»[19]. Итальянская дипломатия рассчитывала, используя перспективу возможного сближения с Францией, вынудить Гитлера на отказ от его попыток утвердить германское владычество в Австрии. Однако Гитлер не отказался от планов аншлюса. Итало-германское соглашение не было достигнуто.

Вскоре после отъезда Гитлера Муссолини демонстративно пригласил австрийского канцлера Дольфуса с семьей провести летний отпуск в Италии. Об этом приглашении Муссолини сообщил французскому послу в Риме де Шамбрену, сменившему на этом посту де Жуневеля[20]. Барту расценил этот шаг Муссолини как свидетельство обострения итало-германских противоречий и рассчитывал использовать это обстоятельство[21].

22 июня Муссолини передал через де Шамбрена приглашение Барту посетить Рим. «Дуче» подчеркнул, что он «был бы очень рад увидеться с Барту». 16 июля французский посол в Риме вновь сообщил о готовности Муссолини обсудить с Барту «большие проблемы»[22]. Итальянская дипломатия подчеркнуто демонстрировала свои франкофильские настроения. Советский полпред сообщал в те дни: «На римском форуме труппа французских артистов стихами Корнеля в «Горации» и «Британике» прославляет величие Рима и доблести его героев. Два вечера подряд Муссолини является на эти спектакли, после этого он принимает всю труппу в палаццо «Венеция» вместе с Шамбреном. Сам французский посол настроен оптимистичнее, чем когда-либо»[23]. Однако оптимизм де Шамбрена разделяли не все министры кабинета Думерга. Эррио считал, что «Италия по-прежнему ведет двойную игру».

Барту также понимал, что Франция сможет провести

успешные переговоры с Италией, только предварительно обретя прочные позиции, сплотив своих союзников на базе «Восточного пакта». «Барту, — писал Эррио, — по-прежнему ждут в Риме, но он не хочет туда ехать до заключения соглашения по основным вопросам»[24]. И де Шамбрен, несмотря на свой «оптимизм», понимал необходимость тщательной подготовки программы франко-итальянских переговоров. «Он не торопит приезда в Рим Барту. Он убежден, что каждая лишняя неделя ожидания делает итальянцев более благоразумными», — отметил советский полпред в Италии. В беседе с сотрудником советского полпредства в Париже Барту сообщил, что в Италию «не намерен отправляться ранее октября»[25].

Гитлер, однако, не выжидал. Германская дипломатия с тревогой отметила, что правящая группа австрийской буржуазии в стремлении сохранить независимость готова ориентироваться не только на Италию, но и на Францию. «Дольфус усердно старался установить новые отношения с английским и французским правительствами»[26], — подчеркнуто в одном из нацистских документов. Со стороны Барту эти «старания» австрийского канцлера встречали благожелательный прием. По французской инициативе по дипломатическим каналам обсуждалась идея визита Дольфуса в Париж[27]. Гитлеровские дипломаты отметили, что «со стороны Франции» австрийское правительство может «ожидать военных уступок и парижского займа»[28]. Речь шла о пересмотре военных статей Сен-Жерменского договора в плане укрепления австрийской обороноспособности.

26 июня, возвращаясь из поездки в Румынию и Югославию, Барту встретился с Дольфусом. Встреча состоялась на перроне венского вокзала, куда австрийский канцлер прибыл специально. В конфиденциальной беседе с Барту Дольфус сообщил, что в ходе германо-итальянских переговоров в Венеции наметились не только разногласия, но и определенное сближение фашистских диктаторов: оба они стремятся к ревизии версальского статус-кво, жертвой которой может стать не только Австрия, но и Франция. Это секретное сообщение, по свидетельству сопровождавшей Барту Ж. Табуи, сильно взволновало французского министра, заставив его вновь серьезно обдумать проблему франко-итальянских отношений[29].

Волнение Барту было обоснованно. За настойчивым приглашением Дольфуса на виллу «Риччионе» скрывался не только антигерманский, но и антифранцузский смысл.

«Глава итальянского правительства, — сообщал 4 июля советский полпред в Риме, — учитывает, что Дольфус, боясь быть преданным Германией, может броситься под защиту Франции; поэтому до поездки канцлера в Париж Муссолини и спешит зазвать его к себе, дабы вновь заверить его в неизменности своей поддержки»[30]. Барту не мог не знать о той кампании, которая летом развернулась в итальянской фашистской печати. «Фашистская пресса, — отмечало в начале июля советское полпредство в Риме, — выдерживает в отношении Франции и ее министра иностранных дел весьма задорный, боевой тон. Французов обвиняют в возрождении системы военных союзов, преследующих цель окружения Германии. На Барту нападают за воинственные речи, произнесенные в Бухаресте и Белграде»[31]. Пресса отражала явное недовольство итальянских правящих кругов, невольно раскрывая их подлинные замыслы. Барон П. Алоизи с тревогой отметил в своем дневнике выступление Барту в румынском парламенте против ревизии версальского статус-кво[32].

Гитлер решил использовать недовольство Муссолини балканской поездкой Барту, рассчитывая предотвратить возможный итало-французский «компромисс», а в этих целях молниеносно осуществить аншлюс. Решение было принято 11 июля сразу после переговоров Барту в Лондоне, оказавших большое впечатление на Италию[33]. Получив сведения о дипломатическом успехе Барту, Муссолини немедленно «сообщил в Лондон о согласии с английской позицией в отношении ,,Восточного пакта''»[34]. Одновременно он просил де Шамбрена вновь напомнить Барту о своей готовности провести личные переговоры с ним[35]. Британская официальная печать сообщала, что предложенная Барту «система пактов» «встретила поддержку не только со стороны британского, но и со стороны итальянского правительства»[36].

В этой обстановке 25 июля гитлеровцы организовали в Вене путч, рассчитывая сместить республиканское правительство Дольфуса и заменить его кабинетом во главе с Ринteленом, австрийским послом в Риме, имевшим связи в германских и итальянских фашистских кругах. Дольфус был схвачен путчистами в здании правительства и убит, но путч провалился. «Он потерпел неудачу главным образом потому, — пишет австрийский историк-коммунист А. Райсберг, — что рабочие и большинство австрийского народа решительно отказались его поддержать»[37].

Муссолини был взбешен попыткой Гитлера явочным

порядком, игнорируя Италию, осуществить план аншлюса. Его особенно задело то, что путч в Вене и убийство Дольфуса произошли буквально за день до намеченного отъезда австрийского канцлера в Италию. Немедленно четыре итальянские дивизии были двинуты на Бреннерский перевал, к австрийской границе. «Итальянское правительство, — заявил представитель Муссолини, — продемонстрировало свою готовность в любой момент противопоставить захватчикам Австрии сопротивление своих вооруженных сил»[38]. Гитлер вынужден был отступить: на военное столкновение с Италией он не рассчитывал.

Гитлеровский путч в Вене и гибель Дольфуса, зверски застреленного террористами, буквально потрясли Барту. Он был настолько взволнован, что не мог сам прочитать доставленные на Кэ д'Орсе телеграммы о событиях в Австрии и вынужден был просить начальника своего кабинета Роша читать их вслух. «Если еще осталось что-либо от того, что называют европейской цивилизацией, то убийство как средство международной политики не может быть терпимо»[39], — сказал Барту, выслушав прочитанные Роша подробности кровавой фашистской расправы над австрийским канцлером. А подробности были действительно потрясающими: ворвавшись в кабинет Дольфуса, взломав дверь, гитлеровские штурмовики стреляли из пистолетов в канцлера в упор. И все это произошло средь бела дня в столице Австрийской Республики.

«Аншлюс — это война!» — так говорил А. Бриан еще в 20-е годы. Это осознавал и Барту. Он понимал, что гитлеровская аннексия независимой Австрии создаст непосредственную угрозу французским союзникам — Чехословакии и Югославии. Он понимал также, что подавление гитлеровского путча в Вене и сформирование нового республиканского правительства во главе с канцлером Шушнигом не решают «австрийской проблемы»: угроза аншлюса остается. Это было ясно многим французским политикам, парламентариям, публицистам. «Достаточно ознакомиться с содержанием откликов французской печати, — отметила в те дни «Правда», — чтобы понять, какую тревогу вызвали во Франции венские события»[40].

Анализируя последствия венского путча, Барту и Думерг пришли к выводу, сформулированному французским премьером так: «Германия неизбежно будет добиваться аншлюса, дабы завладеть выходом к Средиземноморью. Добившись этого выхода, она, возможно, будет стремиться к союзу с Италией или Англией, но пока Италия

заинтересована в том, чтобы предотвратить германское продвижение в этом направлении»[41]. Этот анализ итало-германских отношений лег в основу выдвинутого французским МИД проекта формирования Средиземноморской Антанты, который имел целью не только укрепить версальский статус-кво на Балканах, но и поставить барьер, защищавший конониальные позиции Франции в регионах Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока. Барту и Думерг рассчитывали если не снять, то решительно притупить ревизионистские устремления итальянского фашизма, вызывавшие тревогу у французских политиков.

Однако для итало-фашистской дипломатии был совершенно неприемлемым метод каких-либо коллективных действий. Муссолини стремился маневрировать, предпочитая, как и Гитлер, ограниченные двусторонние соглашения. Это настораживало таких политиков, как Эррио. «Позиция Италии ясна: она хочет разъединить нас с Лондоном, Югославией и Малой Антантой»[42], — писал Эррио в сентябре 1934 года. Лидер радикалов был прав. Именно эту цель преследовал выдвинутый новым австрийским канцлером Шушнигом, но подсказанный Муссолини проект, предлагавший поставить независимость Австрии под «защиту» двух держав — Италии и Франции. Барту понял, что Муссолини стремится противопоставить коллективной безопасности метод сепаратных соглашений. Отклонив проект Шушнига — Муссолини, он предложил поставить на основе Сен-Жерменского договора независимость Австрии под защиту государств — членов Совета Лиги Наций. среди которых была Англия, а с середины сентября 1934 года и СССР. «В общем политика защиты Австрии Лигой Наций противопоставляется политике защиты ее двумя державами»[43], — отметил Эррио.

В сентябре Барту внес свое предложение на рассмотрение Совета Лиги Наций. Британский МИД расценил его как принятие Англией новых обязательств и отклонил. «На авансцене сейчас австрийский вопрос. Барту сообщил, что ввиду отказа Англии от принятия новых обязательств итальянцы предлагают теперь Франции двойственное соглашение. Французы же не хотят оставить в стороне Малую Антанту»[44], — сообщил М. М. Литвинов из Женевы.

К концу сентября Барту подготовил проект договорного комплекса, в который должны были войти Франция, Италия и страны Малой Антанты — Югославия, Чехословакия и Румыния, которые коллективно гарантировали бы независимость Австрии. Участие в соглашении стран

Малой Антанты должно было парализовать тайные расчеты Муссолини на реставрацию трона австрийских Габсбургов. Проектируемое соглашение стало бы дипломатическим мостом между Балканской Антантой и участниками «Римских протоколов». Вместе с тем через посредство Чехословакии и Румынии эта задуманная Барту договорная «гарантийная» комбинация связывалась с «Восточным пактом», становясь звеном системы европейской коллективной безопасности.

Важным шагом в реализации замысла Барту должен был стать визит югославского короля Александра I Карагеоргиевича в Париж. Запланированные на 10 октября франко-югославские переговоры обещали быть нелегкими. Да и югославский король не отличался ни широтой, ни прогрессивностью взглядов. Поэтому предстоявшие переговоры не имели заранее обусловленной программы, но центром их предполагалось сделать вопросы югославо-итальянских отношений. «Барту должен был убедить югославского короля в необходимости переговоров с Италией»[45], — записал 9 октября в дневнике П. Алоизи. Осведомленность посольства США в Берлине была большей. «Визит короля имел целью создать коалицию Франции, Италии и Югославии против Германии и Польши»[46].

Барту полагал, что подвел французскую политику к решающему рубежу. Он надеялся, что создание Средиземноморской Антанты не только притупит итало-фашистский антиверсальский ревизионизм, но и откроет новые, благоприятные для его целевых расчетов перспективы: укрепит позиции Франции и, возможно, вынудит Германию, оказавшуюся в изоляции, принять проект «Восточного пакта». В ожидании соглашения с Югославией и в конечном итоге с Италией Барту отложил дальнейшие переговоры с СССР. 25 сентября М. М. Литвинов писал: «Из сегодняшней беседы с Барту вынес впечатление, что французы... решили заморозить вопрос о дальнейших советско-французских отношениях... По-видимому, Барту... решил занять выжидательную позицию»[47]. Но это не означало отказа от «Восточного пакта». Руководитель Кэ д'Орсе считал, что делает решающий шаг на пути к его реализации, к созданию основ коллективной безопасности в Европе. «На этот раз, — говорил Барту в беседе с Ж. Табуи 8 октября, за день до прибытия югославского короля во Францию, — я действительно сделаю кое-что для моей страны. Этот визит Александра будет иметь важное значение и позволит мне поехать затем в Рим, имея уверенность в успехе»[48].

МАРСЕЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

С лета 1934 года внешнеполитическая деятельность Луи Барту привлекала всеобщее внимание. «Мир, — пишет советский историк И. Ф. Максимычев, — с удивлением наблюдал за Францией, которая обрела, казалось, второе дыхание»[1].

Вступление Советского Союза в Лигу Наций, серьезные шаги, сделанные Барту в сторону создания системы коллективной безопасности в Европе на базе советско-французского сотрудничества, встретили злобную реакцию фашистской Германии. Гитлер понимал, что реализация выдвинутого Барту проекта Средиземноморской Антанты могла создать непреодолимую преграду для аншлюса, укрепить позиции Чехословакии, став одновременно ступенью к созданию «Восточного пакта». Не меньшее беспокойство его вызывала также решительная позиция Барту в отношении Саара, где, согласно Версальскому договору, в январе 1935 года предполагалось проведение плебисцита, исход которого должен был определить дальнейший статус этой территории, находившейся с 1920 года под временным управлением Лиги Наций. До фашистского переворота результат будущего саарского плебисцита не вызывал сомнений: большинство саарцев считали себя немцами и высказались бы за присоединение к Германии.

Однако установление гитлеровской диктатуры изменило положение. Французский зондаж, негласно проведенный в Сааре осенью 1933 года, показал, как писал Ж. Поль-Бонкур, что «большинство саарского населения высказалось бы за продление временного режима»[2]. «Ночь длинных ножей» и гитлеровский террор, развернувшийся в Германии летом 1934 года, значительно укрепили это настроение населения Саара, где были сильны позиции левых партий, в том числе коммунистов. Используя складывающуюся ситуацию, Барту рассчитывал на продление полномочий Лиги Наций на управление Сааром. В сентябре 1934 года он адресовал представителю комиссии по вре-

менному управлению Сааром при Лиге Наций британскому дипломату Ноксу заявление о готовности направить контингент французских войск для ограждения саарского населения от фашистских бесчинств и обеспечения его свободного волеизъявления на предстоявшем плебисците[3].

Барту был настроен решительно. Он стремился отразить любые попытки гитлеровцев овладеть Сааром. Германский посланник в Берне, осуществлявший по заданию германского МИД контакт с Лигой Наций по «саарскому вопросу», в своем донесении 28 сентября отмечал, что «французской внешней политикой руководят твердые люди», которые «стремятся использовать саарскую проблему для нанесения удара по германскому правительству». Германский посланник подчеркивал, что эти французские руководители задают «необычный для Женевы твердый тон» и что нет надежды «вынудить их изменить позицию»[4]. Со своей стороны, германский посол в Париже Р. фон Кестнер 30 сентября сообщил в Берлин, что проектировавшийся гитлеровцами фашистский путч в Сааре с целью его насильственного присоединения к Германии не только встретит решительное противодействие Франции, но и будет использован Барту с целью «полной изоляции и осуждения Германии»[5].

Гитлер с возраставшей тревогой и злобой следил за дипломатической деятельностью Барту. Дни, когда он не получал новых известий о внешнеполитических шагах французского министра, были для него отдыхом. После одной из бесед с Гитлером его соратник А. Розенберг записал 8 июня в своем дневнике характерные слова о состоянии «фюрера»: «После тяжелых дней у него наступила разрядка. Барту не произносил своих жалоб по поводу нашего вооружения, не прибегал ни к каким морально-правовым формулам, чтобы произвести нападение»[6].

Но подобная «разрядка» была непродолжительной: Барту энергично продолжал борьбу за коллективную безопасность. Терпя дипломатические неудачи, среди которых колебания Муссолини в сторону Франции и перспектива проигрыша предстоявшего в Сааре плебисцита играли не последнюю роль, Гитлер прибег к использованию своего излюбленного и, как он считал, безотказного средства — политического террора, прочно вошедшего к лету 1934 года в арсенал «дипломатических» средств фашистской Германии. «Револьверные выстрелы или ручные гранаты, — писал французский журналист Пертинакс в те дни, — беспощадно уничтожают тех государственных дея-

телей, которые являются предполагаемой угрозой для фашистских государств в борьбе против «среднеевропейских планов». Так, в декабре прошлого года был убит румынский премьер Дука, в июле погиб австрийский канцлер Дольфус. Чья очередь завтра?». На этот вопрос ответил фон Кестнер, без стеснения сообщивший в приватной беседе с Ж. Табуи «список» политических деятелей европейских стран, намеченных к «устранению», в котором числились югославский король Александр I, бельгийский король Альберт, чехословацкий министр иностранных дел Бенеш. «Последним в этом «черном списке», — вспоминала Ж. Табуи, — он назвал Луи Барту»[8]. О том, что Барту намечен в качестве объекта террористического акта, говорил и тот факт, что в июне, во время возвращения французского министра из Чехословакии, в его поезд, следовавший через Австрию, была брошена бомба[9].

Объявленный заранее визит югославского короля во Францию открыл перед гитлеровцами подходящую для них возможность для террористического акта. Дело заключалось в том, что Александр I Карагеоргиевич являлся одним из основных «объектов» террористической деятельности созданной в январе 1929 года хорватской националистической организации фашистского толка, члены которой называли себя усташами (повстанцами). Лидеры усташей А. Павелич и Е. Кватерник имели давние связи с правящими фашистскими кругами Венгрии, Италии и Германии, пользовались их поддержкой[10].

Организация террористического акта против югославского короля на территории Франции во всех отношениях была выгодна гитлеровской Германии. Подобный акт сразу же непоправимо осложнил бы, если не сорвал, намеченные Барту франко-итало-югославские переговоры, его проект создания Средиземноморской Антанты. Террористический акт против югославского короля мог также привести к падению и без того ставшего к осени 1934 года вследствие многих внутриполитических причин неустойчивым кабинета Думерга, а в очередной перетасовке министерских постов Барту мог остаться за бортом нового правительства. Но главный расчет делался все же на физическое устранение Барту, ибо только с его уходом, как были убеждены в Берлине, сошел бы с дипломатической сцены и проект «Восточного пакта».

Террористический акт против Барту был подготовлен с личной санкции, если не по инициативе, Гитлера при активном участии Г. Геринга и аппарата германского посоль-

ства в Париже, в частности помощника военного атташе капитана Г. Шпейделя. Он получил кодовое название «Тевтонский меч». Для непосредственного исполнения задуманного убийства были привлечены участники македонской террористической организации, в частности 37-летний опытный профессиональный террорист В. Георгиев, именовавшийся в секретной переписке Шпейделя с Герингом как «Владо-шофер». Советский историк В. К. Волков отметил, что гитлеровцы осуществили свой замысел «руками македонских террористов, прикрыв покушение усташским плащом»[11]. О том, что усташи служили ширмой, свидетельствует тот факт, что парижская печать за несколько часов до прибытия югославского короля, следовавшего на эсминце «Дубровник» в порт Марселя, сообщила о намерении хорватских террористов устранить Александра I Карагеоргиевича[12].

Осуществление террористического акта было, однако, обеспечено гитлеровской агентурой, достаточно широко внедрившейся в государственный, особенно военно-полицейский, аппарат Третьей республики. «Предатели, — вспоминал А. де Кериллис, — находились в основном среди высшего общества — маркизов, банкиров, промышленников, политиков, влиятельных журналистов, академиков, генералов и офицеров генерального штаба»[13]. Югославский публицист Л. Адамич писал о том, что «кто-то или какая-то группа лиц в Париже решили или договорились, что в случае покушения на короля в Марселе те, кто ответствен за его охрану, не сделают ничего, чтобы предотвратить покушение»[14]. О том, что подобный сговор существовал, свидетельствовали факты откровенного пособничества террористам со стороны французских властей.

Министерство внутренних дел возложило организацию охраны югославского короля на местную полицию Марселя, в порт которого должен был прибыть югославский эсминец «Дубровник», на борту которого Александр I направился во Францию. Югославская охрана короля не допускалась на французский берег. Предложение британского Скотланд-Ярда взять на себя обеспечение королевской безопасности было отклонено. Не было выполнено распоряжение полицейских властей Марселя об усиленной охране короля и встречавшего его Барту плотным кордоном из мотоциклистов: они почему-то были направлены в какое-то другое место. Для следования короля и прибывших встречать его французских официальных лиц была предложена автомашина устаревшего образца, которая

давно уже не использовалась для подобных целей. «Небронированный лимузин с большими окнами и широкими подножками во всю длину кабины, от переднего до заднего крыла, — пишет советский историк В. К. Волков, — не давал никакой защиты в случае попытки покушения на сидящих в нем людей и, наоборот, был чрезвычайно удобен для террориста»[15].

Визит югославского короля во Францию был заранее «широко разрекламирован прессой»[16]. Эта «реклама» стала исходной базой для разработки террористической акции. Гитлер решил, что ему представляется уникальный случай устранить Барту. 1 сентября из Берлина в германское посольство в Париже на имя помощника военного атташе капитана Шпейделя была направлена подписанная Герингом инструкция по реализации операции «Тевтонский меч». 3 октября Шпейдель информировал Берлин, что «подготовка операции «Тевтонский меч» уже завершена». К этому времени ему был детально известен план церемонии встречи югославского монарха в Марселе и передвижения его по французской территории. Было известно даже то, что «предусмотренный ранее эскорт мотоциклистов будет отменен». 30 сентября усташи были доставлены в Париж, где им представителем посольства была передана вся необходимая информация относительно предстоявшей в Марселе церемонии встречи югославского короля. Убийца В. Георгиев прибыл во Францию с фальшивым паспортом на имя П. Келемена. «„Владо-шофер“ подготовлен»[17], — рапортовал Шпейдель Герингу 3 октября.

Недели, предшествовавшие прибытию югославского короля во Францию, в Париже были тревожными. 21 сентября Думерг на заседании своего кабинета заявил, что «обеспокоен политикой Германии». 28 сентября Думерг повторил министрам свои тревожные опасения[18]. По Парижу ползли зловещие слухи о возможном покушении на югославского короля. Один из сотрудников Барту без обиняков заявил министру иностранных дел, что он «предпочел бы, чтобы король поехал куда угодно, только не в Марсель».

Однако Барту, по свидетельству Ж. Табуи, осведомленный о подготовке террористического акта, не принял никаких ответных мер. И это не было его легкомыслием, политической беспечностью. Барту трезво оценивал степень опасности, своего личного риска. Готовясь к поездке в Марсель, он отдавал себе ясный отчет в том, что может не вернуться в Париж живым. В приватной беседе с одним

из своих ближайших сотрудников Барту говорил: «Мои похороны, запомни это хорошенько, должны быть самыми скромными... Обряд в церкви в память о моей жене, который я обещал, и всего лишь несколько близких друзей!»[19]. Руководитель Кэ д'Орсе без колебаний шел на открытый риск.

Вечером в пятницу, 8 октября, Барту вместе с военно-морским министром Пьетри и представителем военного руководства генералом Жоржем специальным поездом выехал в Марсель.

Ритуал встречи югославского короля был прост, но торжествен. Александр I не случайно должен был вступить на французскую землю в Марселе. Отсюда, из марсельского порта, в начале первой мировой войны французские войска отправлялись на помощь Сербии. Здесь, в Марселе, стоял памятник французским солдатам и офицерам, погибшим на Балканах и на Салоникском фронте. К подножию этого памятника югославский король в присутствии Барту и генерала Жоржа, занимавшего в годы первой мировой войны пост начальника штаба Салоникского фронта, должен был возложить венок, открыв свой государственный визит напоминанием о франко-сербском боевом союзе, о совместном вкладе в победу Антанты.

Непосредственно из марсельского порта маршрут высокого гостя лежал по одной из центральных городских улиц — улице Ла Канебьер — к площади Биржи, где находилось здание местного муниципалитета. В этом здании, над которым были подняты французский и югославский национальные флаги, должна была состояться первая беседа Барту и Александра I. На франко-югославские переговоры французский министр возлагал большие надежды.

В 2 часа пополудни «Дубровник», встреченный эскортом французских миноносцев, вошел в марсельскую гавань. Прогремел артиллерийский салют. Югославский король, одетый в адмиральскую форму, сошел на берег Старого порта Марселя, где был встречен Барту, Пьетри, генералом Жоржем и сопровождавшими их чиновниками французского дипломатического и военного ведомств. Генерал Жорж и Александр I обменялись речами, подчеркнув незыблемость уз, связывающих оба государства — Французскую Республику и Югославское королевство. После этой вступительной торжественной церемонии король и Барту направились к ожидавшей их машине.

Барту не мог не заметить отсутствия запланированного эскорта мотоциклистов. Он видел, что охрана короля пре-

ступно слаба — всего лишь полицейский кордон на улицах, причем охранники стояли шагах в десяти один от другого. Здесь, на марсельской улице, ему стала очевидной та грозная опасность, которой подвергаются югославский король, а вместе с ним и задуманные им, Барту, внешнеполитические планы. Король, как вспоминали очевидцы, нервничал, испуганно глядя на толпу, собравшуюся на тротуарах улицы Ла Канебьер, по которой машина, двигаясь с ничтожной скоростью — 4 *км/ч* — вместо положенной в этих случаях скорости 20 *км/ч*, направилась к площади Биржи. В непосредственной близости к королевской машине, где рядом с Александром I сидел Барту, гарцевали только два конных охранника.

Кортеж уже достиг площади Биржи, когда в толпе зрителей раздался свист и к королевской машине кинулся человек. Это был Георгиев. Вскочив на широкую подножку автомашины, террорист открыл стрельбу. Две пули — в грудь югославскому королю, третья — в левое предплечье Барту. Водитель остановил машину, но террорист продолжал стрелять. Тяжело ранен генерал Жорж. Через несколько секунд один из конных охранников ударом сабли по голове сбил Георгиева с ног. Вскоре тот, не приходя в сознание, умер в марсельском госпитале. В наступившей сумятице Барту не думал о себе, хотя его рана сильно кровоточила. Он старался помочь скорейшей госпитализации короля — высокого гостя Французской Республики. В течение 45 минут Барту, истекавший кровью, находился на площади: повязка, сделанная кем-то наспех, не остановила кровотечение. В санитарной машине он потерял сознание. Врачи пытались спасти его, сделали операцию, извлекли пулю, но, как сообщило французское телеграфное агентство Гавас, «во время операции произошло кровоизлияние». Не приходя в сознание, Барту скончался в 17 часов 40 минут 9 октября 1934 года[20].

Раскрывая суть разыгравшейся в Марселе трагедии, «Юманите» писала в те дни: «Барту был убит не случайно. Убийца, реализации замыслов которого способствовали преступная небрежность и соучастие (полицейских властей. — *К. М.*), сознательно целил в него. Международный фашизм одновременно хотел убить представителя Малой Антанты и министра, связавшего свое имя с политикой франко-советского сближения»[21].

...Осенним днем 13 октября Париж провожал Луи Барту в последний путь на кладбище Пер-Лашез. В официальной государственной церемонии участвовали все министры кабинета Думерга. По словам Эррио, «Думергу было не по себе».

За день до этого он назначил преемником Барту на Кэ д'Орсе Пьера Лаваля, для приличия сославшись на то, что «он был раньше председателем совета министров»[22]. Лаваль не мог скрыть своего торжества. По свидетельству современника, стоя на официальной трибуне, мимо которой медленно двигался траурный кортеж, Лаваль оживленно беседовал с прибывшим из Берлина на похороны французским послом А. Франсуа-Понсе[23].

Торжественные звуки траурных мелодий. Четкий, церемониальный шаг французских солдат — пехотинцев, моряков, летчиков. Служба по католическому обряду в церкви Дворца инвалидов. Прощальная церемония дипломатического корпуса, среди членов которого находился временный поверенный в делах СССР во Франции. Последние официальные почести. Прощальная дробь военных барабанов. «И потом, — вспоминал Эррио, — в самом конце, в наступающих сумерках на кладбище Пер-Лашез вокруг узкой могилы под большими, еще зелеными деревьями столпились вдоль аллей парижане. Они переживали происходившую драму гораздо глубже всех актеров официальной церемонии»[24].

Через несколько недель после гибели Луи Барту в парижской торговой галерее Шарпантье, в просторном зале со стеклянным потолком, стало готовиться вызвавшее громадный ажиотаж событие — распродажа с аукциона личной библиотеки академика, бывшего министра иностранных дел Французской Республики. Пресса заранее и подробно описала предстоявший аукцион. Газеты подчеркивали, что его организаторы выполняют волю погибшего министра: Барту в составленном им завещании настаивал именно на публичной распродаже собранной им за всю жизнь громадной коллекции редких и редчайших книг, рукописей[25]. Созданная для подготовки аукциона в ноябре 1934 года специальная комиссия во главе с ведущим парижским книжным экспертом Блезо пришла к выводу, что библиотека Барту является самой ценной из частных библиотек, когда-либо существовавших во Франции[26]. Это было действительно так: в библиотеке Барту находились уникальные экземпляры книг, раритеты, за которыми гонялись крупнейшие библиотеки и богатейшие коллекционеры всего мира[27]. Правящие круги Третьей республики даже не пытались спасти уникальную коллекцию, приобрести ее, хотя бы частично, для государственных книгохранилищ.

Правительство ссылалось на и без того остродефицитный баланс государственного бюджета. Близкие друзья Барту сумели только подготовить и издать каталог его библиотеки.

С начала 1935 года на улицах Парижа замелькали рекламные желтые афишки, извещавшие о приближавшемся аукционе. А в конце марта открылся и сам аукцион. На парижской бирже в те дни падали курсы ценных бумаг промышленных предприятий и фирм. Капиталистическую Европу потрясали грозные события: 16 марта 1935 года Гитлер объявил об аннулировании военных статей Версальского договора, и вермахт открыто взял старт к агрессии и империалистической войне. А в галерее Шарпантье бушевали книжные, коллекционерские и спекулятивные страсти.

Апогей развернувшегося аукциона составило не только сенсационное, но поистине символическое событие — продажа с молотка хранившегося в библиотеке Барту рабочего текста Версальского договора. Продажа текста документа, организованная в дни, когда по улицам германских городов маршировали первые полки формировавшегося вермахта, а немецкую молодежь одевали в фашистские боевые мундиры, стала своеобразной прелюдией к мюнхенскому сговору с фашистскими агрессорами, к развязыванию второй мировой войны. Библиотека, которую Барту любовно собирал в течение всей жизни, была распродана в три аукционных дня. Продан был и хранившийся в ней текст Версальского договора.

*   *
*

Луи Барту нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму и СССР. Но на мировой арене он был готов действовать заодно с Советским Союзом, дабы предотвратить надвигавшуюся агрессию. Разносторонняя образованность, большой интеллект Луи Барту, понимание им реальной расстановки международных сил — все это порождало готовность к совместным действиям с Москвой против германского фашизма. Именно эти черты выдвигают французского политика в ряд исторических деятелей первой половины XX века. Жизнь и деятельность Луи Барту еще раз напоминают о важности общечеловеческих целей, когда речь идет о предотвращении военной угрозы, что имеет особое значение в наше время.

Взяв курс на «умиротворение» гитлеровской Германии, ослепленные антисоветизмом, французские правящие группировки, среди которых активную роль играли П. Лаваль и его единомышленники, напротив, были готовы жертвовать не только позициями, завоеванными в первой мировой войне, но и национальными интересами Франции, интересами народов Европы. Под угрозой оказался европейский мир, за сохранение и упрочение которого боролся Луи Барту. «Однако разрушить все дело, начатое Барту, — отмечал Морис Торез, — Лаваль был не в состоянии»[28]. 2 мая 1935 года в Париже благодаря настойчивым усилиям советской дипломатии и антифашистских сил Франции, в том числе сторонников Луи Барту (Э. Эррио, Ж. Манделя, А. Леже и др.), был подписан советско-французский пакт о взаимной помощи, который вместе с заключенным 16 мая 1935 года в Праге советско-чехословацким договором составил потенциальную основу коллективной безопасности в Европе.

Одобрил бы Луи Барту этот крупнейший шаг, предпринятый Парижем в то сложное время? Думается, одобрил бы. Возможно также, что Луи Барту оказался бы в числе тех, кто активно выступал против мюнхенского сговора, открывшего путь фашистской агрессии и второй мировой войне. Можно предполагать, что Луи Барту встал бы в ряды тех французских политиков, которые, подобно Шарлю де Голлю, включились в антифашистскую борьбу на стороне антигитлеровской коалиции народов и государств.

Реалистическая внешнеполитическая деятельность Луи Барту, основанная на понимании значения активного участия СССР в европейской и мировой политике, в деле борьбы за сохранение мира, оставила глубокий след. Она напоминает о том, что дружеские отношения между Советским Союзом и Францией всегда содействовали укреплению внешнеполитических позиций последней, в то время как противоположный подход к отношениям с СССР обернулся для нее национальной катастрофой.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 Правда. — 1934. — 12 окт.
2 Сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. — М., 1985. — С. 25.
3 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 19.

ПЕРВЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 21. — С. 83—84.
2 Barthou L. Le Politique. — P., 1933. — P. 15.
3 См. Балашов Н. И. Леконт де Лиль//Ш. Леконт де Лиль/Пер. с франц. — М., 1960. — С. 13.
4 Роллан Р. Воспоминания/Пер. с франц. — М., 1966. — С. 269.
5 Chastenet J. Histoire de la 3-e République. — T. I. — P., 1952. — P. 18.
6 Gambetta L. Discours et plaidoyers choisis. — P., 1895. — P. 237.
7 См. Barthou L. Op. cit. — P. 15—16.
8 Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы/Пер. с франц. — М., 1960. — С. 219.
9 Barthou L. Op. cit. — P. 18.
10 Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. — Л., 1937. — С. 130.
11 См. Антюхина-Московченко В. И. История Франции. 1870—1918. — М., 1963. — С. 359.
12 Barthou L. Op. cit. — P. 16.
13 Gambetta L. Op. cit. — P. LXVI—LXVII.
14 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 219.
15 Тарле Е. В. Гамбетта и его роль в истории Третьей республики// Е. В. Тарле. Очерки и характеристики европейского общественного движения в XIX в. — СПб., 1904. — С. 341.
16 Barthou L. Op. cit. — P. 16—17.
17 Cambon P. Correspondance 1870—1924. — T. 1. — P.,1940. — P. 331.
18 См. Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч. — С. 359.
19 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 362.
20 Chastenet J. Op. cit. — T. II. — P., 1954. — P. 255.
21 Цит. по Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. — М., 1983. — С. 92.
22 Роллан Р. Указ. соч. — С. 492—493.
23 См. Jaures J. Discours parlementaires. — T. I. — P., 1904. — P. 847—848, 853—857.
24 См. Aubert O. Louis Barthou. — P., 1935. — P. 93.
25 Jaures J. Op. cit. — P. 871—872.
26 Молчанов Н. Н. Жорес. — М., 1969. — С. 189.
27 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 83.
28 Роллан Р. Указ. соч. — С. 491.

[29] Антюхина-Московченко В. И. Указ. соч. — С. 352.
[30] Зеваэс А. История Третьей республики/ Пер. с франц. — М., 1930. — С. 226—227.
[31] См. Roux G. L'Affaire Dreyfus. — P., 1972. — P. 166—167.
[32] Процесс Эмиля Золя. 15 заседаний парижского суда. — СПб., 1899. — С. 68.
[33] Роллан Р. Указ. соч. — С. 485.
[34] Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936/Пер. с франц. — М., 1958. — С. 553.
[35] Правда. — 1934. — 12 окт.
[36] Remond R. Le droit en France de la Première Réstauration à la V-e République. — P., 1965. — P. 198.
[37] См. Aubert O. Op. cit. — P. 135.

В БУРЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА

[1] Bonnefous G. Histoire politique de la 3-e République. — T. 1. — P., 1956. — P. 12.
[2] Жорес Ж. Против войны и колониальной политики/ Пер. с франц. — М., 1961. — С. 155.
[3] Bonnefous G. Op. cit. — P. 12—13.
[4] Зеваэс А. Указ. соч. — С. 284.
[5] См. Bonnefous G. Op. cit. — P. 140—141.
[6] Aubert O. Op. cit. — P. 148.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 333.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 22. — С. 294.
[9] Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. — Т. I/Пер. с англ. — М., 1957. — С. 220.
[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 22. — С. 297.
[11] См. Хальгартен Г. Империализм до 1914 г./ Пер. с нем. — М.,1961. — С. 319, 546—547.
[12] Тейлор А. Борьба за господство в Европе. 1848—1918/Пер. с англ. — М., 1958. — С. 503.
[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 231.
[14] См. Bonnefous G. Op. cit. — P. 335.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 231.
[16] Temps. — 1913. — 22 mars.
[17] Temps. — 1913. — 26 mars.
[18] Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. — М., 1922. — С. 354.
[19] Русское слово**. — 1913. — 13 (26) марта.
[20] Русское слово. — 1913. — 14 (27) марта.
[21] Hamon A. Les maîtres de la France. — T. I. — P., 1936. — P. 225—227.
[22] Материалы по истории франко-русских отношений. — С. 451—452.
[23] Прицкер Д. П. Указ. соч. — С. 159.
[24] См. Хальгартен Г. Указ. соч. — С. 498—499.
[25] См. Пуанкаре Р. На службе Франции. — Т. I/Пер. с франц. — М., 1936. — С. 6.
[26] См. Les armées françaises dans la Grande guerre. — T. I. — Part 1. — P., 1936. — P. 66, 79—82.
[27] Зеваэс А. Указ. соч. — С. 289.
[28] Прицкер Д. П. Указ. соч. — С. 191.
[29] История дипломатии. — Т. 2. — М., 1963. — С. 765.

[30] См. Bonnefous G. Op. cit. — P. 349—350.
[31] Les armées françaises dans la Grande guerre. — P. 54.
[32] См. L'Humanité. — 1913. — 4, 5, 8, 9 août.
[33] Chastenet J. Histoire de la 3-e République. — T. IV. — P., 1955. — P. 117; Материалы по истории франко-русских отношений. — С. 338.
[34] История дипломатии. — Т. 2. — С. 765.
[35] Материалы по истории франко-русских отношений. — С. 445—446.
[36] Там же. — С. 455.
[37] Temps. — 1913. — 4 déc.
[38] Temps. — 1913. — 5 déc.
[39] Материалы по истории франко-русских отношений. — С. 456.
[40] Эррио Э. Указ. соч. — С. 309.
[41] См. Figaro. — 1913. — 27 déc.
[42] См. Caillaux J. Les mémoires. — T. 3. — P., 1947. — P. 91.
[43] Тейлор А. Указ. соч. — С. 515—516.
[44] См. Aubert O. Op. cit. — P. 170—171.
[45] См. Caillaux J. Op. cit. — P. 129—133.
[46] См. Пуанкаре Р. На службе Франции. — Т. 2/ Пер. с франц. — М., 1936. — С. 246.
[47] См. Caillaux J. Op. cit. — P. 122—129.
[48] См. L'Humanité. — 1914. — 17 mars.
[49] Figaro. — 1914. — 19 juil.
[50] Цит. по Павлович М. П. Франция накануне мировой войны. Отрывки из дневника политического эмигранта. — М., 1918.— С. 135.

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 16.
[2] Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. — Т. 1. — М., 1961. — С. 239.
[3] Aubert O. Op. cit. — P. 177.
[4] Пуанкаре Р. Указ. соч. — Т. 1. — С. 273.
[5] Там же.
[6] Дюрозель Ж.-Б. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г./ Пер. с франц.//Французский ежегодник. 1961. — М., 1962. — С. 146.
[7] Эррио Э. Указ. соч. — С. 555.
[8] См. Aubert O. Op. cit. — P. 144—145.
[9] Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. — Т. I. — М., 1976. — С. 434.
[10] Пуанкаре Р. Указ. соч. — Т. 2. — С. 250.
[11] См. Malvy L.-J. Mon crime. — P., 1921. — P. 73—76.
[12] См. Bonnefous G. Op. cit. — T. 2. — P., 1957. — P. 340.
[13] См. Прицкер Д. П. Указ. соч. — С. 111—112.
[14] Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1917. — P., 1918. — P. 2409.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 34. — С. 407.
[16] См. Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. — М., 1958. — С. 326.
[17] См. Тейлор А. Указ. соч. — С. 561—566.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 34. — С. 386.
[19] См. Иоффе А. Е. Указ. соч. — С. 329—330.
[20] Bonnefous G. Op. cit. — P. 338—340.
[21] Ibid. — P. 340.
[22] См. Painleve P. Comment j'ai nommé Foch et Petain. — P., 1924. — P. 252.
[23] См. Barthou L. Le Traité de Paix. — P., 1920. — P. 143—145.
[24] См. История дипломатии. — Т. 3. — М., 1965. — С. 48.

25 Минц И. И. История Великого Октября. — Т. 2. — М., 1978. — С. 691—692.
26 Пицкер Д. П. Указ. соч. — С. 204.
27 Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1920. — P. 711—718.
28 Chastenet J. Op. cit. — T. V. — P., 1960. — P. 14—15.
29 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 39.
30 Архив полковника Хауза/ Пер. с англ. — Т. 4. — М., 1944. — С. 305.
31 Barthou L. Op. cit. — P. 143—144.
32 Bonnefous G. Op. cit. — T. 3. — P., 1959. — P. 28—29.
33 См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 352—353.
34 Дюрозель Ж.-Б. Указ. соч. — С. 447.
35 Bonnefous G. Op. cit. — P. 56.
36 См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 45.
37 Siegfried A. Tableau des partis en France. — P., 1930. — P. 133.
38 Institut de France. Discours prononcés pour la réception de Louis Barthou. — P., 1919. — P. 61.
39 Тардье А. Мир/ Пер. с франц. — М., 1943. — С. 100.
40 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 40. — С. 111.
41 Джордан В. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг./ Пер. с англ. — М., 1945. — С. 276—277.
42 Bonnefous G. Op. cit. — P. 83.
43 Дюрозель Ж.-Б. Указ. соч. — С. 448.
44 См. Документы внешней политики СССР. — Т. II. — М., 1958. — С. 54—55 (далее: ДВП СССР).
45 ДВП СССР. — Т. V. — М., 1961. — С. 280.
46 Matin. — 1920. — 22 fevr.
47 Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1920. — P. 711—718.
48 Из истории советско-германских экономических отношений. Документы из германских архивов// Международная жизнь. — 1957. — № 1. — С. 184—188.
49 Ахтамзян А. Рапалльская политика. — М., 1974. — С. 19.
50 Journal Officiel de la République Francaise. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1920. — P. 718.

УРОКИ ГЕНУИ

1 Annales de la Chambre des députés. Session ordinaire de 1921. — P., 1922. — P. 225.
2 См. Эррио Э. Указ. соч. — С. 184.
3 Рубинский Ю. И. Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919—1939 гг.). — М., 1973. — С. 71.
4 См. История дипломатии. — Т. 3. — С. 214.
5 Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. — Bd. 1. — Berlin, 1955. — S. 101.
6 Truchy H. Les Finances de guerre et la France. — P., 1926. — P. 89.
7 Prevost J. Histoire de la France depuis la guerre. — P., 1932. — P. 272.
8 D'Abernon. An ambassador of peace: pages from the diary (Berlin, 1920—1926). — Vol. 1. — L., 1929. — P. 72.
9 Эррио Э. Указ. соч. — С. 144.
10 См. ДВП СССР. — Т. IV. — М., 1960. — С. 233—241.
11 Там же. — С. 384—385.
12 ДВП СССР. — Т. XVII. — М., 1974. — С. 165.
13 Там же. — С. 140.

14 ДВП СССР. — Т. V. — М., 1961. — С. 280.
15 ДВП СССР. — Т. IV. — С. 445—448.
16 ДВП СССР. — Т. V. — С. 59.
17 Смирнов В. П. Новейшая история Франции. 1918—1975. — М., 1979. — С. 25, 43.
18 История дипломатии. — Т. 3. — С. 252.
19 Воровский В. В. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. — М., 1959. — С. 197.
20 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 165.
21 Корнев Н. Принцы и приказчики Марианны. — М., 1935. — С. 83.
22 Ллойд Джордж Д. Указ. соч. — С. 220.
23 Эррио Э. Указ. соч. — С. 145.
24 Материалы Генуэзской конференции. — М., 1922. — С. 71—72.
25 Там же. — С. 72.
26 ДВП СССР. — Т. V. — С. 195.
27 Там же. — С. 193.
28 Материалы Генуэзской конференции — С. 83—84; см. также Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. — М., 1963. — С. 46—47.
29 Там же.
30 ДВП СССР. — Т. V. — С. 207.
31 L'Humanité. — 1922. — 12 avr.
32 ДВП СССР. — Т. V. — С. 207.
33 Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Указ. соч. — С. 83.
34 См. Правда. — 1934. — 12 окт.
35 ДВП СССР. — Т. V. — С. 241.
36 Там же. — С. 239.
37 Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Указ. соч. — С. 63.
38 Материалы Генуэзской конференции. — С. 167.
39 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 193.
40 Эррио Э. Указ. соч. — С. 146.
41 См. ДВП СССР. — Т. V. — С. 278—280.
42 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 214.

СЛОЖНЫЙ ПУТЬ НА КЭ Д'ОРСЕ

1 Джордан В. М. Указ. соч. — С. 79.
2 Ахтамзян А. Указ. соч. — С. 96.
3 См. Эррио Э. Указ. соч. — С. 165.
4 См. Давидович Д. С. Революционный кризис 1923 г. в Германии и Гамбургское восстание. — М., 1963. — С. 49.
5 См. Temps. — 1922. — 28 déc.
6 Эррио Э. Указ. соч. — С. 166.
7 См. Temps. — 1923. — 11 janv.
8 Руге В. Германия в 1917—1933 гг. / Пер. с нем. — М., 1974. — С. 133, 137.
9 Hortzschansky G. Der national Verrat der deutschen Monopolherren wahrend des Ruhkampfes 1923. — Berlin, 1961. — S. 45.
10 См. Temps. — 1923. — 14, 15 janv.
11 Matin. — 1923. — 24 fevr.
12 Джордан В. М. Указ. соч. — С. 99.
13 Давидович Д. С. Указ. соч. — С. 64.
14 ДВП. — Т. VI. — С. 151.
15 См. Тельман Э. Избранные статьи и речи/ Пер. с нем. — Т. I. — М., 1957. — С. 74.

[16] См. Рубинский Ю. И. Указ. соч. — С. 71.
[17] Эррио Э. Указ. соч. — С. 181.
[18] Рубинский Ю. И. Указ. соч. — С. 73.
[19] Эррио Э. Указ. соч. — С. 185—186.
[20] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 50.
[21] Эррио Э. Указ. соч. — С. 185—186, 210.
[22] Файнгар И. М. Очерки развития германского монополистического капитала. — М., 1958. — С. 212—220.
[23] См. Локарнская конференция 1925 г. Документы. — М., 1959. — С. 247—249, 322—323.
[24] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 251.
[25] Эррио Э. Указ. соч. — С. 555.
[26] См. Роллан Р. Указ. соч. — С. 133.
[27] См. Maurras Ch. Le Bibliophille Barthou. — P., 1929; Верт А. Франция. 1940—1955/Пер. с англ. — М., 1959. — С. 52.
[28] См. Bonnefous G. Histoire politique de la 3-е Republique. — P., 1960. — P. 166.
[29] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 210.
[30] См. Bonnefous G. Op. cit. — P. 286.
[31] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 210.
[32] Локарнская конференция 1925 г. Документы. — С. 246.
[33] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 209.
[34] Ллойд Джордж Д. Указ. соч. — С. 335.
[35] См. Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. — P., 1971. — P. 75.
[36] См. Blondel N. Le Triomphe de Germanisme. — P., 1934. — P. 35.
[37] См. Stresemann G. Vermachtnis. — Bd. 3. — Berlin, 1932. — S. 15—24.
[38] Майский И. М. Воспоминания советского посла. — Кн. 2. — М., 1964. — С. 41.
[39] См. Obermann K. Die Beziehungen des amerikanischen Imperialismus zum deutschen Imperialismus in die Zeit der Weimarer Republik. — Berlin, 1952. — S. 142, 149.
[40] Castellan G. Le rearmement clandestin du Reich (1930—1935). — P., 1954. — P. 157.
[41] Lacoutur J. De Gaulle. — P., 1969. — P. 42.
[42] О тех, кто предал Францию. — М., 1941. — С. 57.
[43] Aubert O. Op. cit. — P. 190.
[44] Weygand M. Mirages et réalité. Mémoires. — P., 1957. — P. 320.
[45] Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945. Temoignages et documents. — T. I. — 1951. — P. 16.
[46] L'Humanité. — 1927. — 21 mai.
[47] Курелла А. Международный пролетариат на страже СССР. — М.—Л., 1927. — С. 31.
[48] Дюкло Ж. Мемуары/ Пер. с франц. — Т. I. — М., 1974. — С. 114—115.
[49] Там же. — С. 115—119.
[50] Верт А. Указ. соч. — С. 53.
[51] О тех, кто предал Францию. — С. 54—55.
[52] Aubert O. Op. cit. — P. 191.
[53] См. Табуи Ж. Указ. соч. — С. 210.
[54] Annales de la Chambre des députés. Session ordinaire de 1931. — T. I. — Part. I. — P., 1932. — P. 185.
[55] XI пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. — Вып. I. — М., 1932. — С. 14.
[56] L'Humanité. — 1930. — 14 déc.
[57] Obermann K. Op. cit. — S. 142.
[58] Castellan G. Op. cit. — P. 209.

[59] Ibid. — P. 264—265.
[60] Ibid. — P. 136, 541.
[61] См. Reynaud P. Mémoires. — T. I. — P. 1960. — P. 275.
[62] См. Норден А. Уроки германской истории/ Пер. с нем. — М., 1948. — С. 120; Руге В. Гинденберг/ Пер. с нем. — М., 1982. — С. 327.
[63] La Gorce P.-M. La République et son armée. — P. 1963. — P. 327.
[64] Gamelin M. Servir. Le prologue du drama (1930 — août 1939). — P., 1946. — P. 12.
[65] См. Aubert O. Op. cit. — P. 190.
[66] См. Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940—1942 гг./ Пер. с франц. — М., 1957. — С. 32—33.
[67] См. Aron R. Les grands dossiers de l'histoire contemporaine. — P., 1962. — P. 140.

КУРС НА ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ

[1] Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. — Кн. 3, 4. — М., 1963. — С. 24.
[2] Виллар К. Франция в начале 30-х годов/ Пер. с франц.// Французский ежегодник. 1981. — М., 1983. — С. 75—77; см. также Кузьмин М. Н. Внутриполитическая борьба во Франции (1926—1932). — Л., 1975. — С. 149.
[3] См. Французской коммунистической партии 40 лет. — М., 1961. — С. 50—51.
[4] Верт А. Указ. соч. — С. 52.
[5] Ordre. — 1934. — 9 fevr.
[6] См. Temps. — 1934. — 8 fevr.
[7] Temps. — 1934. — 8, 9 fevr.
[8] Temps. — 1934. — 10, 11 fevr.
[9] Верт А. Указ. соч. — С. 50.
[10] См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 140.
[11] Там же. — С. 650.
[12] Бартелеми Ж. Государственный строй Франции/ Пер. с франц. — М., 1936. — С. 123.
[13] Les Événements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport. — P., 1951. — P. 86—87.
[14] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 209.
[15] См. Дюрозель Ж.-Б. Указ. соч. — С. 447.
[16] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 141.
[17] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 209.
[18] См. Эррио Э. Указ. соч. — С. 491.
[19] См. Правда. — 1934. — 12 окт.
[20] Scott W. S. Le Pacte franco-soviétique. Alliance contre Hitler. — P., 1965. — P. 177.
[21] См. Francois-Poncet A. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. — P., 1946. — P. 170—171.
[22] Эррио Э. Указ. соч. — С. 496.
[23] ДВП СССР. — Т. XV. — С. 449—450.
[24] Documents diplomatiques français 1932—1939. — 1-e ser. — T. 1. — P., 1964. — P. 448 (далее: DDF).
[25] См. Эррио Э. Указ. соч. — С. 494.
[26] ДВП СССР. — Т. XVI. — С. 764.
[27] О тех, кто предал Францию. — С. 54.
[28] La Gorce P.-M. De Caulle entre deux mondes. Une vie et une époque. — P., 1964. — P. 330.

[29] Корнев Н. Указ. соч. — С. 82.
[30] Торез М. Избранные произведения. — Т. I. — С. 521.
[31] Les Événements survenus en France de 1933 à 1945. Temoignages et documents. — T. 3. — P., 1951. — P. 793.
[32] ДВП СССР. — Т. XVI. — С. 577.
[33] Там же. — С. 876—877.
[34] Там же. — С. 736.
[35] Там же. — С. 773.
[36] См. Les Événements survenus en France de 1933 à 1945. Temoignages et documents. — T. 1. — P. 12—13, 124.
[37] Bonnefous G. Op. cit. — P. 218.
[38] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 208.
[39] Сэсюли Р. «И. Г. Фарбениндустри»/ Пер. с англ. — М., 1947. — С. 114.
[40] См. Правда. — 1934. — 7 апр.
[41] Allard P. La Vérité sur les marchands des canons. — P., 1935. — P. 182—184.
[42] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. — Т. I. — М., 1983. — С. 76.
[43] DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 5. — P., 1970. — P. 832.
[44] Эррио Э. Указ. соч. — С. 496.
[45] Дюрозель Ж.-Б. Указ. соч. — С. 448.
[46] См. Aubert O. Op. cit. — P. 190.
[47] Эррио Э. Указ. соч. — С. 495—496.
[48] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 165.
[49] DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 5. — P. 914.
[50] Ibid. — P. 666.
[51] См. Сборник документов по международной политике и международному праву. — Вып. 10. — М., 1936. — С. 54—58.
[52] Дневник посла Додда. 1933—1938 гг./ Пер. с англ. — М., 1961. — С. 132.
[53] См. Сборник документов по международной политике и международному праву. — Вып. 10. — С. 65—70.
[54] Эррио Э. Указ. соч. — С. 498.
[55] См. DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 6. — P., 1972. — P. 270—272.
[56] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 216.
[57] Голль Ш. де. Указ. соч. — С. 33.
[58] См. Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг./ Пер. с чешск. — М., 1959. — С. 280.
[59] Дневник посла Додда. — С. 163.
[60] Эррио Э. Указ. соч. — С. 482—486.
[61] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 316.
[62] Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. Подборка документов// Международная жизнь. — 1963. — № 6. — С. 152.
[63] См. Эррио Э. Указ. соч. — С. 480, 483, 490—491.
[64] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 141.
[65] Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. — С. 153.
[66] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 141.
[67] ДВП СССР. — Т. XVI. — С. 593.

68 См. За рубежом. — 1934. — № 10. — С. 2.
69 DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 1. — P. 250—251.
70 Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. — С. 153.
71 Эррио Э. Указ. соч. — С. 490.
72 См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 279.
73 Tabouis G. Ils l'ont appelée Cassandre. — N. Y., 1942. — P. 199.

«ВОСТОЧНЫЙ ПАКТ»

1 DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 5. — P. 889.
2 См. Scott W. S. Op. cit. — P. 177.
3 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 280.
4 См. ДВП СССР. — Т. VIII. — М., 1963. — С. 629.
5 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — Т. VI. — М., 1969. — С. 156.
6 Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР/Пер. с нем. — М., 1977. — С. 121.
7 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 219.
8 См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 312.
9 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 224.
10 См. Laroche J. La Pologne de Pilsudski 1926—1935. — P., 1953. — P. 159.
11 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 313.
12 Documents on German foreign policy 1918—1945. — Ser. C. — Vol. 2. — L., 1959. — P. 845—846.
13 См. Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise. 1926—1939. — Genève, 1951. — P. 59.
14 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 795.
15 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 223—226.
16 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 229.
17 Там же. — С. 794.
18 Там же. — С. 125.
19 Там же. — С. 392.
20 Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг. — С. 226.
21 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 227.
22 Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. — С. 155; ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 309—310.
23 См. DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 5. — P. 376.
24 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 309.
25 См. DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 5. — P. 376—378.
26 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 310.
27 Там же. — С. 312.
28 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 217.
29 Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг. — С. 336.
30 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 318.
31 См. DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 5. — P. 496—505; ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 340, 798.
32 Известия. — 1934. — 15 окт.
33 См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 340.

34 См. Правда. — 1934. — 12 окт.
35 Эррио Э. Указ. соч. — С. 522.
36 Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1934. — T. 2. — P., 1935. — P. 1258.
37 Эррио Э. Указ. соч. — С. 524.
38 См. Temps. — 1934. — 1 juin.
39 Эррио Э. Указ. соч. — С. 530.
40 Laroche J. Op. cit. — P. 171.
41 См. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. — М., 1979. — С. 23.
42 См. Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise. 1926—1939. — Genève, 1951. — P. 281—285.
43 См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 371.
44 Эррио Э. Указ. соч. — С. 529—530.
45 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 375.
46 Там же. — С. 378.
47 Там же. — С. 379.
48 Там же. — С. 386—389.
49 Там же. — С. 394.
50 Documents on German foreign policy 1918—1945. — Ser. C. — Vol. 3. — L., 1959. — P. 179—181.
51 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 375.
52 Дневник посла Додда. — С. 153, 159, 163, 166.
53 Documents on German foreign policy 1918—1945. — Ser. C. — Vol. 2. — L., 1959. — P. 845.
54 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 394.
55 Дневник посла Додда. — С. 163, 167.
56 См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 393.
57 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 229—230; ДВП СССР. —Т. XVII. — С. 400.
58 Эррио Э. Указ. соч. — С. 451.
59 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 273—274.
60 Там же. — С. 239.
61 См. Кадри Караосманоглу Я. Дипломат поневоле/ Пер. с турецк. — М., 1978. — С. 103—104.
62 Эррио Э. Указ. соч. — С. 532.
63 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 458.
64 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 235.
65 Temps. — 1934. — 23 juin.
66 ДВП СССР. — Т. XVII. — М., 1973. — С. 556.
67 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 459.
68 См. Documents on British foreign policy 1919—1939. — 2-e ser. — Vol. 6. — L., 1957. — P. 777—778.
69 ДВП СССР. — Т. XVII. — S. 480.
70 Там же. — С. 452.
71 Ротштейн Э. Мюнхенский сговор/ Пер. с англ. — М., 1959. — С. 44.
72 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 468.
73 Борьба СССР за коллективную безопасность в 1933—1935 гг. — С. 157.
74 Майский И. М. Воспоминания советского посла. — Т. 2. — М., 1964. — С. 260—261.
75 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 375.

[76] См. Табуи Ж. Указ. соч. — С. 242.
[77] ДВП СССР. — Т. XX. — М., 1976. — С. 613.
[78] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 469.
[79] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 73.
[80] DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 6. — P. 941.
[81] Эррио Э. Указ. соч. — С. 531.
[82] См. Documents on British foreign policy 1919—1939. — 2-e ser. — Vol. 6. — P. 810, 820—822.
[83] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 330, 470.
[84] Правда. — 1934. — 11 июля.
[85] Documents on British foreign policy 1919—1939. — 2-e ser. Vol. 6. — P. 833, 840—841, 854.
[86] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 471.
[87] Temps. — 1934. — 16 juil.
[88] Micaud Ch. The French Right and Nazi Germany. 1933—1938. A study of public opinion. — Durham (North Carolina), 1945. — P. 35.
[89] О тех, кто предал Францию. — С. 185.
[90] См. L'Humanité. — 1938. — 16 oct.
[91] Révue de Paris. — 1934. — 1 août.
[92] Populaire. — 1934. — 7 juin, 13 juil.
[93] Торез М. Избранные произведения. — Т. I. — С. 520.
[94] Дюкло Ж. Мемуары. — Т. 2. — С. 182.
[95] L'Humanité. — 1934. — 8 juin.
[96] L'Humanité. — 1934. — 10, 18 juil.
[97] Табуи Ж. — Указ. соч. — С. 251.
[98] Tabouis G. Ils l'ont appelée Cassandre. — P. 194.
[99] См. DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 6. — P. 1000—1001, 1024—1025.
[100] Дюрозель Ж.-Б. Указ. соч. — С. 457.
[101] О тех, кто предал Францию. — С. 56.
[102] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 501, 517.
[103] См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 434, 460.
[104] См. Правда. — 1934. — 1 сент.
[105] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 578.
[106] Правда. — 1934. — 17 сент.
[107] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 249.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ АНТАНТА

[1] DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 5. — P. 232.
[2] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 203.
[3] Эррио Э. Указ. соч. — С. 444.
[4] Статья 13 Лондонского соглашения, подписанного 26 апреля 1915 года, гласила: «В случае, если Франция или Великобритания увеличат свои колониальные владения в Африке за счет Германии, эти державы признают в принципе, что Италия может требовать некоторых равноценных компенсаций, именно в решении в ее пользу вопросов, касающихся границ итальянских колоний Эритреи, Сомали и Ливии и смежных с ними французских и английских колоний» (Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов

царского и Временного правительств 1878—1917. — Сер. 3. — 1914—1917. — Т. 7. — Ч. 2. — М., 1938. — С. 262).

5 Гельбрас П. Внешняя и внутренняя политика Франции. — М., 1939. — С. 80—81.

6 Journée Industrielle. — 1938. — 22 avr.

7 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 212—213.

8 Aloisi P. Journal. — P., 1957. — P. 77—80.

9 Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la 3-e République. Les lendemains de la victoire 1919—1934. — P., 1945. — P. 338.

10 См. ДВП СССР. — Т. XVI. — С. 417.

11 Эррио Э. Указ. соч. — С. 444.

12 Эмери Л. Моя политическая жизнь/Пер. с англ. — М., 1960. — С. 365.

13 См. Micaud Ch. Op. cit. — P. 61.

14 См. Jackel E. Frankreich in Hitler's Europe. — Stuttgart, 1966. — S. 19—20.

15 Фашистский путч в Австрии в июле 1934 г. и убийство канцлера Дольфуса. Из нацистских документов// Вопросы истории. — 1965. — № 11. — С. 125.

16 Temps. — 1934. — 6 avr.

17 См. L'Humanité. — 1934. — 8 avr., 9 mai.

18 См. Вопросы истории. — 1965. — № 11. — С. 125.

19 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 383—384.

20 Там же. — С. 384, 449.

21 См. Табуи Ж. Указ. соч. — С. 233.

22 DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 6. — P. 762, 973.

23 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 454.

24 Эррио Э. Указ. соч. — С. 531, 533.

25 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 454, 459.

26 Вопросы истории. — 1965. — № 11. — С. 125.

27 См. ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 449.

28 Вопросы истории. — 1965. — № 11. — С. 125.

29 См. Табуи Ж. Указ. соч. — С. 237—238.

30 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 449.

31 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 453.

32 См. Aloisi P. Op. cit. — P. 200.

33 См. Brook-Shepherd G. Prelude to infamy. The story of chancellor Dollfuse of Austria. — N. Y., 1962. — P. 233—236.

34 Aloisi P. Op. cit. — P. 203.

35 См. DDF. 1932—1939. — 1-e ser. — T. 6. — P. 973.

36 Правда. — 1934. — 17 июля.

37 Райсберг А. Австрия, февраль 1934 г./ Пер. с нем. — М., 1975. — С. 287.

38 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 502.

39 Табуи Ж. Указ. соч. — С. 243—244.

40 Правда. — 1934. — 27 июля.

41 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 649—650.

42 Эррио Э. Указ. соч. — С. 548.

43 Там же. — С. 549.

44 ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 608.

45 Aloisi P. Op. cit. — P. 225.

[46] Дневник посла Додда. — С. 234.
[47] ДВП СССР. — Т. XVII. — С. 608.
[48] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 257.

МАРСЕЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

[1] Максимычев И. Ф. Дипломатия мира против дипломатии войны. — М., 1981. — С. 91.
[2] Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la 3-e République. Sur les chemins de la défaite 1935—1940. — P., 1946. — P. 5.
[3] См. Toynbee A. Survey of international affairs 1934. — L., 1935. — P. 609.
[4] Documents on German foreign policy 1918—1945. — ser. C. — Vol. 3. — L., 1959. — P. 451.
[5] Ibid. — P. 454.
[6] Цит. по Волков В. К. Операция «Тевтонский меч». — М., 1966. — С. 143.
[7] За рубежом. — 1934. — № 30. — С. 3.
[8] Новое время. — 1970. — № 1. — С. 30.
[9] См. О тех, кто предал Францию. — С. 55.
[10] См. Правда. — 1934. — 16 окт.
[11] Волков В. К. Указ. соч. — С. 143.
[12] См. Табуи Ж. Указ. соч. — С. 257—258.
[13] Kerillis H. de. Français, voici la vérité. — N. Y., 1942. — P. 25—26.
[14] Adamic L. My Native Land. — N. Y., 1943. — P. 481.
[15] Волков В. К. Указ. соч. — С. 29.
[16] King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. — N. Y., 1954. — P. 44.
[17] Волков В. К. Указ. соч. — С. 108—110.
[18] См. Эррио Э. Указ. соч. — С. 546, 550.
[19] Табуи Ж. Указ. соч. — С. 254—257.
[20] См. Правда. — 1934. — 11 окт.
[21] L'Humanité. — 1934. — 11 oct.
[22] Эррио Э. Указ. соч. — С. 554—555.
[23] См. Табуи Ж. Указ. соч. — С. 262.
[24] Эррио Э. Указ. соч. — С. 555.
[25] См. Temps. — 1934. — 20 nov.
[26] См. Известия. — 1935. — 24 марта.
[27] См. Литературная газета. — 1935. — 5 апр.
[28] Торез М. Избранные произведения. — Т. I. — С. 521.

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая биография

Константин Андреевич Малафеев

ЛУИ БАРТУ — политик и дипломат

В книге использованы архивные фотодокументы

Редактор Н. Н. ЛЕЩЕВА
Оформление художника К. К. ФЕДОРОВА
Художественный редактор С. С. ВОДЧИЦ
Технический редактор Н. П. НОВИКОВА
Корректор А. В. ФЕДИНА

ИБ № 1267

Сдано в набор 11.03.88. Подписано в печать 05.08.88. А 04680. Формат 84 × 108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 10,91. Тираж 35 000 экз. Заказ № 1228. Цена 75 к. Изд. № 23и/85.

Издательство «Международные отношения», 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Малафеев К. А.

М18 Луи Барту — политик и дипломат. — М.: Междунар. отношения, 1988. — 176 с. — (Б-ка «Внешняя политика. Дипломатия»).

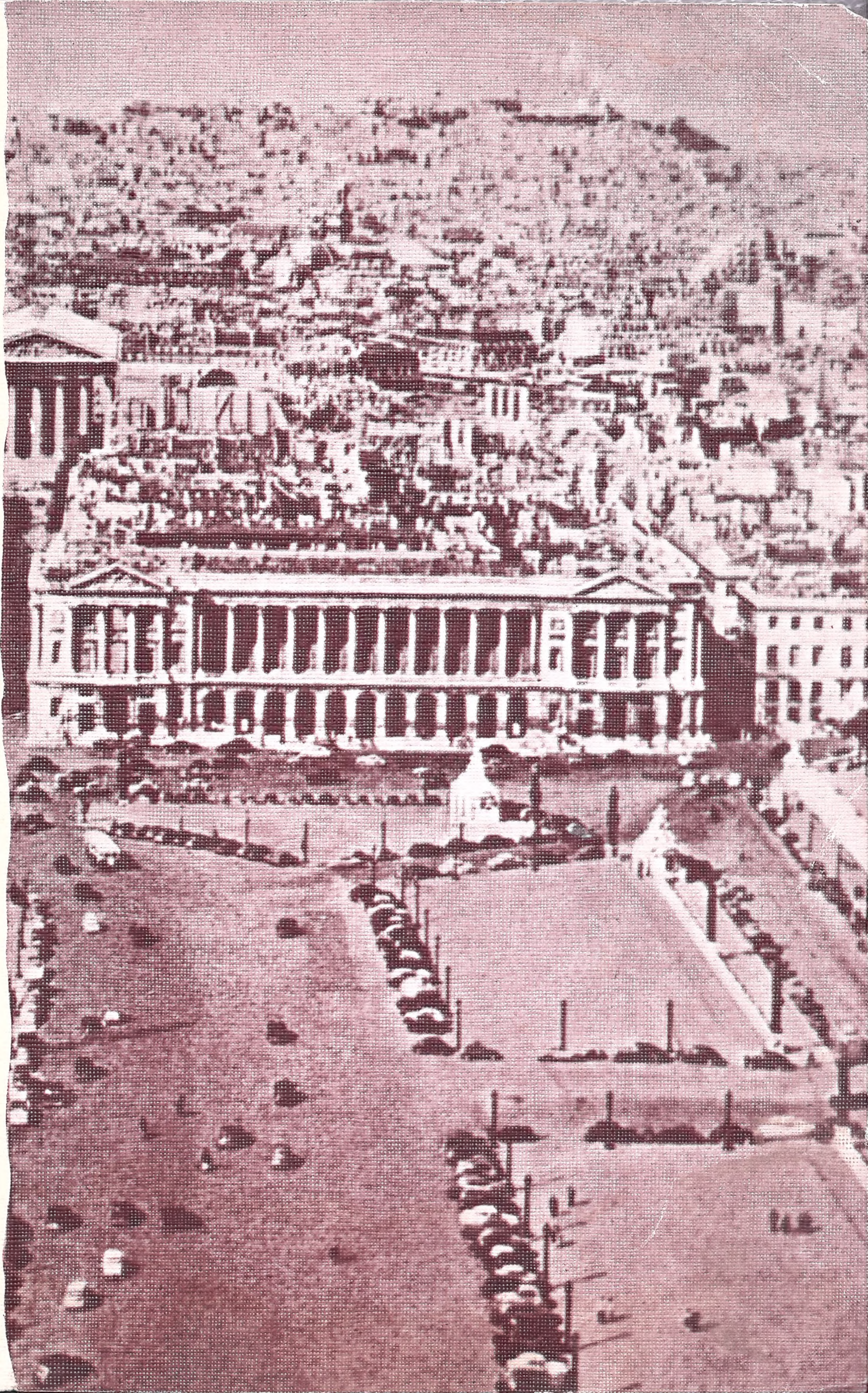
ISBN 5-7133-0135-4

Рассказывается о видном французском государственном деятеле Луи Барту, занимавшем высокие посты в правительстве Третьей республики. Он был представителем тех политических сил, которые постепенно осознавали необходимость признания Советской России, установления франко-советского сотрудничества. Его деятельность проходила на фоне сложной политической и дипломатической борьбы в Европе тех лет. Автор подчеркивает, что Луи Барту с тревогой наблюдал укрепление фашистской Германии и уже тогда видел в Советском Союзе сильного и надежного партнера в борьбе за европейскую безопасность.

Для читателей, интересующихся историей мировой политики.

М $\frac{0503010000-056}{003(01)-88}$ 58—88

ББК 63.3(4Фр)

75 коп.

К.А.Малафеев

Луи Барту

политик и дипломат

Луи Барту (1862—1934), видный французский государственный деятель, прошел долгий и сложный политический путь. Его имя неразрывно связано с историей французской Третьей республики. 14 раз он был министром в составе правительств Франции последнего десятилетия XIX — первой трети XX века, в том числе премьер-министром и дважды — министром иностранных дел. Человек правых убеждений, Луи Барту вместе с тем был в числе немногих буржуазных политиков, которые в годы, предшествовавшие второй мировой войне, не позволили ослепить себя ненавистью к Советскому государству. С тревогой наблюдая усиление гитлеровской Германии, Барту понимал, что только Советский Союз является сильным и надежным партнером в борьбе за сохранение мира в Европе на основе системы коллективной безопасности.

9 октября 1934 года трагически оборвалась жизнь Луи Барту, ставшего жертвой подготовленного при участии гитлеровской Германии террористического акта.

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

К.А.Малафеев Луи Барту – политик и дипломат